
уральский

следопыт

№12 ** 1977

ЛЕДНИК на БАЙКАЛЕ

Начиналось все обыденно, как перед любым восхождением, которых у меня около ста. Правда, все они были гораздо южнее, в досконально изученных горах нашей страны. А здесь...

...21 июля 1975 года экспедиция Сибирского энергетического института по изучению энергоресурсов БАМа подошла к леднику под горой Черского — высшей точкой Байкальского хребта. Позади остался Байкал, двухдневный подход таежной долиной речки Куркулы. А в этот день главной задачей было восхождение на вершину горы. Тут, под ледником, стало ясно, что взойти на вершину лучше не по южному, острому гребню, а по перемычке между горой Черского и вершиной, нависающей над ледником.

После восхождения я записал в дневнике: «К 10 часам утра подошли к леднику. Площадь его — $0,8 \times 0,8$ км. Ледник, наверняка, вечный, остаток старого оледенения, о жизни которого здесь все свидетельствует — бараньи лбы, кашалотами всплывающие среди морен, озера...» [Позднее, когда эти строки читали специалисты, они не скрывали улыбки по поводу моей терминологии и так категорично выдвинутой гипотезы].

В номере:

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР СВЕРДЛОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Б. Ваулин ЗА МЕТРОМ МЕТР	2
ПЕРВОЕ ЗОЛОТО ЮНОСТИ	7
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	10
В. Сорокин А ЛУНА, БОЛЬШАЯ И ЧУЖАЯ... Стихи	12
Б. Дробиз МАЛЬЧИК ИЗ СТАНЬКОВО	15
Г. Штейнберг НЕ В БРОВЬ, А В ГЛАЗ	16
Д. Лившиц ТАГИЛЬСКИЕ МУЗЫ	17
В. Крапивин В НОЧЬ БОЛЬШОГО ПРИЛИВА. Повесть	18
В. Брянский ЛЕДНИК... НА БАЙКАЛЕ	49
В. Тарасов ЕРМАКОВЫ СТРУГИ	50
М. Белюшин СТАРЫЙ СНИМОК	53
А. Щербаков МЕСЯЦ КРУТОРОГИЙ. Очерк зимнего села	54
Ю. Липатников СОЛНЕЧНАЯ ЗЕМЛЯ	66
В. Бугров БЕЗ ЗНАТЬЯ НЕ УГАДАЕШЬ...	70
ИТОГИ «ВИКТОРИНЫ-77»	74
С. Попов НАЗВАНО В ЧЕСТЬ МЕДВЕДЯ	75
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» в 1977 ГОДУ	76
НАШИ ПРИЗЕРЫ	80

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН (главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак НИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ (заместитель главного редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН (ответственный секретарь).

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:
620219,
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 30/VIII 1977 г.
НС 34133
Подписано к печати 11/X 1977 г.
Бумага 84×108^{1/16}.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 10,6
Тираж 275 000.
Заказ 115.
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
Е. СТЕРЛИГОВОЙ
Оформление 2-й ст. об-
ложки — С. МАЛЫШЕВА

© «Уральский следопыт», 1977 г.

№12 * 1977

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

«Ускорить выявление и разведку новых месторождений нефти, природного газа и конденсата прежде всего в Среднем Приобье и на севере Тюменской области...»

(Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 гг.»)

ЗА МЕТРОМ МЕТР

**Борис
ВАУЛИН**

*Рисунки
Н. Мооса*

Самолет забирает все дальше на север. Около Салехарда стало быстро темнеть, хотя стрелки часов едва сошли на двенадцати дня. За Полярным кругом — полярная ночь...

На откидных скамьях вдоль борта транспортного Ан-26 — тридцать мужчин. Буровики, геологи, испытатели скважин летят на работу в Карскую нефтегазоразведочную экспедицию. Работа за две тысячи километров от дома, на самом краешке земли, на Ямале.

Напряженна и необычна жизнь полярных разведчиков недр. Немалые трудности преодолевает человек в своем движении к неведомым местам. Но невозможно порой понять и верно оценить положение дел в краткие дни командировки, да и просто по-человечески неловко стоять с блокнотом в руках за спиной людей, захваченных работой. Поэтому взял отпуск и вот лечу. Замелькали огни моей буровой... Помощник бурильщика — такова теперь моя должность...

— Ну, что, товарищи, — недовольно сказал Лысенко, — бурить будем или как? Когда, наконец, метры у нас пойдут?

...Первым, как правило, встает Саша Гордеев. Сухощавый, порывисто-резкий в движениях, он быстро одевается и исчезает за дверью. Ребята продолжают облачение в теплую амуницию, а Сашка уже появляется в клубах морозного пара и сообщает, что мороз градусов под тридцать, но ветер небольшой — работать можно. Впрочем, последние слова Гордеев говорит при любой погоде.

От балков до буровой — сотня метров. Буровая — сказочное царство: потолок, стены, перила покрыты ажурной вязью куржака. Шипят струи пара, превращаясь в тончайшее кружево. Мерно гудит электростанция. От вибрации дизелей подрагивает укрытие. Бежит по желобам раствор, промывающий скважину. Из устья выливается горячий, по пути остывает и дальше слоируется густым киселем.

Бурильщик Дмитрий Дмитриевич — тридцатилетний украинец — дает указания перед началом смены. Круглые, чуть нависшие, зеленые глаза перебегают с одного лица на другое.

— Хлопцы, — начинает Дима, и рыжие усы его топорщатся, — вы должны не ходить, а бегать по буровой. Мы сюда приехали не кашу есть. Наша забота бурить. Бурение — это ускорение. Ускорение — это деньги. Вам ясно, хлопцы?

Бурильщик слегка отпускает тормоз, и в ответ на это стрелка гидравлического индикатора веса подсакивает на несколько делений. Че-

рез минуту-две она возвращается на место, и Дима вновь отпускает тормоз. Идет бурение! Нет для Дмитриевича ничего важнее этого момента, и даже вконец оочоженные ноги не могут оторвать его от пульта. Он яростно стучит сапогами, приплясывает на месте, но ручку тормоза не бросает. Идет бурение!

Тракторный кран поднимает на площадку контейнер с утяжелителем. Задача предельно проста — два кубометра смерзшегося черного порошка перебросать в раствор. Начал успешно. Два шага к контейнеру, два к раствору желобу. Лом и лопата меняют поочередно друга друга.

Фуфайка летит в угол, каска все время лезет на глаза — ее тоже долой. Два шага туда, два обратно. Одежда делается мокрой и неприятно липнет к телу. Остановиться бы на минуту, передохнуть, но рубаха застывает, и зябка дрожь пробегает по спине. Надо двигаться! Но руки не могут удержать инструмент: лом выскальзывает из рукавиц, лопата высыпает реагент на полдороге.

Контейнер — полупуст. Два шага вперед — два назад. Рукавицы летят в угол. Руки за пазуху, пальцы ноют, ощущая тепло, просят пощады.

Рискать нельзя. По настилу бухают торопливые шаги. Из-за угла показывается Гордеев. Двоем дело движется быстрее, и вот уже бросаем в раствор последнюю лопату реагента. Выпрямляем спины, улыбаемся. Немного можно отдохнуть.

— Мужики, — раздается сзади, — машина пришла с базы. Разгружать быстро. — Помощник мастера Владимир Шиков спор в делах и словах. Черный полушубок снова скрывается в клубах пара.

В кузове мощного тягача гора мешков. Пятьдесят килограммов хлопается на плечи. Ступени обледенелого трапа, скрипучая дверь, поворот за угол — ноша летит на пол. Живой конвейер работает четко, но мешки становятся все тяжелее, и темп работы замедляется. Водитель поглядывает на часы: серпантин мельных струек завихряется вокруг колес, успеет ли он проскокочить дорогу до пурги? Шиков аккуратно вешает полушубок на ручку кабины и взваливает мешок на плечо.

...Смену сдали вахте Подосинина. Гриша, кажется, учился в начальных классах, когда впервые появился на буровой — принес завтрак отцу. С тех пор прошло двадцать лет, и парень сам стал классным бурильщиком, сменил Кавказ на Ямал, перевез сюда семью. Отец и мать работают на базе, а жена Ирина с ним на буровой — лаборанткой.

Бурение Гришу затянуло накрепко. Для него — это жизнь без остатка, поэтому разговоры о поисках

места в жизни воспринимает скептически. Впрочем, он вообще не любит лишней болтовни. Взгляд внимателен и насмешлив, из-под низко надвинутого капюшона штормовки смотрят суровые серые глаза. Делает он все основательно и терпеть не может суеты и скороспешки. Всякий непорядок вызывает в нем тихо клокощущий гнев.

Даже своей Ирине не прощает оплошностей. Впрочем, на работе Подосинин с ней никогда не разговаривает. Делает вид, что не замечает. Сумрачные глаза смотрят сквозь человека, мысли его коцуют где-то далеко. Он хмуро кивает Дмитриевичу и сразу встает за пульт. Жизнерадостного Диму такая неприветливость корбит, но он так замерз, что только обиженно машет рукой и бежит в балок.

Сменились с вахты, переоделись и, проглотив наскоро тарелку борща и фирменное блюдо наших поваров — глазунью из трех яиц, мы сгрудились возле обогревательного прибора, именуемого в просторечии «козлом». День и ночь горят его малиновые спирали, разнося по комнате теплый воздух. Фанерные балки явно не рассчитаны на жестокие полярные морозы. Вот и теснимся в часы отдыха возле «козла» с его животворным теплом...

На стенах болтаются куртки, штаны и рубахи, балок кажется давно обжитым и уютным. Каждый занимается в эти часы своим делом. Гордеев пишет письмо невесте. К новому году Сашка решил жениться. За четыре года геологических экспедиций посмотрел он разные края, и вот задумал, наконец, осесть на месте. Сейчас и держит совет с невестой. Шепчет что-то про себя, хмурится, зачеркивает, снова пишет, дымит сигаретой...

...Утром во время завтрака кто-то обронил:

— Братцы, а почему буровая молчит?

В столовой хорошо слышны все звуки работающих механизмов. Сейчас в воздухе стояла непонятная и неприятная тишина. Буровая встретила омертвелым молчанием. То, что вчера крутилось, скрипело, бежало, — все замерло. Во время ночной вахты сгорел насос, и мороз заковал все линии ледовым панцирем. Ваш ход, товарищ бурильщик? Он ясен: разбираем замерзшие трубы, подключаем пар. Толстые резиновые шланги змеями вытаскиваем с буровой. В хитросплетении опорных конструкций проложены длинные металлические желоба. Стараясь повернуться спиной к пронизывающему ветру, ребята долбят замерзший кисель. Вчерашний труд — прахом... Глухо шлепаются о твердый наст куски коричневого льда.

Появляется мастер Лысенко. Лицо его измято сном, по обыкновению недовольно и обижено. Руки, забко засунутые в рукава полушубка, держатся на животе калачиком. На худых ногах болтается синее трико.

— Хватит копать, — роняет он скучным голосом. — Идите отогревайте глиномешалку.

Площадка. Толкаю дверь. Морозным жаром охватывает лицо. Рукой прикрываюсь от ветра, другой держусь за перила трапа. Девять обледенелых ступеней вверх. Дергаю дверь буровой. Шипит струйка пара из патрубка, падает легкий снежок, тускло светят фонари.

Открываю вентиль паропровода. Охватываю руками толстую резину, чувствую, как она нагревается. В пальцы входит тепло. Полминуты блаженства.

— Дима, — ору я радостно, — все готово, греется мешалка.

— Молодец, — откликается бурильщик, и зеленые глаза его блещут от радости. — Хлопци, вы должны не думать сейчас о себе. Вы должны делать все быстро и аккуратно. Отдыхать будем потом, надо начинать бурение.

...Надо начинать бурение, однако не бурим уже третий день. В журнале вахта, в графе пробуренных метров, бурильщики смена за сменой ставят черточки. Забой не увеличивается ни на метр. Кажется все делаем, чтобы прервать, наконец, этот злополучный частокол неудач, но что-нибудь да срысается.

Мастер с утра сделал всем такой втык, что вахта, включая Дмитровича, бегала рысью. Все вдруг стали страшно деловитыми, и каждый старался показать, что нагоняй к нему не относится. Особенно неприятно было, когда в разгар постоянных осложнений появлялся на буровой Лысенко. Несколько минут он стоял молча, наблюдал за действиями людей, и в этот момент как назло работа не ладилась. Мастер раздражался и громко кричал: «Давай, давай. Делай быстрее». Сам, однако, никогда не помогал. За ним так и укрепилось прозвище: «Давай-давай».

Лысенко — крепкий сорокалетний мужчина. Что-то не заладилось у него в научном институте, и он поехал в экспедицию начальником смены. Однако и здесь неудачи преследовали его. Назначили человека мастером в бригаду. Мешки под грустными глазами, недовольное выражение лица, углубленность в какие-то думы — таков был наш начальник. Работа у нас не клеилась, и от этого он раздражался еще больше.

— Бурить будем или как? Когда, наконец, метры у нас пойдут?

После смены Лысенко угрюмо молчит, потом, все более раздражаясь, перечисляет промахи.

— Тимофеич, — примирительно говорит самый опытный бурильщик Яцков, — дело направится, а горячку пороть не следует. Говорят, поспешай не торопясь...

— Вот я и вижу, что ты не торопишься, — обрывает его мастер. — Хвалиться тоже тебе нечем.

Сергей не отвечает на колкость. Молча постоял и вышел, осторожно прикрыв дверь балка. На буровой была его вахта.

Эта привычка у Яцкова укоренилась накрепко. Перед сменой, не торопясь, обходит хозяйство буровой. Заглянет в превенторную будку, проверит запас химреагентов, послушает насосы. Потом подойдет к самописцу, посмотрит, как поработала предыдущая вахта. Лишь после этого подходит к пульту.

Его мешковатая, невысокая фигура слегка покачивается на ходу, шапка смешно выгибается из-под каски. Добрая улыбка прячется в щеточке усов. Медлительность Яцкова порой выводит из равновесия сменщиков.

— Родионыч, невесту выбираешь, что ли? Давай начинать в темпе. Быстрее закончим свечи спускать, да бурить начнем. — Женька Моторин нетерпеливо постукивает по трубам на «подсвечнике».

— Не суешься, — осаживает его Яцков. — Не спеши к богу в рай. Ты вахту-то хорошо принял? — спрашивает Сергей Родионович и становится, наконец, к пульту.

Женька кивает кудлатой головой и недовольно пожимает плечами. Вчера меняли сгоревшую муфту лебедки. Значит, неожиданностей никаких быть не может, все остается по-старому. И зря ты, товарищ бурильщик, беспокоишься — всем своим видом показывал парень.

— Вчера... Вчера почти таяло, а сегодня мороз под тридцать заворачивает, — отзывается Яцков, проверяя работу пульта. — Поспешись — людей насмешись, а у нас смех может получиться очень даже горький...

Застучали сапоги по трапам, подал густой, мерный голос дизель, скрипуче полез вверх элеватор. Рычаг влево, рычаг вправо, стоп! Не зевай, верховой!

Очередная свеча, уходившая в скважину, вдруг несколько раз вздрогнула и замерла. Обостренным чувством Яцков понял: сейчас что-то произойдет. Стрелка индикатора веса металась по кругу, не зная, где остановиться. А через край трубы, уставившей свое жерло в черное полярное небо, уже начал переливаться раствор, казалось, заработал невидимый поршень.

Ударил один фонтанчик, другой.

Через мгновение глинистый гейзер поднялся метра на четыре. Хлопья грязи падали на инструмент, одежду, тут же застывая. Дело решали мгновения. Необходимо вернуть на трубы квадратную штангу и промыть скважину, чтобы раствор вынес на поверхность скопившийся газ.

— Фаат, быстро к насосам! — крикнул он своему помощнику Губайдуллину. — Через две минуты включай!

Яцков отдавал распоряжения быстро, но спокойно, как будто знал, что все это произойдет и потому заранее продумал свои действия. Впрочем, так, наверное, и было. За двадцать лет в геологоразведке случилось всякое. Ситуации порой в чем-то повторялись. Неизвестно было только, какие сюрпризы сейчас приготовили подземные недра.

— Родионыч! — крик Женьки заглушил рев дизелей. — Желоб возле устья замерз, раствор наружу выливается.

А это уже сюрприз! Только приготовила его не природа, а печность самого Моторина. Понадеявшись на теплую погоду, остатки раствора вовремя не убрали из желобов, и он застыл прочнее бетона. Вот тебе и «давай в темпе!»

Газ скапливается в скважине и может с такой силой «дунуть» в колонну, что вся она вылетит, как соломинка... Но раствор тоже не будешь выливать в тундру. Чем тогда промывать скважину?

— Фаат, останавливай насосы ровно на пять минут! Шланги с паром, ломы, лопаты — и все на желоба! — резко бросил Яцков.

Главное, за эти минуты прорубить в застывшем растворе хотя бы канавку. Тогда ручеек горячей жидкости сам проложит себе дорогу. В клубах пара слышались глухие удары ломов, звон лопат, на утрамбованный ветром снег шлепался раствор.

Стояла ясная ночь. Мигали звезды, ковш Медведицы запрокинулся над головою. Ветер выдавливал из глаз слезы, мороз оставлял белые метки на щеках. Через пять минут глухо заворчали поршни насосов. По узенькой дорожке побежала горячая струйка раствора. В потоке жидкости лопались пузырьки газа. Пронесло...

...После ужина, вспоминая тревожную вахту, кто-то сказал:

— Да-а, чуть не влипли в историю. Могло быть хуже.

— Могло, — согласился Яцков. — Думаю, некоторые теперь не будут торопиться принимать смену.

«Некоторые» сидели в углу, не принимая участия в разговоре. Про себя Женька решил, что завтра придет на смену раньше. Его — стре-

ляного воробья — теперь не проведешь: перед сменой он облазит всю буровую.

В открытой двери балка вырастает огромная фигура Шикова. На дворе пуржит, и вошедший отряхивается от снега, постукивает унтами. Помощник мастера желанный гость в любом балке. Есть люди, возле которых чувствуешь себя тепло и надежно. Недавний выпускник Московского института имени Губкина сумел добиться направления в Заполярье. Справедлив. Когда заслужил, Владимир отругает. Когда трудно, сам возьмет кувалду, зарядит ключ, встанет за помбура. Когда грустно, струны гитары запоют под его пальцами.

Вчера долго не могли установить тяжелые бурильные трубы. Ветер раскачивал тридцатиметровые стальные плети, они угрожающе покачивались и опасно отклонялись в сторону. Дмитриевич кричал верховому, давая указания, но ветер относил слова. Положение с каждой минутой обострялось. Дмитрий метался по буровой, проклиная бесполового рабочего, ветер, погоду, такую работу. Шиков мгновенно оценил обстановку, никто не заметил, когда он появился.

— Дима, не мочи горло! — не успели оглянуться, как инженер уже бежал по трапам. 95 ступеней до первого яруса и еще 43 до второ-

го. Крепкие руки приняли веревку, и стальные плети, повинаясь упрямству человека, медленно заскользили на место. А трапы снова раскачивались от бега Шикова. Он уже внизу отдавал четкие приказы бурильщику...

...Щедра тюменская земля. Но раскрывает она свои кладовые не вдруг (приходи, мол, пользуйся, бери сколько душе угодно). Испытывает она сперва человека, достоин ли он всех ее несметных богатств. Испытывает во все времена года, всеми возможными способами. Жестко порой эти проверки. Дорогой ценой платят люди за каждый шаг к земным сокровищам, но тем упорнее путь к цели.

И бригада бурит! Сперва Гриша Подосинин дал восемь метров, потом Сергей добавил шесть. После наша вахта углубила забой на семь с половиной. Ревниво сличаем цифры в журнале, стараемся обогнать друг друга. Погода радует всех: три дня градусов 15—20 и нет ветра. Всегда бы так. Готовим фронт работ для Подосинина. Его вахта работает последнюю смену и потом улетает домой на отдых. Мы не успели вернуть с десяток свечей. Это они делают сами и начнут бурить. Все готово — успевай давать проходку. Нет для буровика приятнее момента, когда приходит в движение квадрат, чуть подрагивает стрелка инди-

катора веса и мощно гудят насосы, гоняя раствор.

Удивительное ощущение, когда инструмент от легкого движения руки уходит куда-то к нутру земли. Миллионы лет была закрыта дверь, а теперь ты своим инструментом открываешь ее, проникая в тайны подземного царства.

Звон, скрежет и треск поднимают всех из-за стола и выбрасывают на улицу. Фонарь вышки трещит и раскачивается из стороны в сторону. Трехтонная талеваая система прыгает на мощных тросах, как детский мячик. Фонари болтаются вокруг осей, прочерчивая тревожные полукружья света.

— Братцы, полет инструмента, — выдал кто-то осипшим голосом.

Так оно и было. Муфта последней свечи оказалась бракованной. Стальная колонна, пролетев сотню метров, намертво воткнулась в забой. Она проскочила сквозь гнездо элеватора, как гвоздь без шляпки. И все началось сызнова.

Ночью закатывали бурильные трубы на стеллаж, чистили приемный мост, монтировали ворота буровой, оторванные пургой, выкидывали раствор из превенторной будки. Стояла настороженная морозная тишина, блестел круглый лик луны и где-то по-над горизонтом трепетала многоцветная завеска северного сияния. Все чаще хвата-

емя за носы и щеки, ожесточенно трем руками. В три часа идем пить чай в дизельную. Сгрудились возле теплого бока двигателя. Кружка пущена по кругу. Молчим. И так все ясно без слов. Автоматический самописец — неустанный страж наших дел. Его чернильный пальчик ведет унылую прямую линию, показывая, что скважина бездействует. Комиссия выяснила причины аварии: стальная труба была с заводским браком. Нам бы сюда этого бракодела! Пусть бы взглянул, во что обходится просто.

Как не хочется уходить от теплого бока дизеля в этот крошечный ад. Поплотнее прижаться к теплому железу, захватить с собой кусочек тепла. Теперь туго подпоясаться, чтобы подольше удержать его в теле. Достают толстые отцовские рукавицы. Он их шил сам специально для моей работы. И пусть тепло дорогого мне человека греет меня в эту минуту. Лица закрываем шарфами, оставляя одни глаза. Пошли.

..Ветер! Ветер! Ветер! Совершенно невообразимый дикий пир ветра. Это бесплотно-ощутимое существо, сбивающее человека с ног. Крутит здорового мужика, как тростинку. Не хватает воздуха, а в раскрытый рот летит комок шершавого мокрого снега. Карабкаешься по обледенелому сугробу, и новый порыв опрокидывает тебя навзничь. Не приходилось еще встречать такое.

Поистине злой дух Ямала достоин отдельного посвящения. Это не тот стыдливый ветерок, который щекочет морозцем щеки в большом городе и быстренько прячется в переулках. Наш ветер, зародившись в просторах Арктики, нагулявшись там вволю, почуяв свою могучую силу, несется с бешеной скоростью на материк и обрушивается с дикой силой, ломая все на своем пути. Про него нельзя сказать: «Он дует», — это единая упругая стена.

Кто-то шутку бросил: «На буровую едва ползешь, а с работы птицей летишь». Нет, не о лодыре речь идет. На работу двигаешься, согнувшись параллельно земле, загибая руками в плотной, осязаемо прозрачной купели. Обратное же мощный пресс давит в спину, швыряя тебя, словно перекати-поле.

Подъем инструмента — надо идти **наверх**. Собрались вдвоем с Толей **Смысловым**. Одному в такой ветер стальную двадцатитрехметровую свечу не удержать. И не дай бог этого! Ломая ограждения, запутывая тросы, лебедки, калена машины и людей, не успевших убежать, рухнет она на землю.

В машинном зале все же надежнее. Свет электроролуп падает на лица товарищей. Шипит перегретый пар, выбиваясь из патрубков. Снежинки пробиваются сквозь неплот-

ные щели. Тонкая стенка из железа, досок и фанеры прогибается от напора разбушевавшейся стихии. Дверь сдерживает яростную силу, отделяя и защищая нас от темноты и мрака. Но мы сами откроем ее. Толкаем раз, другой. Дверь чуть приоткрывается, и тут же бешеный удар извне захлопывает ее. Наваливаемся вдвоем и протискиваемся в едва открывшуюся щель.

Каски на нас, в руках инструмент, вот и площадка: «Ну, хлопцы, будь!» Ветер выждал удобный момент и с размаху толкнул в грудь. Падаю на перила, поднимаюсь, как волчок, кручусь по скользкому железу: «Будь ты проклят, ветер жгучий!» — мы все равно вперед лезем. Упрямо, вверх и вверх, а ступени вниз под ногой. Руки не чувствуют, слезы из глаз — жесток запоярный бой!

Одна за другой бурильные трубы становятся в ряд. Дружные усилия двоих делают свое дело. Говорим мало — бережем тепло. Работаем синхронно, понимая замысел товарища без слов. Украдкой поглядываем на часы — время идет удивительно медленно.

Время! Время! Мудрое, быстро текущее, жестокое и прекрасное. Странное существо человек. В зависимости от выгоды — то торопит, то старается задержать размеренное движение минут. Время, залитое кровью войны, пропахшее потом труда, ликующее радостью гагаринских дней, беспечностью студенческой вечеринки, уложенное в четкие газетные строки, первые мгновения свиданий любви и первой изморози на висках. Время — тайный враг, время — лучший друг!

Вырвались из прорыва — началась жаркая работа!

...Дима со счастливым лицом стоит у тормоза. Глаза его не отрываются от квадратной железной штанги, на которой нанесены метки мелом через каждый метр. Вращается колонна, одна за другой скрываются метки в скважине. Быстро отвинчиваем инструмент, наращиваем трубы. Теплая струя раствора хлещет из устья. Очередная свеча погружается в недра. Навертываем инструмент... режут дизели... дрожит стрелка индикатора веса... бурение...

В глазах не гаснет радость успеха. Нынче все постояли у ручки тормоза, ощутили мощную силу дизелей, толкающих долото в земное нутро. Толпой вваливаемся в балок мастера. Бурильщик открывает журнал и торжественно выводит цифру «16»... Невеликий, но рекорд!

Вперед скважина! Но что в ней? Вдруг окажется пуста? На завтра геологи назначили взятие керна. Что принесет проба? Если результат отрицательный — досадно. Для геологов отрицательный результат не по-

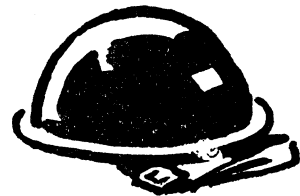
ражение, а направление дальнейших поисков. И все же лучше, если бы был газ. А там, кто знает, и до нефтеносных пластов рукой подать.

Мы счастливы первым успехом, мы слегка пьяны от него. Откуда было знать, что пройдены не все испытания, не все коварные ловушки, расставленные на нашем пути!..

...И все же скважину мы пробурили до необходимого забоя. Отметка 2600 метров выполнена полностью. Пробурили без ускорения, без аплодисментов и оркестров, но дело свое сделали. Сдали скважину для испытаний геологам, и те поставили на своих больших картах крохотную отметку...

За метром метр прошивали мы твердь земную. Стою недалеко от скважины. Может, на самой той точке, отмеченной геологами. Под этой крохотулькой, пятачком ямальской земли — триллионы кубометров газа! Вот и посудите, что чувствует в такие минуты человек причастный, одолевший, победивший!

Карская нефтегазоразведочная экспедиция, полуостров Ямал.

ПЕРВОЕ ЗОЛОТО ЮНОСТИ

Откровения
шестнадцатилетнего

Сергея

Подуровского,

золотого

медалиста

93-й средней

школы

города Свердловска

Рисунок
М. Паукера

Сергей пришел в редакцию, как обещал — ровно в двенадцать. Он вежлив, со вкусом одет. Мое мнение о медалистах, как аккуратистах, он не развеял. Но вот присел к столу и так общительно улыбнулся, как это умеют люди очень открытые, искренние...

Корреспондент:

— Ты, Сергей, смог добиться того, о чем и втайне и въявь мечтают миллионы школьников. Золотой же медали удостоиваются единицы. Почетно! Видимо, есть законное чувство некоей избранности?

Сергей:

— Не думаю, что мечтают о медали миллионы. К восьмому-девятому классу ясно — потянешь на медаль или не потянешь. Но если уж ясно, что потянешь, дорого обходится эта «избранность», как вы сказали...

Корреспондент:

— В смысле того, что надо учиться без сбоев, усиленно заниматься?

Сергей:

— Если бы речь шла только о занятиях! Честно говоря, пятерка в школе дается не таким уж великим трудом. Конечно, без усидчивости ничего не добиться, но эта черта, на мой взгляд, не самая ценная в человеке.

Корреспондент:

— А какая же самая ценная?

Сергей:

— Скажу чуть позже. Сначала закончу свою мысль... Труднее всего стандартное отношение класса к кан-

дидатам на медаль. Меня откровенно обвиняли в подлизывании к учителям, в том, что я их любимчик...

Корреспондент:

— И в таких утверждениях никакли истины?

Сергей:

— Скорее всего это истина наоборот! Просто я имею правило никогда ни в чем не отказывать, если меня просят. Почему же делать исключение просьбе учителя? Вот эта моя готовность выполнить любое поручение как раз и толкуется превратно. А то, что учителя меня выделяли, то ведь это вполне нормальное явление. В школах принято выделять лучших.

Корреспондент:

— Ты говоришь так, будто бы с принятым надо мириться, но не обязательно такой вариант положения дел считать лучшим. Это выход на критику школьных порядков?

Сергей:

— Нет, я спокойно терпел принятое... То, что учителя ходят в школу как на работу, то есть с заранее заготовленными формулами разговоров с нами, то, что мы для них, в сущности, одинаково школьники — будь то восьмиклассник или десятиклассник. А между классами, даже девятым и десятым, как будто целое поколение. Настолько мы разные!

Корреспондент:

— Но ведь истина одинаково добра ко всем. Особенно та, что надо хорошо учиться, готовиться к полезному труду для общества...

Сергей:

— Да, это помогает терпеть приятное... Успокаивает как-то... Истина эта действительно добра. Я обещал сказать о самой ценной черте в человеке. Она — отзывчивость. И, может, это пока единственная истина, которую я принимаю безоговорочно и сердцем. От нее я веду отсчет всему. Знаете, как я пришел к такому выводу? Кроме школьных обязанностей, у меня были и сильные увлечения — спорт, музыка. Я занимался в конькобежной секции. Зал — бесплатно, летом путевки в лагерь — бесплатно. Сначала принималось как нечто естественное, а потом я почувствовал в этом заботу государства и лично о себе. И преподаватель музыки, который занимался со мной на дому, ни разу не позволил взять себе лишний рубль, хотя мама и часто предлагала. Скажете, это бескорыстие? А я вижу в этом ту же отзывчивость бескорыстную и доброту. Или наш классный руководитель Клара Георгиевна. Она начала работать с нами сразу после пединститута. А класс наш экспериментальный. Собрали учеников посильнее из трех школ и составили один. Школе вроде для чего-то хорошо, а классному руководителю каково? Как из трех осколков разных классов сделать один, да еще хороший? Клара Георгиевна очень старалась сдружить нас. Сблизить. И понять. Хотя до конца добиться того, чего она добивалась, я думаю, невозможно. Да и незачем сблизать нас на недолгое время. Помоему, только добрый человек может добиваться невозможного.

Корреспондент:

— А ты сам брался только за осуществимое?

Сергей:

— В какой-то мере — да. Музыкой я увлекался в свое время серьезно. Поступал в музыкальную школу при консерватории. Брали в третий класс. Значит, мне на музыкальное образование нужно было потратить еще семь лет... Я посчитал это невыгодным.

Корреспондент:

— Не рано ли выгода взяла верх над увлечением?

Сергей:

— Я тоже удивляюсь, что у меня мелькнули мысли о выгоде. Ни раньше, ни позже они у меня не мелькали. Видно, в решающие минуты надо доверять холодному расчету. Ведь тогда стоял вопрос, что избрать жизненной целью — музыку или физику... В музыке я не чувствовал себя одаренным. Конечно, Бетховен, например, своей лирикой и мощью значил для меня много, но, отказываясь от участи профессионала музыканта, я не оставлял ни Бетховена, ни Чайковского... С физикой было совсем дру-

гое дело. Я что-то почувствовал. Это было необычное для меня чувство.

Корреспондент:

— Давай-ка, Сергей, поподробней об этом, и по порядку...

Сергей:

— Однажды в восьмом классе попал мне в руки журнал «Квант». Там предлагались задачи по физике. Решил, послал в Московский физико-технический институт. Помню, по математике была даже двойка, а вот по физике — пятерка... Задание довольно несложное: «Шар наполнен некоторым количеством гелия. Подымется ли шар?».

Корреспондент:

— Поднялся шар?

Сергей:

— Поднялся! А потом пошли такие задачи, что решить их казалось невозможным.

Корреспондент:

— И добрый школьник Сергей Подуровский решился на невозможное...

Сергей:

— Я почувствовал что-то необычное в себе. Уверенность, что это единственное мое и что это мне поддается. Сколько литературы перерыл! И знаете, скоро у меня как бы глаза прорезались. Я по-другому взглянул не только на физику. На жизнь вообще! Школьные задачки я просто щелкал без затруднения. Как жалко, что часто менялись учителя физики! Как жалко, что преподаватели ее женщины! Физика — мужское дело, я в этом уверен. Физика требует особой душевной преданности. Мне никто в школе не мог ничего подсказать, посоветовать. Многие специальные вопросы были не под силу и учителям. Конечно, вида о своих затруднениях я не подавал. Изменился и характер отношений с ребятами. Интерес во мне вызывали те, кто сам что-то трудное ищет. Мне просто отвратительны мальчики из подъездов... Гитара, песенки... Нет в них никакой загадки. Они просто эгоисты. Все для себя. Они развлекаются: танцы, вино... А развлекаются от скуки и для себя...

Корреспондент:

— Ты к вину, конечно, не приращиваешься?

Сергей:

— Было два раза, пригубил на дне рождения... Потом сильно жалел об этом.

Корреспондент:

— И о чем же именно?

Сергей:

— Это не интересно рассказывать... Я хочу продолжить о том, что

меня стали интересовать те, кто сам ищет. Вот, например, сосед по парте Игорь Кетов. Немного странный человек, но умница. В пятом классе помог мне задачи решать, а на выпускных экзаменах я ему помог... Он увлекался химией. Ушел, как говорится, в нее с головой. А с математикой у него похуже. И очень плохой почерк. Из-за него на олимпиадах он выступал неудачно — работы ему просто, видимо, не засчитывали. Кому охота расшифровывать ужасный почерк десятиклассника... Я ему посоветовал поступать в МГУ. Мне кажется, там внимательней относятся к одаренным абитуриентам. Пока я его не убедил, и поступать Игорь решил в наш, Уральский университет.

Корреспондент:

— Плохо, значит, убеждал.

Сергей:

— Нет. Я стараюсь все делать хорошо. Просто после школы каждый резко сам по себе. Меня волнует судьба Игоря. Но что я успею, смогу сделать для него? Чувствую, что очень на многое в жизни не будет хватать времени.

Корреспондент:

— Так сразу «резко каждый сам по себе». Был класс, коллектив — и нет ничего?

Сергей:

— Я говорил, что класс наш был экспериментальный. Настоящий коллектив сложить не сумели. Но мы старались. А то, что каждый сам по себе оказался, — тоже неплохо. Все же окончание школы, как бы финиш промежуточный. Надо резко отрываться: ленточку финишную желательно встретить в одиночестве...

Корреспондент:

— Ты хочешь сказать, Сергей, что в решающие минуты человек должен уметь принять самостоятельное решение?

Сергей:

— Да. Хотя бы потому, что если ошибся, то пеняй сам на себя. Очень часто слышу от моих одногродков, если у них что-то не получается, то говорят, что, мол, учителя, родители виноваты... Сначала спроси себя!

Корреспондент:

— Но и у тебя претензии к учителям!

Сергей:

— Но ведь нельзя и сказать, что я своей программы не выполнил. Все идет нормально. К цели-то я все-таки приближаюсь пока без сбоев... Первое золото юности взято — если говорить поэтически.

Корреспондент:

— Неужели никогда не было опасения, что может быть в чем-то

сбой? Всякие подстерегают человека неожиданности, случайности на пути к цели.

Сергей:

— Вы хотите сказать, что я могу и не поступить в институт? Я этого не боюсь. И никакой трагедии не будет, если вместо аудитории института я окажусь, скажем, в шахтном забое.

Корреспондент:

— Так сразу в шахту, в забой?

Сергей:

— У нас дома почти никогда не выключается радио. О профессиональной ориентации говорят много. Я отлично понимаю, что стране необходимы и шахтеры, грузчики, стропаля — люди преимущественно физического труда. И я спокойно вижу себя и шахтером, и токарем. Знаете почему? Труд физический приносит мне настоящее наслаждение...

Корреспондент:

— Где же ты успел им в такой степени насладиться?

Сергей:

— Сразу и не догадаетесь! Я уже говорил, что много занимался спортом. Он приучил меня к систематическим физическим нагрузкам. Кроме того, приходилось много путешествовать. Поездами, самолетами, а больше — с рюкзаком. И там, в походах, тоже надо много работать. Я всегда трудился с радостью.

Корреспондент:

— Ну, спасибо, Сергей. Ты подарил мне отличную публицистическую мысль: через спорт — к ощущению радости труда...

Сергей:

— Да, это можно связать и буквальным смыслом. Думаете, на какие деньги мы путешествовали? А сами их зарабатывали! Нам давали ручную работу в «Уралэнергосбыте». Результат: видел горы в Алма-Ате, тайгу в Красноярске, море около Севастополя... Страна у нас такая большая!

Корреспондент:

— Твое признание обобщаю так: к шестнадцати годам у тебя начинает складываться ощущение Родины, и не только географическое. Но — нравственное!

Сергей:

— Лучше, красивее Урала ничего не видел. С особенным удовольствием после долгих путешествий бродил по лесу возле Свердловска. Дома лучше! Да, за всю большую нашу страну чувствуешь гордость, а любишь все-таки больше места, где родился, вырос. Родину то есть...

Корреспондент:

— Честно говоря, я к такому суждению пришел чуть позднее, когда уже пошел служить в армию. Там я как-то сильно почувствовал ширь и мощь Родины, проехав в солдатском составе сквозь Урал, Сибирь. Наверное, акселерация сказывается и на том, что молодые раньше приходят к открытиям в духовном, нравственном плане. А мы, взрослые, судим о вас по себе.

Сергей:

— А что такое акселерация?

Корреспондент:

— Вот тебе раз! Столько говорят об акселерации, а ты не знаешь! Замечено, что молодежь в последние десятилетия развивается быстрее. Особенно в росте. Шестнадцатилетние семидесятых годов выше своих сверстников шестидесятых годов чуть ли не на десяток сантиметров! Феномен этот и называли акселерацией.

Сергей:

— Ну, это меня не касается. Мог и пропустить разговоры о ней. У меня рост, как видите, ниже среднего. Да и читаю книги в основном по физике. А причин, что мы раньше узнаем, о чем нам, вроде бы, рано знать, я вижу две. Первая — не зависит ни от кого. Она во всеобщем, мне кажется, прогрессе человечества. А в остальном сами взрослые виноваты.

Корреспондент:

— Последнее надо пояснить... Что же это за вина взрослых в акселерации?

Сергей:

— Взрослые слишком много хотят знать о нас. А если бы им удалось, то и все. О чем думаем, что читаем, о чем говорим наедине, что у нас на сердце. А человеку нельзя без личной тайны. Я твердо считаю: человека творчески движет вперед то, что известно ему одному. Это, сокровенное, и составляет главное в его характере, его способности быть самостоятельным: Вам может показаться, что я говорю слишком взросло. Но мне хочется, чтобы упрек прозвучал веселее. Вы, взрослые, слишком много хотите о нас знать, не делая взамен своими тайнами. Разве нам не хотелось откровения от учителей? Хоть немного? По-человечески. Почему надо бояться, что мы пойдем неправильно?

Корреспондент:

— Если уж на то пошло, вы, молодые, сами даете повод так к себе относиться. Рубахи — до пояса расстегнуты. Прически — вразлет. Жесты — расхлябаны. Натя, мол, смотри, я весь здесь, ничего не таю... А этикет как раз одно из средств оттаиваться самим собой...

Сергей:

— Это мне еще предстоит понять... Я сейчас на другом сосредоточен. Впереди — экзамены в институт. Не думайте, что я ухожу от разговора. Скажу за всех своих одноклассников. Мы хотим быть полезными. Мы знаем, что в жизни непросто найти свой путь. Но нам бы не хотелось, чтобы о нас беспокоились больше, чем мы сами о себе. Да разве у нас в стране можно долго быть бесполезным? А что касается наибольшей пользы, то затем и учимся, чтобы приближаться к этому больше и больше... Выпускные экзамены вроде бы все силы забрали...

Корреспондент:

— Усталость все-таки чувствуется?

Сергей:

— Рано уставать! В том-то и дело, что надо искать новые силы. Не поддаваться усталости. Я не хочу заканчивать беседу разговором о ней. Впереди Москва! Давайте года через два встретимся. Подведем более серьезные итоги.

Корреспондент:

— Да, а то получилось, что больше говорил я, а не ты.

Сергей:

— А мы к этому и привыкли в школе. Больше-то учителя говорили. Мы слушали.

Корреспондент:

— Выговорись в Москве. А все-таки, о чем будешь сообщать новым знакомым с особенной гордостью?

Сергей:

— Я — уралец!

Беседу вел Ю. Борисихин

● **Коммунизму
учился
в рудниках...**

● **Урок
подвига**

● **Охотник
из Москвы**

● **Слава
воинская**

● **Бомбардир
с «Авроры»**

● **Третий
орден
К. Есенина**

● **Не забыт
потомками!**

В станице Усть-Хоперской огорожен штакетником старый обелиск. В ряду других фамилий есть на нем имя Якова Дементьевича Грачева, первого председателя станичного ревкома. О событиях в Усть-Хоперской рассказал Михаил Шолохов в своем «Тихом Доне».

Станицу заняли белоказаки. Атаман обещал Грачеву жизнь, если он уедет с Дона: «Откомиссарился Грачев. Наш верх!» Яков Грачев отказался: «Слепые вы. Сегодня верх твой, это правда, и ты можешь загубить меня и моих товарищей только потому, что кое-кому мы не успели открыть глаза. Назавтра они у них откроются, и тогда не ждите пощады...»

Белоказаки учинили зверскую расправу над членами ревкома и комиссаром.

Следопыты Усть-Хоперской школы разыскали сына и дочь Якова Грачева, узнали подробно о судьбе и гибели комиссара, который говорил: «Я старый большевик. Коммунизму учился в рудниках, и выбить мои убеждения не в силах даже смерть».

Идут в станицу письма от родных Грачева. Шумят в округе пшеничные колосья. Горит красная звезда на обелиске. А имя Яков в станице — самое распространенное...

В Каменске-Уральском до войны жили и работали несколько будущих Героев Советского Союза. Среди них — Григорий Павлович Кунавин. Помощник командира взвода, потом пастор роты, он освобождал Курск, Орел, воевал на земле Белоруссии, Польши. Григорий Кунавин повторил подвиг Александра Матросова.

А до войны он строил участок железной дороги Свердловск — Синарская, как раз там, где сегодня находится станция Кунавино. Неподдалеку от станции расположена школа № 4. Каждый новый учебный год начинается в школе уроком мужества, каждому первокласснику прежде всего рассказывают о Кунавине... О его подвиге и о подвигах других земляков-героев — Ивана Васильевича Абрамова, Ивана Петровича Кадочникова, Михаила Николаевича Мещерягина, Григория Егоровича Яменева, Виктора Ивановича Чергина, Николая Бочкарева.

Старые лыжи с ремешками для креплений поступили в Центральный музей В. И. Ленина из Звенигородского краеведческого музея. На этих лыжах близ деревни Акулово Ленин ходил на охоту.

...Охота тогда не состоялась. Разыгралась метель, спрятала дороги, на-

мела сугробов. Охотники из Москвы вернулись в избу, где жила семья Школьниковых. Страхнули снег, положили ружья, нанизанные на веревку флажки — на волков ходили. За горячим чаем — Ильич достал из коробки колотый сахар — шла беседа. Ленин интересовался хозяйством многодетной семьи. Трудолюбивый хозяин пришелся ему по душе: он написал записку на завод в Люберцы, позднее крестьянин по этой записке получил жнейку, пружинную борону и плуг. Когда пришло время прощаться, Владимир Ильич попросил Школьниковых оставить лыжи у себя — «до следующего приезда».

Матрена Матвеевна Школьниковых (нынче ей исполнилось 92 года) долгое время хранила лыжи, а потом передала в музей.

Старший научный сотрудник Звенигородского музея О. П. Бояр и старший научный сотрудник Центрального музея В. И. Ленина С. С. Сафронов, сопоставляя множество архивных документов, собирая воспоминания старожилов, восстановили этот эпизод из жизни Ильича. Судя по всему, это был февраль 1921 года.

Разве может быть, чтобы одна семья получила более ста орденов и медалей? Есть такая семья. О танкистах Михеевых рассказывают экспонаты музея

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

боевой истории Дальневосточного военного округа. В 1937 году четверо сыновей пчеловода Михеева образовали первый семейный танковый экипаж в Красной Армии — он служил на Дальнем Востоке. В Великую Отечественную войну Михеевы воевали тоже «всей семьей», и тоже в танковых экипажах. Десять братьев Михеевых удостоены за подвиги более чем сотней наград. И сегодня внуки Михеевых, ставшие танкистами, продолжают семейную традицию.

В музее боевой истории Краснознаменного Дальневосточного округа собраны интересные и редкие документы, фотографии, материалы о доблести и славе воинов-дальневосточников от времен гражданской войны по наши дни.

Нынче музей принял своего 500-тысячного посетителя. Им стал один из делегатов первого слета воинов-железнодорожников, сооружающих БАМ.

Сигнальный выстрел к штурму Зимнего дворца сделан был бомбардиром крейсера «Аврора» Евдокимом Павловичем Огневым. Это несколько лет назад выяснили ленинградские следопыты.

Следопыты из ростовской школы № 90 задались целью установить дальнейшую судьбу пушкаря революции. Известно было, что Огнев вместе с другими аврорцами попросился на фронт, воевал с Калединым и погиб в 1918 году в Приманьчской степи.

Во все приманьчские станицы и хутора разошлись ребячьи письма. И узнали следопыты про последний бой Евдокима Огнева.

...Отряд комендора в 70 сабель стоял на хуторе Казачий Хомутец. На рассвете его окружили две сотни казаков. Огнев приказал конникам отходить, спасая обоз с ранеными, а сам остался прикрывать отходящих. И здесь была у Евдокима пушка — трофейная. Выручила бы она его, да кончились снаряды... Оставалось их всего трое. Вскочили они на коней, отстреливаясь, поскакали к Манычу. Возле скифского кургана настигла Евдокима вражеская пуля...

Началось с... футбола. Следопыты города Ворошиловграда прочитали в «Известиях» спортивное обозрение «И взошла «Заря»... «Заря» — ворошиловградская футбольная команда — стала тогда, пять лет назад, чемпионом страны. Обозрение было подписано «К. Есенин».

О нем — Константине Сергеевиче Есенине, сыне великого русского поэта — и стали ребята собирать материалы. Узнали, что учился он в инженерно-строительном институте в Москве, добровольно ушел на фронт, защищал Ленинград, был комсоргом батальона моряков-десантников. В 1944 году его «похоронили» заживо. О смерти в бою Константина Есенина сообщила газета «Балтийский фронт», а он был спасен: тяжело раненного моряка подобрали санитары.

Два ордена Красной Звезды получил К. Есенин. Когда ребята стали писать в Министерство обороны СССР, выяснилось — был еще и третий... Третий орден не дошел тогда. Бои, госпитали, переезды из части в часть — моряк продолжал воевать.

Спустя тридцать три года в Первомайском районкомате Москвы вручили Константину Сергеевичу третий орден Красной Звезды. И помогли в этом следопытские письма.

Имя Николая Васильевича Гербеля знакомо не каждому. Родился в 1827 году, образование получил в Нежинском лицее, служил в гусарском полку, затем в гвардии, вышел в отставку, занимался литературной деятельностью, умер в 1883 году. Долгие годы могила его была неизвестна.

Н. В. Гербель не был большим поэтом, но, необыкновенно легко владея стихом, слыл прекрасным переводчиком. Значителен вклад его в русскую литературу: переводы Шиллера, Гете, Шекспира, Байрона, Гофмана долгое время оставались единственными, по которым русское общество знакомились с крупнейшими западными поэтами во всем объеме их таланта. Николай Васильевич Гербель был связан со свободолобивыми кружками, был тайным корреспондентом Герцена, издателем «потайных книг» в Германии.

Следопыты Ляпуновской школы Тульской области отыскали на старинном кладбище села Бабурино надгробную плиту с сохранившимися буквами: «Гербе...» Они нашли в старых журналах воспоминания очевидцев, присутствовавших на похоронах знаменитого в прошлом переводчика, и убедились: Гербель похоронен здесь.

В этом году исполняется 150 лет со дня рождения Н. В. Гербеля — переводчика, издателя, просветителя. На могиле его устанавливается памятник.

● Слет пионерских дружин и отрядов имени героя гражданской войны Г. Гая состоялся в Ульяновске. Город этот выбран неслучайно: Самаро-Ульяновская Железная дивизия, которой в гражданскую войну командовал Гай, формировалась и обрела боевую славу в Поволжье; бойцами Железной дивизии осенью 1918 года был освобожден от белогвардейцев Симбирск.

● Историю Хорезмской народной революции и историю подвига 22 хорезмских комсомольцев в годы установления Советской власти пишут следопыты школы им. Гагарина в Ургенче.

● Судно «Владимир Куриленко» сошло со стапелей Югославии и начало совершать регулярные рейсы. В постройке судна помогли средства от сбора металлолома, вложенные смоленскими ребятами, собиравшими материалы о жизни и подвиге отважного юного партизана Героя Советского Союза Володи Куриленко.

● Восемь лет назад пионерский отряд четвероклассников рязанской школы-интерната № 1 положил начало музею Ф. Э. Дзержинского. К 60-летию Великого Октября музей был объявлен общешкольным. У ребят есть интересные воспоминания о «рыцаре революции» личного шофера Дзержинского С. Г. Тихомолова, редкие фотографии, письма родных чекиста-ленинца.

● Первая глава в коллективной рукописной книге ленинградских следопытов «Есть у революции начало, нет у революции конца» написана учащимися 152-й школы, отыскавших более ста человек, служивших на «Авроре».

А луна, большая

**Валентин
СОРОКИН**

*Рисунки
Л. Смирновой*

В гостях у крокодила

Здравствуй, старый, честный крокодил,
Ты лежишь на солнышке и млеешь.
Опытный, наверное, жалеешь,
Что меня еще не проглотил?

Не желей, и я к твоим стопам
Преклонюсь,
дела, дела мирские:
У людей иных клыки такие,—
Самому тебе не по зубам!..

Император африканских рек,
Погляди, в твое дурное пузо
Столько влезет при желанье груза,—
Не поднимут триста человек!

Как ты жил, кого ты сторожил?
В мутных волнах, в глубине ужасной,
Утешался жертвою безгласной:
Медленно,
блаженствуя, крушил?!

На спине твоей торчат крюки,
И острые, и злобные, и крепкие!
И глаза, как вжатые патроны,
Для агрессии иль обороны?

Внешне тих, но внутренне жесток,
Страхом истязаясь ты Восток!..
Или доброта твоя правдива,
Водяное плачущее диво?

Ты молчишь, скуластое бревно,
Сонное страшилище, бандюга,
Ходит хвост чешуйчатый упруго,
Будто бы нащупывает дно!..

А кругом — тепла и широка —
Даль синее и река искрится.
Не пойму: кочующие птицы
Опустились
или облака?

И гореть мне молодо и цвести,
Если, как положено герою,
И враги на поле брани есть,
И друзья,— они не за горюю!

Ну, а этот старый крокодил
Пусть лежит на солнышке и млеет,
Пусть тоскует в думах и жалеет,
Что меня еще не проглотил!..

Буйвол

Не солнце поразито,
Злая влага,
И даже воздух,
Как огонь, опасен.
И только буйвол,
Мученик, бродяга,
Один с ярмом
Качается на трассе.

Бока облезлы,
Холка поизрыта
Бичом свистящим
Над арбой груженной,
Но все стучат
Упорные копыта
Вдоль деревень
Долины обожженной.

Стучат, стучат,
Стучат они, и в сроки
Приедет рис к детишкам
И картофель,
И кончики рогов
Своих высоких
Поднимет буйвол,
Словно Мефистофель.

Сверкнет в глазах
Усталость и обида,
Когда он непокорно
Их прищурит:
Семью потоми
Жизнь его облита,
Чуть зазеваясь —
Выплеснется бурей!..
Стучат копыта,

и чужая...

Вертятся колеса.
Шумит поток,
Ворочая каменья.
И тонут пальмы
В суете белесой,
И скалы громоздятся
В отдаленье.

Кружатся грифы,
От времен седые,
Дворцы сияют
Средь садов могучих,
Стучат копыта,
Крепкие, литые,
И дышит буйвол
Медленно и жгуче.

Скрипит арба.
Пластается дорога.
Внизу гудит
Бетон аэродрома.
Но грешному
Заказан путь до бога,
А смертному нелегко
Путь до дома.

Три холуя

*Эту картину
неизвестного художника
я видел в музее.*

Предатели народа,
Лишь сыто бы кормиться,—
Царю слагают оды,
Царятам и царице.

Вот первый начал:
— Гений,

Отец наш и провидец,
Достоин поклонений
Поэтов и правительств.

Я говорю, немея,
Свою бездарность слыша,

Как жаль, что не умею
Слагать я оды выше!..

Ему второй поддакнул:
— Царь!

Солнышко рассвета!
Не обучались такту
Держава и планета.

Когда б они постигли
Размах деяний ясных,
То сразу бы настигли
Раскаянья несчастных;
Что мало гимнов пели
И в барабаны били,
Вы даже побелели,
Так Родину любили!..

Вступился третий:
— Верно!

Не стары вы, а юны,
И седина примерна,
И зубы ваши лунны!

Я славлю вашу дочку,
Я славлю маму вашу,
Супругу и сыночка,
И вашего папашу!

И бабушку, и деда!..
Меж тем, на тронном злате
Восточный царь обедал
В распахнутом халате.

Ничем не подпоясан,
По-свойски безоружен,
Куски парного мяса
Делил он, чуть сконфужен:

— Ну, подходите! —
Первый,

Косясь, шагнул поближе;
Второй, подводят нервы,
К столу склонился ниже.

А третий, будь он проклят,
Рванулся и рукою
Он мясо вышиб, рохля,
Свалил с огня жаркое.

И пламя заплясало,
Как от горячей водки,

Разбрызгивая сало,
Шипели сковородки.

Царь побледнел и вытер
Платочком чистым губы.
Гостей мгновенно выпер
Слуга, большой и грубый.

А царь покорчил рожу,
Сказал, чуть-чуть алая:
— Певцы,
    вы не дороже
Раба или лакея!..

И сел на тронном злате
Обедать, величальный,
В распахнутом халате,
Немножечко печальный.
Давила одинокость,
Житейская немилость.
Святая недалекость
В бровях его томилась.

Он думал, напрягая
Свой оскудевший разум:
— История какая,
Нельзя хватать всем сразу!..

Мертвый город

Этот город отплясал, отплакал,
Отстучал ретиво в барабаны.
Но во тьме забвения однако —
Кровоточат вековые раны.

Там, во рву, глубоком и холодном,
Где когда-то жили крокодилы,
Плачет мать

    над мальчиком голодным,—
Хлеба им и кровли не хватило.

Наверху — лачуги и коттеджи,
Наверху — роскошество и горе.
Нищим всюду тесно: где же, где же
Скоротают ночи на просторе?

Обезьянам проще, ну, а люди
Быть людьми обязаны законом.
Пусть пирог не подают на блюде,
Не встречают радостным поклоном...

Разве много надо в жизни этой,
Вдруг судьба их пищею одарит?
Не носить им кольца и браслеты,
Ласковое, веющее сари.

По камням, бездумны и убоги,
Робостно они шуршат, как мыши,
В городе, где царствовали боги,
Где теперь — лишь запах тлена слышен.

А луна, большая и чужая,
Над землей плывет в свое раздолье.
Плачет птица, в травы погружая
Горло,
    переполненное болью!..

Что ты хочешь, душа?

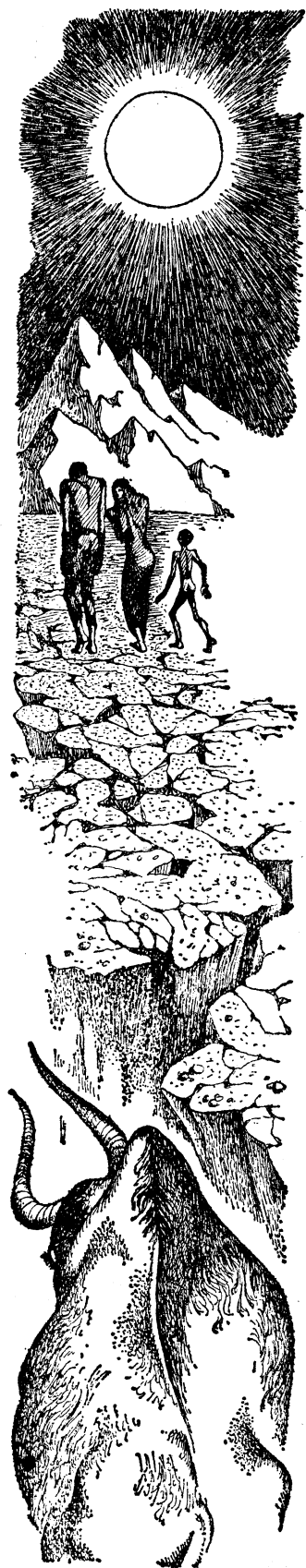
Это ветер проходит, шурша,
Через сад, через лес, через поле.
Что ты хочешь, ответь мне, душа,
Что изводишься криками боли?

Вон какой небосвод голубой,
Как сияет индийское солнце,
Столько лет мы воюем с тобой,
И никто никому не сдастся!..

Я сегодня ужасно устал,
Гложут память недремные муки:
Тяжесть совести — черный металл,
Придавил он и грудь мне, и руки.

Чашу горечи пью я до дна,
Пью и думаю, бога немилость,
Пусть хотя бы
    своя лишь вина
Незначай на меня опустилась;

Но мрачнею от каждой беды,
От позора в любом человеке,
Будто я пребыванья следы
На земле оставляю навеки...

МАЛЬЧИК ИЗ СТАНЬКОВО

**Борис
ДРОБИЗ**

Снимок
А. Ходова

Ребята принесли на внеклассный урок книгу о пионере-разведчике Марате Казее. Прочитали ее не отрываясь. Короткой и яркой, как вспышка молнии, была жизнь Марата... Так запал в память подвиг белорусского мальчика, что ребята не успокоились, пока не добились, чтобы их 5 «а» стал называться отрядом имени Героя Советского Союза Марата Казея.

Год назад по путевке Челябинского обкома комсомола группа учащихся — тогда уже 8 «а» 56-й челябинской школы поехала в Белоруссию. Ребята побывали в селе Станьково, где родился Марат, беседовали со станьковцами, встретились с сестрой героя — Ариадной Ивановной Казей, бывшей партизанской связной, а ныне заслуженной учительницей школы Белоруссии. Ариадна Ивановна рассказала челябинским школьникам о трагедии их семьи — о том, как фашистские изверги казнили мать-подпольщицу, как подорвал себя гранатой Марат, как сама Ариадна, сражаясь в одном отряде с братом, лишилась обеих ног.

И еще сказала:

— В Челябинске живут бывшие партизаны Борис Митрофанович Цикунков и Александр Иванович Райкович. Они хорошо знали Марата. Пригласите их на пионерский сбор.

Ариадна Ивановна попросила передать им книгу Костюковской «Нить Ариадны» — документальную повесть, рассказывающую о драматической судьбе семьи Казей.

...Полк, в котором служил Борис Митрофанович Цикунков, перед войной стоял в селе Станьково. Здесь, в магазине военторга, продавцом работала Анна Александровна Казей. Нередко заходил Цикунков в магазин, знал в лицо продавщицу, и она отвечала на приветствие командира. Но они оба не знали, что пройдет совсем немного времени, и война свяжет-переплетет их судьбы...

Седьмого мая сорок первого года полк подняли по тревоге и двинули в Гродно. Через полтора месяца грянула война.

— Для меня и моих однополчан из 85-й Челябинской стрелковой дивизии война началась в четыре часа утра 22 июня сорок первого года под Гродно, — вспоминает Борис Митрофанович. — Для меня она длилась все 1418 дней и ночей, для многих моих боевых друзей — несколько предрассветных часов...

Те, кто остался жить, оказались во вражеском кольце. В первые дни войны возник партизанский отряд. За бывшим стрельбищем в лесу вырыли две землянки. Люди, пришедшие из Станьково, рассказывали об Анне Александровне Казей — о том, что она с первых дней войны помогала раненым советским бойцам и командирам.

Цикунков решил встретиться с ней и пошел в Станьково. Разговор был у плетня. Анна Александровна подождала вышедшую на крыльцо девушку и сказал:

— Это моя дочь Ада.

И дочь, и сын Марат стали выполнять партизанские задания. Марату удалось обнаружить военные склады. Когда партизаны ночью взломали двери складов, мать и сын стояли на посту. За одну ночь партизаны вынесли 132 ручные гранаты «Ф-1», 250 капсулей и 30 метров бикфордова шнура и все это переправили на базу в станьковском лесу.

А сколько раз Марат доставлял в ботинке нужные сведения!.. Вместе с Адой они расклеивали сводки Совинформбюро, извещали подпольщиков о месте сбора. Они поражали бывалых, обстрелянных воинов своей смелостью. Марат был неутомимым проводником: каждую ночь водил взрывать мосты, уничтожать из засад вражеские машины, мотоциклы.

В первых числах сентября и в октябре партизанская группа взорвала три небольших железнодорожных моста на линии Негорелое — Минск, сожгла четыре деревянных моста на дорогах, уничтожила около двухсот вражеских солдат, офицеров и даже одного генерала.

Потом пришлось расстаться: Марат был нужен в другом отряде. Там он и погиб 11 мая 1944 года. Попав в засаду, мальчик принял неравный бой. Когда в автомате кончились патроны, юный партизан поднялся навстречу врагу и подорвал себя гранатой...

Ребята из отряда имени Марата Казея хорошо знают Олеко Яновича,

или, как в цехе технических машин трубопрокатного завода зовут его на русский лад, — Александра Ивановича Райковича. Ариадна Ивановна Казей писала о своем боевом соратнике: «...Больше всех в разведке соседнего отряда меня привлекал Саша Райкович. По общему признанию, это был самый отчаянный и находчивый парень. В восемнадцать лет он успел повоевать, был ранен, попал в плен, бежал. Позже был отозван в штаб партизанского соединения, тоже в разведку, а в 1944 году вернулся в регулярные войска. В конце войны имел несколько правительственных наград и много ранений. В 1946 году Саша Райкович уехал на свою родину, в Челябинск, и работает там до сих пор».

На счету Райковича — 162 истребленных гитлеровца, подрыв четырех железнодорожных мостов, участие во взрыве 14 эшелонов с живой силой и техникой противника... Шесть ранений, из них одно тяжелое. Награжден орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «Партизану Великой Отечественной войны» I степени.

...Александр Иванович находит в альбоме маленький любительский снимок. Улыбающийся Марат.

— Ничем не дорожу так, как этим портретом. Подарок, незабываемая память. Мы крепко дружили с Маратом.

Райкович может рассказывать о своем маленьком друге без конца, он все знает о Марате — его характер и привычки, склонности, интересы. Марат отлично владел автоматом, метко стрелял. Мстил фашистам за казненную мать без жалости. Удивительно стойко переносил трудности партизанской жизни — даже смертельно уставший, он никогда не хныкал.

...В центре Минска стоит памятник: привстав на колено, Марат занес над головой гранату. Застывшее мгновение подвига, за который он был удостоен звания Героя Советского Союза. В свои двенадцать лет...

На снимке: памятник Марату Казею в столице Белоруссии.

Не в бровь, а в глаз

Генрих ШТЕЙНБЕРГ

Когда Сергею Петровичу Неустроеву было лет пятнадцать, услышал он по какому-то случаю: «Бывает, что дед Филат простофилей бывает». И очень ему понравилась игра слов: простофиля и просто Филя. Записал он эту поговорку. Потом стал записывать в блокнот другие меткие выражения. И охота за крылатыми словами увлекла его...

Сейчас С. П. Неустроеву, кандидату философских наук, доценту Свердловской Высшей партийной школы, за пятьдесят, но страсть эта с годами не только не прошла, но, наоборот, захватила его еще больше. И в то же время собиратель стал более разборчивым, охота приобрела планомерный характер, на прицел брались только те пословицы, присловья, поговорки и афоризмы, которые ни у В. Даля, ни в других сборниках не встречались или же удачно переинтерпретировали известное выражение на новый лад.

За десятки лет С. П. Неустроев собрал и записал сотни крылатых слов, которые вместе с их толкованиями, ссылками на первоисточник, время и место находки заняли более 400 страниц машинописного текста. Коллекция метких выражений разбита на ряд разделов, таких, например, как «Родина, патриотизм, гражданский долг», «Человек и труд», «Человек и природа», «Ум — глупость» и другие. Вот некоторые выражения из собрания С. П. Неустроева,

Найти себя и место в жизни — с тобой народ, с тобой Отчизна.

По долгу службы — все, что должен, по зову сердца — все, что можешь.

Солнце выше — капель с крыши, на дворе лужи — конец стуже.

Уралец давно заметил: июнь еще не лето, июль уже не лето.

Уральскому лету конца нету и начала не бывало.

И пустыня хороша, коль веселая душа.

Дело спорится, коль ум с душой не ссорится.

Для умелой руки все работы легки. Оценка — пенка, дело — суть.

Усталость — не старость: придет и уйдет.

Время работает на нас, но оно никогда не работает за нас.

Бюрократ — не мамонт: сам не вымерет.

В погоне за модою себя уродуют.

Иной хорош анфас и в профиль, копнешь его — морковный кофий.

И у копейки есть достоинство: на мелочь не разменивается.

Страх убивает человека вернее пули. Языком скать — его (ее) поискать, дойдет до дела — голова заболела.

Проблема века — сохранить в себе человека.

Без семьи человек — пустоцвет на весь век.

Дружба у любви на службе. Где служит газ, там нужен глаз.

Лучше трудно, чем нудно.

Не так страшен черт, как его малютки.

По теории вероятности: после радости — неприятности.

Подешевле одеться, подороже выглядеть.

У шофера такси сдачи не проси.

Бегай больше, проживешь дольше. Есть овощи — нет немощи.

Нет опаснее врага, чем собственная глупость.

Все дети из капусты, а олухи — из лопухов.

Всем хочется написать былое, да думы не у всех имеются.

Встречают по званию, провожают по знанию.

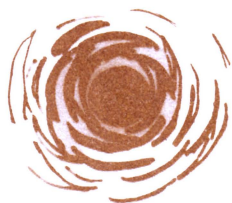
Ячество — очень плохое качество. К ошибке тысячи дорог, а к истине — одна.

Трагические музы

Давид
ЛИВШИЦ

Мадонна выставлена в глубине освещенной ниши.

Почему-то на многих изображениях глаза у мадонны опущены долу. Наверное, из глубоких чувств, которые, как заметил А. Дюма, боятся себя обнаружить... А, может, секрет в другом: мадонна-мать почти всегда смотрит на дитя, а оно — у груди или на коленях.

Интересно, какие глаза открылись бы, подними она вдруг веки.

Тагил — город неожиданный. Металл, заводы — привычные мотивы. Но с именем города связаны и судьбы нежных муз. Город дал имя знаменитой тагильской находке — Карамзинским «пушкинским» письмам. Или вот этой Тагильской Мадонне — она вошла под таким именем во все искусствоведческие книги.

Гремящая стальная городская агломерация, и вдруг — уникальные поэтические раритеты, сенсации искусства.

Впрочем, вдруг ли? Находят не там, где теряют, а где сохранили.

Приехать в Тагил и не посмотреть на Мадонну — кощунство. И все-таки привела меня сюда не она. Приехал я к современной, сегодняшней, немного стеснительной, похожей

на подростка Светлане Язевой. Девушке, которая рисует. В картинную галерею я зашел за адресом. Здесь, в залах, по соседству с Мадонной, были на выставке и ее, Светланины, работы. Она не затерялась среди таких же, самодеятельных художников.

Началось, может быть, со случая. Хотя ничто не служит обстоятельствам так, как случай. Принесла Светлана свои рисунки в студию

Дворца культуры металлургического комбината. Молодой наставник заводских художников Евгений Сергеевич Кузнецов посмотрел сложенные небрежно листы и — заволновался. Стал всем показывать, зазывать в студию знакомых, сотрудников Тагильской картинной галереи приглашать...

Говорят, сделать выставку, все равно что сотворить за неделю мир.

Хорошо, когда в этом есть на кого опереться. Дворец заряжает помощью каждое доброе дело. Помог и здесь. Но осью, на которой вертелась подготовка первой Светланиной выставки, был он, Кузнецов.

Говорят о нем — из чудаков. Должно быть, намекают на «странности». Кузнецов увлекся цирком и, чтобы лучше писать людей этого феерического ремесла, вступил в труппу:

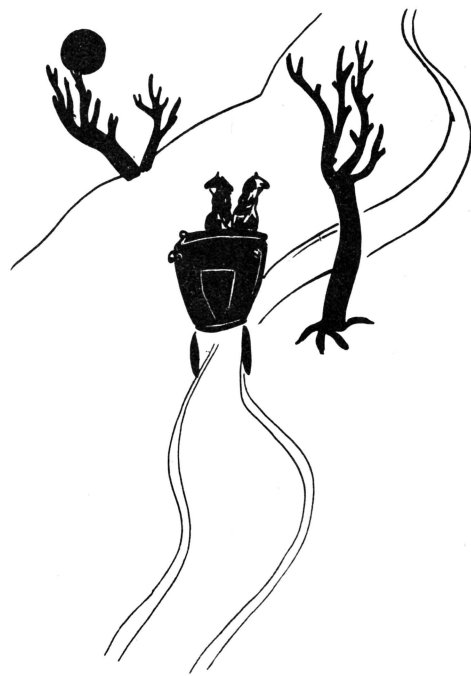
стал жонглером, работал номер на канате. Потом пришло увлечение балетом. «У тебя никогда не получатся руки, если ты сам не встанешь к станку», — сказал ему кто-то. И вот уже третий год он ходит в балетную студию, на мучительные экзерсисы у стенки. «Жить в Тагиле и не писать рабочим! Куда смотрит твоя муза!» — этот упрек догоняет его на каждом шагу. Он чувствует справедливость

упрека. И никто не удивится, если узнает, что Евгений Сергеевич в каске монтажника объявится на строительстве широкополочного стана.

Когда десятки и десятки планшето-в были готовы и прошла заводская выставка, сотрудники Тагильской картинной галереи более ста работ юной художницы показали в своих выставочных залах.

В гости к Язевым я поехал с Ла-

рисой Васильевной Коряковой, заведующей городским отделом культуры. Она в прошлом учительница, человек на редкость доброжелательный, прикипающий сердцем к каждому делу (узнала о Светлане, и вот уже вся — готовность действовать, помогать, подставить плечо). В поселке, застроенном многоэтажными типовыми хорумами, отыскали маленькую квартиру. «Нестандартные люди

в стандартных домах нестандартною жизнью живут».

На звонок вышли мать и дочь. Девушка подняла глаза, и в электрической прихожей стало сине от взгляда. Вот уж воистину не глаза, а очи: столько пронзительной синевы в них. Светлана и Лариса Васильевна вскоре тихо беседовали на диванчике как старые знакомые.

Все просто в этом доме, неприязнительно. Рядом, чуть вторгаясь в проем смежной комнаты, — пианино, обычный уральский инструмент.

О себе Светлана говорит мало. Ее мир угадываешь скорее по рисункам или записям в блокноте, который лежит здесь же, на столике, и куда я заглядываю с ее разрешения.

Хочешь все понять, но напрасны старания:

Остается все точно таким же, как ранее,

Если горести все уничтожишь ты вскорости,

Обратятся недавние радости в горести.

Что привлекает юное сердце в стихах Рабиндраната Тагора? Поиски секрета творчества?

Недаром истине мила ее граница.

С прекрасным только там она способна слиться.

Может быть, граница истины в мгновении, схваченном художником на листочке ватмана? В погоне за этим мгновением талант изводит сотни листов бумаги, изводит себя.

Никто не равнодушен к дарованию. В книге отзывов — пишут и о ней, Язевой, в галерее хранят ее рисунки, городская и заводская газеты отличают ее.

И в самом деле, перед нами художник, хоть и самодеятельный, но отмеченный своим почерком. Если правда, что стиль — это человек, то, наверное, правда и то, что талант — это стиль.

В этих рисунках сперва воспринимаешь даже не сюжет, а единое стремительное повествование, словно автор спешит скорее-скорее передать свое радостное ощущение жизни. Все — как праздник света. Даже в

скорбном по настроению мотиве тоже он, этот праздник.

Вольная, как взлет хлыста, линия напоминает порой причудливые превращения ленты в руках гимнастки. Вкус и чутье отличают художницу. И еще — умение. Набело, одним движением, схватывает рука контур, перспективу. В мир чистых благородных героев вводят нас рисунки. Благородны здесь все — не только нежный Ленский и пылкий Ромео, благороден жесткий Онегин, благороден мужественный Икар, и добрая Асоль, и трагическая Медея...

Пластичность рисунков Язевой отмечают многие. Добавим: в них что-то и от женственности, хотя и нет такого термина в искусстве. Женственно нежны в этом рисованном мире Онегин и Прометей, Братья Разбойники и Спартак, словно наитием подсмотрено в них то, что традиционно скрыто, — ранимую доступность сердца.

Столкнувшись с дарованием, мы доискиваемся обстоятельство становления его. Отмечаем к искусству врожденную склонность. Благоприятную среду. Артистическое окружение, умных пронизательных наставников. Общение с художественными ценностями в центрах культуры и т. д. Ничего этого у Светланы в общем не было. Но было, может быть, самое главное, что уравнивает специальную, специфическую, среду с неспециальной — доброе отношение близких. Школьного учителя, наставников в кружке и, конечно, родителей. «Родители поощряли мое увлечение». И отец, Юрий Константинович, в прошлом рабочий-металлург, и мать, Елизавета Филипповна, домохозяйка, тактично поддерживали любые увлечения дочери, даже кратковременные, — будь то фигурное катание или музыка. Препград не ставили. И не жали, не педалировали, не формовали ее искусственно. В окружении близких вы не ощутите родственного тшеславия, столь частого в подобных случаях...

После техникума Светлана поступила на работу, и вот в 18 лет — как прорвало — стала рисовать. Прочтет книжку и — к листу, нетерпеливо, жадно.

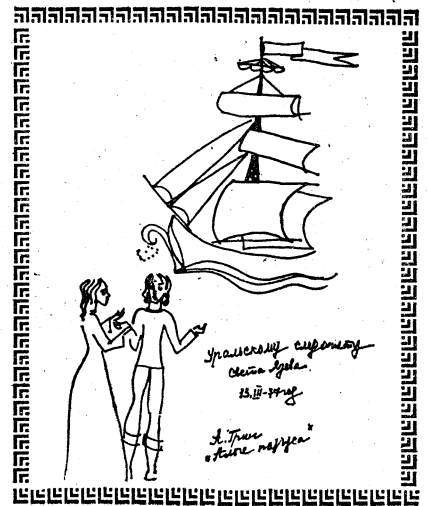
Может, это закономерно — литературная ступень в рисовании. Та

жизнь, что рядом, пока не трогает струн, а отраженный, украшенный декорациями сюжетов мир воображаемый — в самый раз, он будит фантазию.

Постигнутое не проходит бесследно. Иное остается в памяти глубоко, как след резца на металле. Пианино стоит как будто и ненужное уже, но звуки, когда-то возникавшие в нем, перешли в свойство души, переплавились в образы зримые. Прочитана книга, и вот оно, прочитанное, уже в музыке линий. Певучих линий. Кривая образа как чувства монограмма...

...Мы разговариваем о книгах, стихах, ее любимых художниках, о мадонне дель Попполо из Тагильской галереи и о Наде Рушевой. Еще о подруге, что из ГДР письма ей шлет, а недавно фломастер в подарок прислала.

На прощанье прошу Светлану, если ей не очень нехота, нарисовать что-нибудь на память для журнала. Она берет фломастер, склоняется над листом... И я уношу с собой знакомый контур Алых парусов, один из любимых мотивов юной художницы.

В НОЧЬ БОЛЬШОГО ПРИЛИВА

Повесть

**Владислав
КРАПИВИН**

Рисунки
Е. Стерлиговой

*Несколько лет назад
Владислав Крапивин
написал совсем небольшую повесть
«Далекie горнисты».
Она пришлась по душе
многим юным читателям.
В ней мы впервые
встретились с Валеркой
и Братишкой,
еще не понявшими загадки
Пространства и Времени,
с неутомимым Володькой,
а главное — с самим рассказчиком,
чудесно превращающимся
из взрослого человека в мальчишку,
готового на бой
в защиту справедливости,
добра и дружбы.
«...Если бы сделать,
чтобы никакие ветры,
никакие годы не разделяли друзей! —
мечтал он. —
Если бы время не отнимало
у человека детство...».
В новой повести Владислава Крапивина
действуют те же герои.*

1

Я не виноват, я не хотел этого. Я убеждал себя, что непростительно забивать голову сказками. Говорил себе: «Ты взрослый человек, у тебя серьезная работа. Думай о ней». И думал о работе. Целыми днями. Но по утрам, сам того не желая, пытался собрать в памяти обрывки сновидений.

Нет, Северо-Подольская крепость мне больше не снилась. Снился залив под желтым закатом и залитый ветрами песчаный плоский

берег. На берегу стояли каменные арки, а под ними висели сигнальные колокола — разных размеров. Заметно было, что колокола заброшены: у многих не было языков. Из песка торчали высокие травинки, и ветер пригибал их.

Еще я видел солнечные, но совершенно пустые улицы незнакомого города. А еще — внутренность круглых крепостных башен. По вогнутым стенам вились полуразбитые каменные лестницы. В узкие окна били пыльные полуденные лучи. Из поржавевших железных скоб срывались и падали погасшие факелы.

...Тех двоих я ни разу больше не видел. Но на берегу, на пустых улицах, на стёртых ступенях лестниц я чувствовал: они только что были здесь. Я даже пытался найти, догнать их. И знал, что еще чуть-чуть — и догону. Но не мог. И было очень горько. Я в этих снах был мальчишкой и не стеснялся плакать...

Нелепо тосковать по людям, которых никогда не было, которые однажды просто приснились. Но я тосковал по Валерке и Братику.

И ведь никому не расскажешь! Разве что Володьке... Но Володька — он разный. Иногда ласковый, тихий и все понимает. А иногда вдруг станет таким вредным и насмешливым. И не поймешь отчего...

И все же Володька был единственным человеком, который меня мог бы понять.

2

Мы с ним познакомились три года назад.

Я перепечатывал на машинке статью для журнала «Театральная жизнь». Печатаю тогда плохо, работа надоела, я лениво давил на клавиши. В это время постучали.

Я неласково сказал «войдите».

На пороге возникло лохматое, но симпатичное существо ростом чуть выше спинки стула. С тонкой шеей, оттопыренными ушами и глазами цвета густого чая. Одето оно было в мальчишечью школьную форму, крайне для него большую.

— Это вы все время тюкаете? — спросил гость.

— Что значит «тюкаете»? — слегка обиделся я.

Не отводя внимательного взгляда, мальчишка объяснил:

— Я внизу живу. А наверху каждый день: «тюк» да «тюк», «тюк» да «тюк». Будто клюет кто-то...

— Это машинка стучит, — объяснил я. — Печатаю. Работа такая. А что, мешаю?

— Да нет, тюкайте, — великодушно разрешил гость и добавил: — Просто интересно. А вы кем работаете?

— Я зав литературной частью. Проще говоря, литературный директор.

Что-то вроде уважения мелькнуло у мальчишки в глазах. Он попытался незаметно подтянуть штаны и спросил:

— В какой школе?

— Почему в школе?..

— В нашей школе исторический директор, — объяснил гость. — Он пятиклассников истории учит. У Витьки — ботаническая директорша. А вы в какой школе? Вы литературу преподаете?

Слово «преподаете» он произнес с солидностью человека, уже посвященного в премудрости школьной жизни.

Я сообщил, что работаю не в школе, а в театре юного зрителя, отвечаю за то, как написаны пьесы.

— У-у... — сказал он. — А я думал, что в театре все люди артисты.

Я терпеливо объяснил, что в театрах много работников с разными профессиями.

— Но артисты все же самые главные? — спросил он. — Или вы главнее?

Набравшись нахальства, я сказал, что главнее: артистов много, а я один.

Он кивнул, помолчал и задал новый вопрос:

— А вы были артистом? Или сразу стали директором?

— Был.

— А кто главнее: литературный директор или знаменитый народный артист?

«Вот зануда», — подумал я и ответил, что народный, пожалуй, главнее.

— А вы почему не стали народным? — поинтересовался он, глядя ясными янтарными глазами.

«Иди ты знаешь куда...» — чуть не сказал я и мрачно признался:

— Не получилось.

— Бывает, — посочувствовал он.

— Просто мне расхотелось играть, — заступился я за себя. — Я решил сам писать пьесы.

— Получается? — серьезно спросил мальчишка.

— Получается, — соврал я.

Он опять кивнул и посмотрел на машинку.

— А как вы печатаете?

— Проходи, — сказал я. — Что за разговор у порога... Тебя как зовут?

Он сообщил, что зовут его Володькой, скинул у дверей полуботинки и, бултыхаясь в своей форме, как горошинка в кульке, подошел к столу. Забрался с ногами в мое кресло.

— Можно, я потюкаю?

Я с тайной радостью (есть причина не работать) вытащил недопечатанный лист и вставил чистый.

— Смотри, я покажу, как надо...

— Знаешь, я все привык делать сам, — доверительно сообщил Володька. — Я разберусь.

И он, в самом деле, быстро разобрался (правда, потом пришлось менять клавишу, с буквой «ы»).

На другой день Володьку заинтересовала моя спортивная шпага (он выволок ее из-за шкафа).

— Это настоящая? — спросил он, и глаза у него сделались светлыми, золотистыми.

— Вполне, — сказал я.

— И ты умеешь сражаться?

— Конечно, — гордо ответил я. И объяснил, что в театральном училище нам преподавали фехтование, а кроме того, я занимался в спортивной секции. Один раз даже занял третье место на областной олимпиаде.

— Врешь! — восторженно сказал он.

Конечно, он просто не сдержался. И все же я решил поставить юного гостя на место.

— Во-первых, не вру. У меня диплом есть! А во-вторых, с чего это вы, сударь, начали говорить мне «ты»? Я взрослый человек.

Этот тип уселся на диван, поставил клинок между колен, прижался щекой к рукояти и задумчиво уставился на меня.

— Какой же ты взрослый? Взрослые не такие.

— А какие?

— Ну... они важные. У них жены, дети.

— Подумаешь... У меня тоже скоро будет жена. У меня невеста есть.

— А где она? — подозрительно спросил Володька.

— В Москве, в аспирантуре, — сказал я и вздохнул, вспомнив Галку.

Володька подумал и сообщил, что невеста — это не считается.

— У меня было две невесты, — объяснил он. — Одна в детском саду в меня влюбилась, а одна недавно, в сентябре. Записки писала. Печатными буквами.

— Ну, ты даешь... — только и сказал я.

— Можно я потренируюсь шпагой?

— Тренируйся, но не шуми. Я хотя, по-твоему, не взрослый, а должен работать.

Мы подружились. Володька подрастал, перешел во второй класс, в третий, в четвертый... И почти каждый день приходил ко мне в гости. А если уезжал в лагерь или к бабушке, я скучал.

Иногда Володька печатал на моей машинке странные слова и говорил, что это названия планет, про которые он придумывает сказки. Иногда притыкался рядом и шепотом рассказывал, какую картину нарисует, когда совсем вырастет. Это будет грустная картина: кругом море, посередине маленький остров, а на острове одинокая брошенная собака. Чтобы все поняли, что нельзя бросать собак. А еще будет картина «Девочка на дельтоплане». Это та девочка, ко-

торая в первом классе писала ему печатными буквами записки.

А иногда в милого Володеньку словно бес залязал. Он начинал язвить. Чаще всего этот субъект потешался, что я считаю себя взрослым. Он заявил, что взрослые не собирают картинки с парусными кораблями и не читают детских книжек. Взрослые не бегают с мальчишками на рыбалку и не строят игрушечные пароходы (сам подбивает меня на такие дела, а потом ехидничает!). Кроме того, взрослые умеют завязывать галстуки и не ужинают консервами из морской капусты.

Я злился и не знал, что возразить. Тем более, что Галка не вернулась из Москвы, она вышла там замуж за солидного кандидата наук.

Но ссорились мы с Володькой редко. Зимой мы вместе катались на лыжах, а летом ходили купаться на большой пруд недалеко от дома.

Купались мы и в те дни, с которых я начал рассказ. Только мне было невесело и беспокойно. Володька смотрел на меня, и глаза его темнели.

— Ну, ты чего? — спрашивал он. — Чего ты такой?

— Устал, — говорил я.

— Ты же в отпуске.

— Пьесу переделываю. Не получается. Вот и устал.

— У тебя и раньше не получалось, а ты был веселый...

Я страдал из-за себя, а он из-за меня. Разве он виноват? «Расскажу», — решил я наконец. И, решив так, немного успокоился.

Но раз я повеселел, повеселел и Володька. В то утро мы опять пошли купаться, и он прыгал вокруг меня, как танцующий аистенок. И дважды высказался в том смысле, что небритый подбородок — не доказательство взрослости, а всего только признак неаккуратности. Лишь когда повстречалась некая Женя Десяткина десяти с половиной лет, Володька слегка присмирел, порозовел и глянул на меня опасно.

3

День начинался солнечный, но не жаркий. Купающихся было немного. Володька, однако, быстро скинул штаны и футболку и требовательно посмотрел на меня. Я, кряхтя, разделся. Но, поболтав ногой в воде, я твердо заявил, что купаться сейчас могут только явные психи. После этого пошел на приткнувшийся к берегу плотик и с удовольствием вытянулся на сухих теплых досках.

— Пусть вода нагреется...

— Ты прямо как пенсионер, — досадливо сказал Володька.

— А ты не забывай, что я уже почти старик. У меня поясница...

— Опять ты за свое, — хмыкнул Володька.

— Конечно. Ты забыл, сколько мне лет?

— Двенадцать, — уверенно сказал он.

— Иди ты... — отмахнулся я и закрыл глаза.

...Почти сразу утих плеск воды, и смолкли крики мальчишек на недалеком островке. И шорох листьев. И откуда-то из темной дали донеслось пять ясных тактов трубы, пять чистых нот. Я узнал их сразу.

Это был сигнал Далеких Горнистов.

Я внутренне вздрогнул и стал ждать. Но сигнал не повторился. Это был просто толчок памяти.

«Нет, хватит. Хватит думать об этом», — сказал я себе. И разомкнул ресницы. Сразу вернулось летнее утро с его привычным шумом и редкими облаками над головой.

Растущий у самой воды тополь протянул над плотиком длинную могучую ветвь. Ухватившись за ветвь, надо мной висел Володька. И хитро поглядывал. Его пятки угрожающе шевелились в полуметре от моего живота.

— Без шуточек, — предупредил я.

Володька засмеялся и заболтал тощими ногами. Кожа на его груди сильно натянулась, и сквозь нее отчетливо проступили тоненькие ребра. Казалось, проведи по ним костяшками пальцев — и Володька зазвучит как ксилофон.

— Не дитя, а шведская стенка, — сказал я. — Не кормят тебя дома, что ли?

— А-га... — неопределенно отозвался Володька. По-обезьяньи перебирая руками, он добрался почти до конца ветви и разжал пальцы.

Все брызги, которые поднял этот пират, хлопнувшись о воду рядом с плотиком, посыпались на меня! Я заорал и ползком перебрался на другой край.

— Не будешь обзывать дитем, — сказал Володька.

— Хулиган, — заявил я.

«Хулиган» радостно захихикал, потом примирительно сказал:

— Ладно, грейся. Я пока на остров к ребятам сплаваю.

— Валяй, — согласился я.

Глубина на пути до острова была Володьке не больше, чем по плечи, и я за него не боялся.

Я опять вытянулся и закрыл глаза. Солнце стояло уже высоко и грело ощутимо. Я подумал, что буду долго-долго лежать так и не стану шевелиться. И, кажется, задремал.

...Кто-то ступил на плотик. Он качнулся, захлопала вода. Кто-то легко подошел ко мне и стал рядом. Я лениво повернул голову. Я был уверен, что увижу мокрые коричневые Володькины ноги с прилипшими нитками водорослей. Но на плотике был не Володька. Я увидел ноги, обтянутые не то черной кожей, не то клеен-

кой. К одной был пристегнут ремнями широкий нож — в плоском, тоже черном чехле и с костяной узорной рукоятью.

Кто это? Аквалангист? В нашем-то мелководном пруду?

Я поднял глаза.

Надо мной, одетый в странный кожаный костюм с рыцарским налокотником на левой руке, стоял Валерка.

4

Я сразу понял, что это он. Не кто-то очень похожий на него, а именно он — Валерка, которого не было на свете. Которого я лишь однажды видел в странном сне про сказку в городе Северо-Подольске (которого тоже не было).

До сих пор я очень смутно помнил его лицо, но сейчас узнал моментально: его темную косую челку над беспокойными бровями, его зеленовато-карие глаза — внимательные и почему-то слегка виноватые; и коричневую родинку на остром подбородке.

— Это ты... — шепотом сказал я.

Он склонил голову и ответил медленно, вполголоса:

— Мне больше не к кому было прийти. Не сердись, что я помешал.

«Помешал!» Боже мой... Радость и тревога поднялись во мне одной крутой волной. Радость — что он здесь. Тревога — что этот сон может оказаться коротким, мимолетным. Я торопливо оглянулся. Все было, как прежде. Та же ветка над плотиком, то же клочковатое облако в вышине, тот же синий заколоченный киоск на берегу. Вон Володькина одежда на траве, а вон, на острове, среди мальчишек сам Володька — словно оранжевая бабочка, мелькают в кустах его плавки.

Это, кажется, прочный сон, очень похожий на явь. Наверно, сказка будет долгой. Я потрогал подбородок и глянул на свои ноги — может быть, я опять стал мальчишкой, как в первом сне? Нет, я по-прежнему длинный небритый дядька... А Валерка здесь!

Я посмотрел на Валерку. Я понимал, что он пришел не просто так.

Глядя все так же — внимательно и чуть виновато, — он проговорил:

— Только ты можешь помочь.

— Я готов, — быстро сказал я и вскочил. Плотик закачался, Валерка переступил, чтобы не упасть, улыбнулся и взглянул на меня снизу вверх.

Раньше мы были одного роста, а сейчас Валерка не доставал мне до плеча. Но я вовсе не чувствовал себя старшим. Наоборот, мне было неловко за свой рост и возраст. Но наплевать, не это главное. Главное, что он пришел!

Пять высоких нот сигнала опять прозвучали во мне.

— Как помочь тебе? Что случилось?

Он вздохнул, пошевелил ногой, поправил пристегнутый нож и снова вскинул на меня глаза.

— Ты хорошо владеешь шпагой?

У меня холодок пробежал по спине.

— Ну... владею... Средне. Почему ты решил, что хорошо?

— Я же помню железного змея. Как ты его одним ударом...

Я улыбнулся:

— Но это же была сказка. Сон... Хотя сейчас тоже сон, — не без грусти добавил я.

Он сказал серьезно:

— Это не сон. Это переход... А у нас ты будешь мастером клинка. Я знаю, в этом искусстве вы опередили наших вояк.

Я не понял. Да не все ли равно? Главное, что мы опять встретились.

— Нужна шпага? — спросил я.

Валерка кивнул.

— Придется зайти домой, — озабоченно сказал я.

Он опять улыбнулся, и снова это была виноватая улыбка.

— Да нет, шпага найдется. Нужен ты.

Я прыгнул на берег и стал торопливо одеваться. Потом окликнул через пруд Володьку. Он помахал рукой. Я крикнул, что скоро вернусь. Спихватился и посмотрел на Валерку.

Он кивнул:

— Скоро... Если ничего не случится.

— А что может случиться? — спросил я без боязни, а просто с любопытством.

— Скорее всего, ничего не может. Ты же мастер. Но все-таки... Шпага — не игрушка. Ты не боишься?

Я не боялся. Во мне выросло напряженное ожидание загадочных событий, в которых мы будем вместе с Валеркой — плечом к плечу. Жаль только, что плечи у нас теперь на разной высоте...

— Идем? — спросил я у Валерки.

— Идем.

Я еще раз помахал Володьке, и мы ушли.

5

Улицы были пусты. Ни людей, ни машин. Стояла тишина. Только наши шаги нарушали ее, да один раз желтый лист — предвестник недалекой осени — упал с тополя и зашуршал по асфальту. Валерка проводил его внимательными глазами.

Солнце грело уже крепко. У Валерки на лбу выступили маленькие капельки. От его тугой куртки пахло горячей кожей.

— Для чего ты в таком костюме? — спросил я.

— Это под доспехи, — сказал Валерка.

— У вас война?

— Смута, — ответил он и вздохнул.

Потом он доверчиво глянул на меня и сказал.

— Я бы не позвал тебя, но я очень боюсь за Василька.

— За кого? — удивился я.

— За брата. Ты не помнишь?

«Не помнишь!» Надо же сказать такое!

— Помню, конечно. Просто... я не знал, что его так зовут.

— Это я его так зову, — тихонько сказал Валерка и смутился.

Мне очень хотелось спросить про Братика, но я не решался. Опасение, что все может исчезнуть, не оставляло меня. Исчезнуть от неосторожного шага, от лишнего слова...

Несколько минут мы шли молча. По солнцу и тишине. От центра на окраину, мимо деревянных домов, по улицам, на которых прошло мое детство. И вдруг я понял, куда ведет меня Валерка: к старой трехэтажной школе, где я когда-то учился.

Перед школой тоже было пусто. Блистали стекла, тень от кленов лежала на красных кирпичных стенах. Странно! Ведь говорили, что школу недавно оштукатурили... На квадратном кирпичном столбике, у самых ступеней, я заметил сделанную мелом надпись: «Машка — ведьма». Я сам это когда-то написал. Надо же, не стерлось до сих пор!

— Сколько сейчас тебе лет? — вдруг спросил Валерка.

Я остановился от неожиданности. Потом вспомнил Володьку. И, сам не зная почему, с мрачноватым юмором сказал:

— Двенадцать.

— Вот и хорошо, — серьезно откликнулся Валерка.

Мы вошли. По коридору гулко разнесся звук наших шагов — в пустых школах летом шаги всегда очень гулкие. Никого не встретив, мы подошли к спортивному залу. Валерка медленно отвел скрипучую дверь. В зале было пыльно. В беспорядке стояли и валялись, задрав «копыта», спортивные «кони» и «козлы». В затянутые сеткой высокие окна падали широкие лучи.

Мы пересекли зал и оказались у дверцы — она вела в комнатку, где хранились мячи, стойки для прыжков, кольца, спортивные маты. В эту же каморку наш физрук Василий Антонович отправлял иногда наиболее расхриставшихся на уроке мальчишек — «подумать и успокоить нервы». Нам нравилось сидеть в полумраке и развлекаться потихоньку случайно найденными интересными штуками: ракетками, гантелями, деревянными гранатами и плетеными мячиками для хоккея.

Однажды за старыми матами я отыскал заржавленную папиру...

Сейчас за дверцей была не каморка, а длинный, освещенный пыльной лампочкой коридор. Маты сплошными штабелями лежали у кирпичных стен, их хватало бы на тысячу школ. Между ними оставался лишь узкий проход, да и то не совсем свободный: кое-где почти до пола свешивались с потолка толстые канаты и рваные волейбольные сети. Конец коридора терялся в сумраке.

— Надо пробираться, — сказал Валерка.

— Давай.

Он скользнул вперед. Я прикрыл за собой дверь и двинулся следом...

Мы шли удивительно долго. В пыли и полутьме. Редкие лампочки едва светились в паутине. Веревки и обрывки сеток цеплялись за руки и за ноги, а особенно — за Валеркин налокотник. Один раз оказалось, что тяжелые кожаные маты почти завалили проход, и пришлось пробираться под ними ползком.

Когда мне стало казаться, что мы провели в этом коридоре полжизни, он уперся в стену из очень крупных и неровных кирпичей. Здесь было попросторнее, и горела лампочка поярче.

В стене был узкий неровный пролом.

— Почти пришли, — прошептал Валерка. — Сейчас пролезем — и все.

— Мне не пролезть, — уверенно сказал я.

Дыра выглядела слишком маленькой.

Валерка улыбнулся:

— Пролезешь.

И вдруг я понял, что он прав. Лаз в стене был в самую пору для моих мальчишеских плеч!

Я снова стал мальчишкой! Слово и не кончался тот странный сон про лунный дом в Северо-Подольске и про часы с деревянными рыцарями.

Снова были на мне легонькие разношерстные кеды, выцветшие до белизны шортики, слегка распоротые у кармана, и рубашка в серо-зеленую клетку. Старенькая мальчишеская рубашка с висящей на нитке пуговкой у ворота и закатанными по локоть рукавами.

Я пишу об этом долго, а радостное сознание, что мне в самом деле двенадцать лет, пришло тогда в одну секунду. Я глубоко вздохнул и засмеялся. Во всем теле была упругая легкость.

Валерка нетерпеливо смотрел на меня — уже не снизу вверх: мы опять были одного роста.

— Лезь за мной, — сказал он. Это был не приказ, а торопливая просьба.

Он легко нырнул в пролом, звякнув о кирпичи налокотником. Я сразу сунулся за ним. В нос ударил едкий запах влажной извести, шербаый кирпичный край оцарапал ногу.

Я увидел, что Валерка прыгнул глубоко вниз: пол в комнате, куда он попал, был гораздо ниже, чем пол в коридоре.

Это была круглая комната без окон. На ржавом крюке висел железный фонарь с тремя свечами, довольно яркий. Его лучи высвечивали на полу шершавые каменные плиты. Валерка стоял внизу и протягивал ладони.

— Спускайся!

Он подхватил меня, не дал упасть на камни, когда я вывалился из лаза.

Я отряхнул с коленей и живота кирпичные крошки и осмотрелся.

— Где мы?

— В башне...

Потолок с могучими балками смутно проступал в сумраке. Стены я разглядел лучше. Они были сложены из крупных старинных кирпичей вперемешку с каменными брусьями. У стен в беспорядке валялись медные и стальные нагрудники, наколенники, наплечники, глухие каски с широкими полями и прорезями для глаз. Старые, с пятнами ржавчины. А среди них лежали узкие мечи, сабли, шпаги.

— Выбирай, — сказал Валерка.

Я перебрал несколько клинков и взял четырехгранную рапиру с простой костяной рукоятью. Рукоять удобно легла в пальцы, а большой круглый щиток с ободком и мелкими ямками хорошо закрывал руку. Светлый клинок был похож на громадную иглу. Однако на конце он был плоским, и оказалось, что края отточены. В случае чего можно не только нанести удар, но и рубануть.

— Я готов, — сказал я и удивился звонкости своего голоса.

— А это? — Валерка кивнул на панцири и наколенники. — Ничего не возьмешь?

Таким легким, таким подвижным было мое мальчишечье тело! А это железо, наверно, тяжелое и холодное. Я передернул плечами.

— Обязательно?

Валерка улыбнулся.

— Да нет. Тебе, пожалуй, не обязательно... А вот это нужно. — Он вытащил из-под железной рухляди кожаную перевязь с большой пряжкой и медными клепками по краям. Надел мне через плечо, ловко подогнал пряжку. Потом в кольцо на ремне сунул рапиру. Ее рукоять закачалась у моего бедра.

— Вот и все, — сказал Валерка.

Я увидел себя как бы со стороны: обыкновенный пацан — и с мушкетерским оружием на боку.

— А ничего, что я... такой? Не будут на меня обращать внимания?

— Ты такой, как надо, — откликнулся Валерка. — Слушай... А ты твердо решил? Ты не передумал?

— Что?

— Идти со мной?

— Ну что ты говоришь, — упрекнул я.

Он взял меня за руку.

6

Я понимал, что могу оказаться в совсем незнакомом месте: может быть, удивительном и сказочном. И только про одно я знал точно: сейчас на улице день, светит солнце, и мы выйдем под это солнце из какого-нибудь подвала или погреба. Ведь спортзал и коридор были на первом этаже, а пол в башне — еще ниже.

Валерка уперся в тяжелую дверь ладонями. Навстречу нам хлынул теплый запах незнакомых трав и лунный свет.

Я замер на секунду и засмеялся. Мы оказались на железном балконе — он опоясывал башню высоко над землей. Вернее, над травой. Свет луны был потрясающе яркий, и в его лучах до самого горизонта колыхалась под мягким ветром, катила пологие волны серебристо-голубая трава.

Я вцепился в ржавые перила. Вот она, Валеркина страна! Его мир, его планета.

А может быть, это и правда другая планета?

Ночь была похожа на день, если смотришь сквозь голубое стекло. Я взглянул на луну. Наша ли это луна с привычным, почти человеческим «лицом»? Но хотя чистым было небо, яркий диск оказался слегка размытым, словно окутанным светящимся туманом. Я не различил на нем знакомых пятен.

Тогда я стал смотреть вдоль земли. У самого ее края стояла белая крепость. Она казалась крошечной, но видна была до последнего зубчика на стенах. словно кто-то собрал в горсть игрушечные башни, крыши, бастионы и аккуратно положил их на краю большого круглого стола.

— Там наш Город, — тихо сказал Валерка.

— А здесь?

— Здесь? Просто башня, сторожевая. Теперь она не нужна.

Башня была одинокая, полуразбитая. Она стояла как бы в центре выпуклого круга, по которому неторопливо бежали мерцающие волны. И ее черная тень колыхалась на этих волнах.

А ветер был очень ласковый и теплый.

Валерка тронул меня за плечо:

— Пошли?

По шаткой железной лесенке мы сбежали в траву и двинулись к Городу.

Трава была высокая, по пояс, а кое-где и по плечи. Ее листья походили на листья осоки, но были пошире и не режущие, а очень мягкие, покрытые шелковистыми волосками. Эти серебристые волоски и блестели под луной. Идти нам трава не мешала. Мы без труда подминали и раздвигали ее, и она с бесшумным колыханием опять вставала за нами.

Шагать было легко. Может быть, я еще не привык, что стал мальчишкой и тело мое весит

совсем немного. А может быть, Валеркина планета была меньше, чем Земля, и сила тяжести здесь оказалась слабее? Возможно, что и так. По крайней мере, мне казалось, что иду я не по ровному полю, а по громадному шару, который поворачивается мне навстречу.

Шар поворачивался, и светлая крепость вырастала на глазах. Острые башни, черные флюгера, неровные зубчатые стены...

Крепость была совсем не похожа на ту, что в Северо-Подольске. Я сразу это заметил, но не удивился.

...Я пытаюсь поточнее вспомнить, что думал и чувствовал тогда. Ну, конечно, радость, что мой друг Валерка опять рядом. Еще интерес: какие события ждут впереди? И еще... трудно передать словами... Запах сказки, что ли? Но не обычной сказки, а моей. Той, которую я открыл и полюбил. Сказки, где самое главное — не приключение, а два человека: Валерка и Братик.

Но... Вот в этом «но» все дело. Не было в этих чувствах той остроты и беспокойства, как в первый раз. Там, в Северо-Подольске, сказка захватывала меня, и я жил в ней как наяву, все переживал по-настоящему: и радость, и страх, и тоску, когда друзья уходили... А в этот раз я понимал, что вижу сон. Порой забывал об этом, но не до конца.

Я был уверен, что ничего плохого не случится. Вторая сказка, как положено, раскручивает свои пружины, и всему придет свой черед. Когда нужно, я встречу опасность и сделаю, что полагается. И потому даже Валеркины слова, будто Братику что-то грозит, не вызвали у меня тревоги. Я только обрадовался, что увижу его...

Но это я сейчас копаюсь в себе и все раскладываю по полочкам. А тогда... Что же, тогда я шел рядом с Валеркой, радостный и спокойный. И даже мысль, что придет время и мы расстанемся опять, не грызла меня. Встретились во второй раз — встретимся и в третий. К тому же, сказка только начиналась...

7

Мы подошли довольно близко к стенам. Я спросил:

— А почему не видно часовых? Разве город не охраняют?

— От кого? — сказал Валерка. — Снаружи никто не ждет опасности. Она в самом городе.

— А всадники Данаты? — нерешительно спросил я. — Они больше не нападают?

Валерка быстро взглянул на меня и грустно усмехнулся:

— Всадники Данаты... Под курганами храбрый Даната и все его воины. И кони...

Я удивленно молчал. Валерка смущенно сказал:

— Я забыл объяснить... Думаешь, когда мы улетели, мы вернулись к себе, в наше прежнее время? Если бы... Даната и все, что было тогда, сейчас уже легенда. Триста лет прошло или больше...

— Но... как же? — озадаченно заговорил я. — Вы вернулись... И как вас встретили? Вы сказали, кто вы такие? Вам поверили? Удивились?

— Удивились... Но поверили. Понимаешь, у нас другой мир... Вы придумали порох, машины, ракеты, а у нас не то. У нас ученые разгадывают тайны: как далекое сделать близким и дотянуться рукой до звезд; что такое мысль; в чем хитрость времени...

Я подумал, что и у нас люди бьются над такими загадками, но промолчал. Валерка продолжал:

— Не могу я объяснить... Но говорят, что время — это вроде струн, которые звучат то вместе, то вразнобой. А иногда оно — как бусы, которые могут рассыпаться. Или как запутанная петля — бежит то вперед, то обратно, только мы не замечаем. Петлю, говорят, можно рассечь и пробиться через сотни лет... У нас еще в старину случались разные загадки.

— Какие?

Валерка улыбнулся.

— Всякие... Была даже такая поговорка... На старом языке это всего пять слов, но ты не разберешь. А смысл такой: «Когда конь несет тебя все вперед, не думай, что не наткнешься на его следы; когда ложишься спать, не будь уверен, что проснешься завтра, а не вчера»...

Что ж, Валеркин мир и в самом деле был другим, я это видел. Пока мы говорили, крепость словно сама по себе приблизилась вплотную и нависла над нами.

К стене боком прижималась крутая лестница, сложенная из светлых кирпичей: просто ступенчатый выступ, который тянулся от земли доверху. Очень узкий. Валерка двинулся вперед, я, чиркая локтем о стену, стал подниматься за ним. Конец моей рапиры цеплялся за камни, и клинок тонко звенел.

Мы поднялись на гребень и снова пошли рядом, мимо высоких зубцов.

— Значит, как же... — нерешительно сказал я. — Вы вернулись... и опять оказались одни, среди незнакомых людей?

Он кивнул:

— Да... Но это наша земля. И встретили нас хорошо... Правда, скоро всем стало не до нас.

— И вы живете вдвоем?

Валерка улыбнулся, хорошо так, — видимо, подумал о маленьком брате.

— Да, живем... Только мы давно уже не виделись. Два дня...

— А где сейчас Братик? — нетерпеливо спросил я. Впервые назвал я так вслух Валеркиного братишку. Но Валерка ни капельки не удивился. Он сказал:

— У барабанщиков.

Скоро я увидел круглый люк. В полной темноте, по лесенке, выложенной в толще крепостной стены, мы осторожно пошли вниз. Заскрипели петли: это Валерка отодвинул тяжелую дверь. Опять хлынул навстречу лунный свет, и мы оказались на маленькой выпуклой площади.

Площадь окружали светлые дома с каменными узорами на карнизах дверей и окон, с крутыми чешуйчатыми крышами. Почти все здания были связаны между собой: внизу — галереями с полукруглыми арками, вверху, у крыш, — висячими мостиками. Я мельком подумал, что, наверно, весь город можно обойти, не ступая на землю. Даже между тонкими легкими башенками чернело кружево мостиков.

Было удивительно тихо. В степи хоть трава шелестела, а здесь — ни звука. Я слышал только, как рядом дышит Валерка.

— Пора идти, — шепотом сказал он.

Мы двинулись через площадь, прошли мимо разукрашенного фонтана с каменными рыбами, и в это время сзади послышался частый топот и смех. Нас догоняли трое ребят.

Мальчишки как мальчишки, чуть помладше нас. И одеты совсем обыкновенно — словно прибежали на эту лунную площадь с улицы, где живем мы с Володькой. Они тащили на веревке фигуру оленя, сделанную из коряги и палок. Вернее, тащил один, а двое других пуляли в оленя из игрушечных самострелов. Олень смешно подпрыгивал на тонких деревянных ногах.

— Что это? — спросил я у Валерки.

— Просто игра. В охотников... Сейчас редко играют по вечерам, а эти смелые...

«Охотники» промчались совсем рядом с нами, мы даже посторонились.

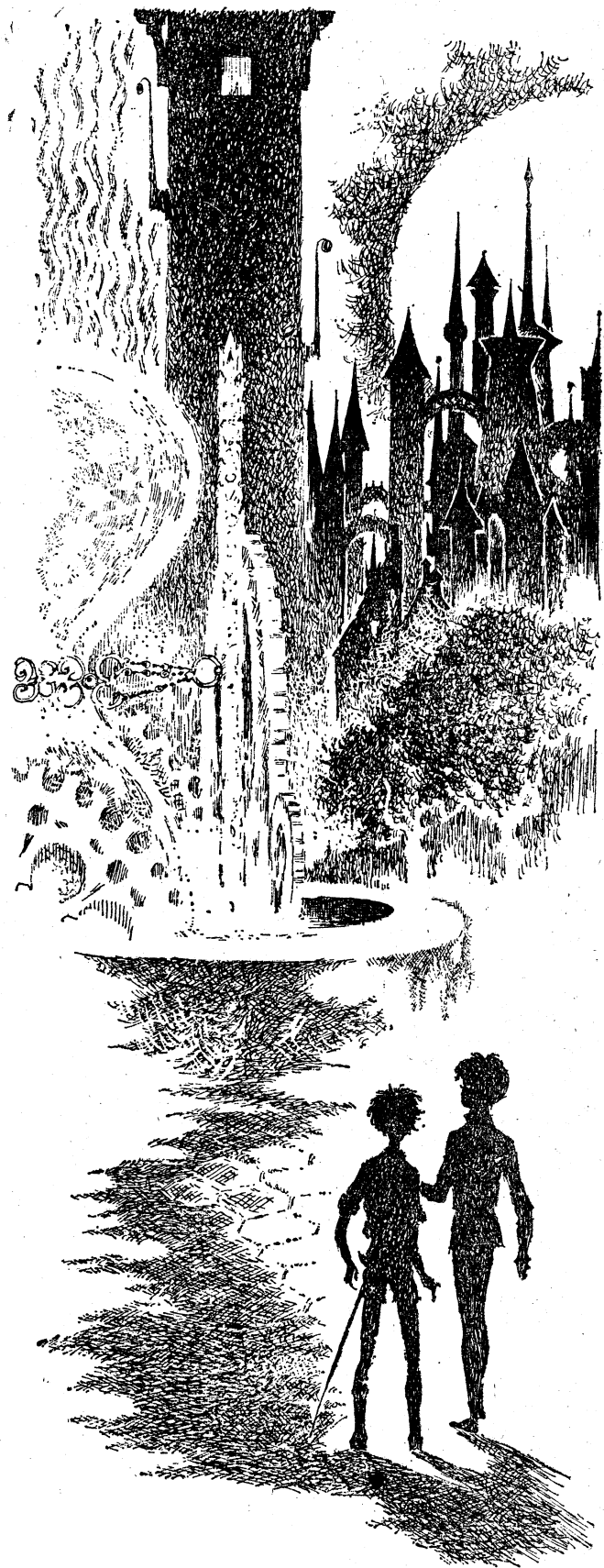
Я думал, они не обратят на нас внимания. Однако шагах в двадцати мальчишки остановились. До меня донесся неясный разговор:

— Светлый рыцарь... трубач... где стена...

Два мальчика вместе с оленем нырнули в глухую тень галереи, а третий — щупленький, немного похожий на Володьку — торопливо пошел назад, к нам.

В трех шагах он остановился и внимательно глянул на Валерку. Валерка торопливо подошел к нему. Мальчик вполголоса сказал несколько слов. И тут же бросился догонять товарищей.

— Идем, — шепотом сказал Валерка и,

потянув за локоть, увел меня в похожий на щель переулок.

— Что случилось? — тоже шепотом спросил я.

— Патруль близко.

— Чей патруль?

— Не все ли равно...

Это было совсем непонятно. И не укладывалось как-то: беззаботная игра мальчишек с оленем и в то же время опасность. Какая? Почему все равно, чей патруль? Если есть враги, есть, наверно, и друзья?

Но расспрашивать было некогда. Мы торопливо шагали вверх по черному от теней переулку. Лунное небо горело над нами зеленовато-голубой щелью.

— Куда мы идем? — вздохнул я.

— В заброшенный замок.

— Зачем?

— Ты же спрашивал, где Братик...

8

Барабанщики маршировали во внутреннем дворе замка. Их пестрые, но ровные шеренги проходили от стены до стены, разворачивались и шли обратно. Ребята не били в барабаны, они, видимо, просто учились ходить в строю. Их было около сотни, но мальчишечий шаг их был легкий, и только негромкий шелест разносился над каменными плитами.

Высокие плоские стены с трех сторон обступали обширную площадь двора, а с четвертой ее замыкало длинное здание с тремя рядами узорчатых окон и сводчатой галереей.

Мы постояли в воротах рядом с молчаливым паренюком-часовым. Потом прошли вдоль стены в тень галереи.

Оранжевым огнем горели на стенах факелы. Кое-где они были воткнуты в железные кольца, а чаще — просто в щели между камнями. Их пламя было ярким, но коптящим. По стенам вверх от факелов тянулись длинные языки сажи.

Огненный свет захлестывал края площади, но чем дальше от стен, тем слабее он делался, и отблески пламени перемешивались с лунными лучами. А в центре площади луна была полной хозяйкой, и плоскости гранита отбрасывали голубоватые блики. Пока барабанщики шли через площадь, по ним как бы прокатывались разноцветные волны. Вблизи от факелов строгие лица мальчишек, их остро согнутые локти и тонкие, упруго шагающие ноги словно покрывались знойным загаром. А на середине каменного плаца, под луной, барабанщики становились очень бледными, и только глаза их блистали по-прежнему: решительно и резко.

Иногда шеренги проходили совсем рядом

с нами, и я искал глазами Братика. Но много там было таких — русоголовых и маленьких. Они мелькали, и я не успевал разглядеть. Зато я разглядел узор на атласных рубашках барабанщиков. Рубашки их, широкие и довольно длинные, с короткими рукавами и большим квадратным воротом, были всяких цветов, но на груди и спине у всех виднелся одинаковый знак: черная угловатая спираль, пересеченная белой стрелой. Видимо, эта одежда служила барабанщикам формой. Я не сразу понял, что она мне напоминает. А потом вспомнил: так одеты были легкие воины-копьеносцы, которых я видел в книжке про Троянскую войну. Только у ребят не было круглых щитов и тонких копий.

Зато у них были барабаны.

Похожие на синие бочонки, эти барабаны казались чересчур большими для мальчишек. И были они, видимо, слишком тяжелы. Но барабанщики шагали легко и прямо.

И я вдруг почувствовал, что так же легко и прямо пойдут они, когда наступит срок, на встречу опасности.

От резкого толчка тревоги я коротко вздохнул и встал поближе к Валерке. В этот момент очень высокий голос прокричал непонятную команду. И почти сразу ахнули барабаны. Гулкие ритмичные удары заполнили всю площадь, задавили ее, как лавина. Барабаны били, неторопливо отмеряя шаги, а промежутки между ударами были пересыпаны сухой дробью.

При первом ударе я вздрогнул. Засмеялся и посмотрел на Валерку. Он что-то сказал, но я лишь увидел, как шевельнулись губы.

Барабаны смолкли. Гул в ушах быстро прошел, и опять стал слышен шелест шагов. Это квадратный строй барабанщиков продолжал свой молчаливый марш.

— Понял теперь, какие они? — серьезно обратился ко мне Валерка.

Я не совсем понял, но кивнул. И спросил:

— А где же Братик?

— Сейчас, — сказал Валерка.

Он вышел из-под арки, высоко вскинул руку, махнул несколько раз ладонью. Почти сразу откуда-то из середины шеренг выскочил светловолосый мальчик в блестящей зеленой рубашке. Строй пошел дальше, а мальчик, придерживая барабан, побежал через площадь прямо к нам.

В двух шагах он остановился — запыхавшийся и, видимо, встревоженный. И я увидел, что это Братик.

Блестящими глазами Братик посмотрел на Валерку, затем на меня. Мигнул. Потом улыбнулся — застенчиво и обрадованно: узнал. И ничего не сказал. А я забыл свой взрослый опыт, мне опять было двенадцать лет, и я тоже не знал, что говорят при таких встречах. Также смотрел и улыбался. Потом протянул ему ладонь. Он торопливо переложил в левую руку

барабанные палочки и дал мне свою ладошку. Она была сухая и горячая.

— А что с котенком? Помнишь, тот рыжий?.. — спросил я (надо было все-таки что-то сказать).

Братик снова улыбнулся. Чуть-чуть. И, все еще смущаясь, стал смотреть на свой барабан. Ответил тихонько:

— Котенок по крышам бегают... Только он уже не котенок, он большой.

— А ты тоже подрос немножко, — сказал я, хотя, по правде говоря, не заметил этого.

Он вскинул на меня глаза и серьезно согласился:

— Немножко.

— Ты ушел из строя. Ничего? — сказал ему Валерка.

— Ничего, — отозвался Братик. — Сейчас все равно кончаем.

— И домой?

Братик опустил глаза.

— Нет, я еще с ребятами...

Тень беспокойства прошла по Валеркиному лицу.

— Я недолго, — быстро сказал Братик.

Валерка промолчал. Братик озабоченно взглянул на него, поставил на камни загудевший барабан, ловко скинул через голову и бросил на него свою форменную рубашку.

Теперь он был совсем такой, как в первый день знакомства: выгоревшие вельветовые штанишки, голубая майка с неумело заштопанной дыркой на боку, старенькие сандалии. И только одно мне было незнакомо: не то медальон, не то амулет на белом крученом шнурке. Он висел у Братика на шее, как висят обычно у мальчишек квартирные ключи. Это был коричневый приплюснутый шарик размером с небольшую сливу. Костяной или деревянный, гладкий.

— Сними знак, — сказал Валерка. — А то на улице любой узнает, что ты из барабанщиков.

Братик послушно снял медальон и сунул в кармашек. Торопливо затолкал шнурок, чтобы не болтался снаружи. А потом сказал слегка виновато:

— Все равно узнают...

— Как? — с беспокойством спросил Валерка.

— Ну как... видно же. По синяку догадываются. У каждого такой. — Он шевельнул ногой.

Валерка пригляделся.

— Дай-ка факел...

Он легко подхватил Братика, тот встал ему на плечи, дотянулся до факела, горевшего на столбе между двумя арками. Вместе с ним прыгнул на камни. Стало совсем-совсем светло. У Братика ярко зазолотились волосы и на плечах запрыгали медные блики. Валерка взял факел и присел.

— Ух ты... — тихонько сказал он.

Я тоже присел.

На левой ноге пониже колена у Братика был не синяк, а большой кровоподтек. Из мелких ссадин кое-где выступили красные капельки.

— Елки зеленые... Откуда это? — спросил я.

— Барабаном настучало, — сказал Братик и облизнул губы. — Нижним ободом. Он железный, острый...

— Что же повязки не сделаете, — упрекнул Валерка.

— А... некогда все, — небрежно сказал Братик. — Да теперь уже все равно. Недолго осталось...

Я, не понимая, смотрел то на него, то на Валерку. Что недолго? О чем он говорит? Ясно было одно: должность барабанщика для Братика совсем не праздник.

— Забинтовать? — спросил Валерка у Братика.

— Да ну... — сказал тот.

Я вспомнил солнечный заросший склон у Северо-Подольской крепости: как я тогда скатился по нему и ободрался до крови.

— Приложи подорожник, и все пройдет, — сказал я Братике. — Помнишь?

Он улыбнулся: он помнил.

Мне стало хорошо-хорошо от того, что он сейчас рядом. Он и Валерка. Ну и пусть опасность! Пускай я мальчишка, но я помню, как меня учили работать клинком еще тогда, когда я был большой.

Я опустил ладонь на рукоять рапиры и выпрямился.

Валерка протянул мне факел.

— Пристрой куда-нибудь... Осторожно.

Это была гладкая палка с глубокой глиняной плоской, приклеенной комками смолы. Оранжевое с копотью пламя жарко металось над плоской. С ее краев падали маслянистые капли и тут же загорались на гранитных плитах яркими языками.

Аккуратно, чтобы не капнуть на руки, я воткнул факел в расщелину среди камней под аркой.

Валерка вполголоса сказал Братике:

— Говоришь, что вас все равно узнают. И вы ходите так... без всего?

— С самострелами, — быстро сказал Братик. Валерка сумрачно усмехнулся:

— Самострел — это на один раз.

Братик опустил голову и шевельнул плечом. Валерка сказал:

— Возьми мой нож.

— Давай! — обрадованно откликнулся Братик.

Валерка отстегнул от ноги чехол с метательным ножом. Примерил Братике. Кожаные кольца были велики. Концом рапиры я проколол новые отверстия, но и это не помогло: ремни болтались на ноге у Братика.

— Давай так, — сказал Братик. Выдернул нож из чехла и сунул за пояс.

— Не поранься, — встревоженно сказал Валерка.

— Не... Я буду осторожно. Я пойду?

Валерка молча кивнул. Братик ласково подержался за его локоть, попрощался со мной глазами и, не оглядываясь больше, быстро пошел через замковый двор. Строй барабанщиков распался, и они теперь пестрой толпой стояли у дальней стены.

— Идем, — сказал Валерка.

Мы прошагали вдоль галереи и через сводчатые ворота вышли на улицу.

9

Теперь я не был спокоен. Я все думал о Братике, и тревога не оставляла меня.

— Может быть, его подождать? И всех других...

Валерка покачал головой и медленно пошел от ворот. Я за ним.

— У барабанщиков свои дела, — сказал Валерка. — И пока ребята вместе, их никто не тронет. А когда они расходятся... Каждого ведь невозможно проводить, их больше сотни.

— А кто их может обидеть?

Валерка пожал плечами.

— Понимаешь... вроде бы никто. Барабанщиков не трогают даже в бою. Они же маленькие и без оружия. И факельщиков не трогают... Это у цеха оружейников мальчишки-факельщики... Конечно, в свалке все бывает, но нарочно никто не ударит. Это вечный закон. Даже воины Данаты не трогали маленьких.

— Да, «не трогали!» — сказал я. — А сам рассказывал, как на вас замахнулись мечом.

— Это же была тяжелая пехота, меченосцы. Наемники. Разве это люди?.. Даната их потом разогнал, а начальника повесил на подъемном мосту...

Я нетерпеливо спросил:

— Если маленьких не трогают, чего же бояться?

Валерка сказал сумрачно:

— Однажды был бой на улицах, недалеко отсюда. Оружейники сошлись с отрядом Большого Зверя. Началась свалка... Ну, как всегда. А шестерых барабанщиков оттеснили в переулок. Когда разошлись, унесли раненых, этих барабанщиков нашли у стены. С тех пор так и говорят про это дело: «Была Стена»... Они лежали заколотые, все шестеро.

Я подумал о Братике, и стало жутковато.

— Кто их?

— Никто не знает. Предводители оружейников принесли Клятву Огня, что их люди не де-

лали этого. Такую клятву нельзя нарушить... Но тогда кто? — Он взглянул на меня требовательно, словно я знал.

— И что дальше? — спросил я.

— Дальше... Барабанщики собрались в один отряд и стали вооружаться. И потребовали себе медальоны, как у взрослых. Сказали: «Раз мы рискуем, как взрослые, давайте нам знаки».

— Это такой орех на шнуре? — вспомнил я.

— Да. Есть обычай: каждый взрослый носит такой медальон.

— Зачем?

— Не знаю. Раньше этого не было.

— А Стена... далеко?

— Здесь...

Мы свернули в укрытый тенью переулок. С одной стороны стояли плоские дома с редкими темными окнами. С другой тянулась стена, сложенная из ноздреватого песчаника. Вверху она была разрушена, и гребень порос кустиками травы.

Невысоко на железных кронштейнах горели граненые фонарики. Шесть фонариков. Небольшие, разной формы. Они висели вразброс. Желтые пятна света падали от них на песчаник.

Ни надписей, ни барельефа, только фонарики. Да еще цветы, торчащие из расщелин в камне. Сухие цветы, похожие на бессмертники.

Было совсем безветренно, однако мне показалось, что фонарики тихо качаются. Может быть, от нашего дыхания?

Я шепотом спросил:

— Братик тоже был тогда барабанщиком?

— Нет. Он ушел к ним, когда узнал о Стене... Думаешь, он тихий и послушный? Он отчаянный.

— Он маленький, — сказал я.

Фонарики горели неярко и ровно.

— Надо идти, — негромко позвал Валерка.

Мы вышли из переулка и поднялись на горбатый мостик с каменными столбами по краям. На столбах блестели разбитыми стеклами четырехгранные светильники. Огня в них не было.

Глубоко под мостом черной водой журчала речка.

Валерка вдруг сказал:

— Те шестеро тоже были маленькие...

— Да... Но я не понимаю... Кто с кем сражается? За что? Кто за кого? — с досадой спросил я.

— Черт их знает! — в сердцах сказал Валерка. — Каждый за себя.

— А зачем малыши суются в эту свалку?

— Так уж повелось. Вместе с отцами сначала... А потом... Сейчас у барабанщиков и факельщиков свое дело.

— Какое?

— Я расскажу... Подожди!

Навстречу нам шеренгой шли трое. В тускло-малиновых мундирах и медных нагрудниках.

Двое — в плоских касках, напоминавших тазик Дон-Кихота, третий — в широкополой шляпе, похожей на мушкетерскую. Наверно, офицер.

— Гвардейцы, — пробормотал Валерка. — Патруль. Ну, ничего, идем.

Когда между нами было шагов пять, гвардейцы остановились. Офицер коснулся шляпы зажатой в кулаке перчаткой. Я разглядел колючие усики и заплывшие глазки. А еще заметил, что к сапогу офицера прицеплен широкий метательный нож — такой же, какой недавно был у Валерки.

— Светлый Рыцарь, Спаситель города... — почтительно произнес командир гвардейцев. — И его доблестный молодой друг, звания которого мы не знаем...

— Сколько слов... — настороженно откликнулся Валерка. — Что вы хотите?

Офицер слегка наклонился и вкрадчиво сказал:

— Мы слышали шум барабанов. Мы хотим знать, где ваш маленький храбрый брат и его друзья?

— Какое ваше дело? Каждый может ходить, где хочет.

— Конечно, Светлый Рыцарь, таков закон. Однако в это смутное время...

— Не мутите его еще больше, — резко перебил Валерка. — Дайте нам пройти!

— Разумеется, Светлый Рыцарь. Но мы хотели бы пройти с вами. В наши казармы.

— А мы не хотели бы! — громко сказал Валерка. Он сделал движение, словно думал наклониться и взять оружие. И, видимо, вспомнил, что ножа нет. Быстро оглянулся на меня.

— Вы храбрые рыцари, вы мужчины... — неопределенно отозвался офицер и положил руку на эфес тяжелой армейской шпаги. Гвардейцы сделали то же.

Мужчиной надо быть и наяву, и во сне. Даже если тебе двенадцать лет.

— Руки... — сказал я и вынул рапиру.

— Что? — не понял командир гвардейцев.

— Руки с эфесов! — повторил я и почувствовал, как внутри у меня все задрожало. Не от страха. — Уйдите с дороги!

— Юный рыцарь, нас трое, — снисходительно сказал командир. — Отдайте оружие, сейчас не до игры.

И три острия затронули мою рубашку.

...Валерка правду говорил, слабаки они были в этом деле. Не дошла еще их фехтовальная наука до нашего уровня. Всего-то два простых захвата — и две шпаги зазвенели по мостовой. Валерка юркнул у меня под рукой и схватил оба клинка.

Два гвардейца обалдело смотрели на нас. Но командир их оказался покрепче. Отскочив, он ушел в глухую защиту, а потом сделал красивый выпад.

— Ну-ну, сеньор, вы не в театре, — сказал я. — Не надо эффектов.

Он стал тяжело скакать вокруг, демонстрируя приемы — устрашающие, но довольно безобидные. Это было даже забавно. Я перестал волноваться. Чему их тут учили? Этот дядя в покоем на самовар панцире не знал даже, что такое нижний блок защиты, и два раза пытался достать меня, падая на левое колено.

Мне стало весело. Отмахиваясь от грузного гвардейского начальника, я спросил у Валерки:

— Они все у вас такие бездари?

— Почти, — откликнулся Валерка. — Они привыкли нападать толпой, да и то после хорошей выпивки.

Он держал в каждой руке по шпаге и показывал безоружным гвардейцам, что лучше не соваться. Те и не совались.

— А ты говорил, что у вас не воюют с детьми, — сказал я Валерке.

— У него служба такая, — не без ехидства объяснил Валерка. И попросил: — Не убивай его, он дурак.

Командир патруля уже изрядно запыхался.

— Брось оружие... Именем предначертанного будущего... — просипел он.

— Чего-чего? — спросил я и слегка ткнул рапирой в его мягкий сапог. Мой противник басовито взвыл и широко размахнулся — с явной целью снести мне своей шпагой башку. И очень удивился, почуввав у горла мой клинок.

Его рука остановилась в воздухе.

— Спокойно, — сказал я. — Вы утомились. Разожмите пальцы... Вот так. (Шпага звякнула о камни.) Можете опустить руку... Хороший замах полезен в любом деле, кроме фехтования. (Это я вспомнил слова нашего тренера в спортивном клубе «Буревестник».)

Валерка подобрал шпагу командира и потянул меня за рукав — к перилам. Мы отошли. Гвардейцы потерянно смотрели на нас.

— Отдайте шпаги, Рыцари, — сумрачно сказал один. — Нас выгонят из гвардии.

— И правильно сделают, — откликнулся Валерка. — Идите торговать вареной репой.

Всегда такой спокойный и сдержанный, он был сейчас возбужден и насмешлив. Подпрыгнув, сел на широкие перила, взял за конец одну шпагу, покачал ее, как маятник, над водой и выпустил.

Шпага булькнула далеко внизу.

— Хотите добыть оружие — купайтесь, — предложил Валерка. — Правда, там глубоко и холодно.

Я стоял рядом с ним, прислонившись затылком к каменному столбу. Валеркины глаза недобро блестели. Я чувствовал, что он не просто так издевается над гвардейцами. Он сводит счеты за что-то.

Валерка, не торопясь, отправил в реку

вторую шпагу. Гвардейцы уныло следили за ним. Валерка взял за конец третью.

— Не надо, — сказал я. — Оставь себе. Ты без оружия.

— И верно, — спохватился он. — Пригодится... Только не привык я... — Он вдруг весело глянул на офицера. — Эй, предводитель! Хотите вашу шпагу? Меняю на нож! Видите, у меня пустой чехол... — Валерка качнул ногой.

Командир гвардейцев подумал секунду, хмуро кивнул и, медленно сгибаясь, потянулся к ножу.

...Валерка успел подставить налокотник! Нож чиркнул по стали, свистнул у моего уха, оглушительно ударил в камень. Мелкие осколки впились мне в щеку. Я зажмурился на миг, а потом увидел, что Валерка бежит за гвардейцами. Он кричал что-то и мчался, держа шпагу, словно копьё.

Но гвардейцы бежали быстрее. С одного сорвалась каска и, громко звеня, катилась поперек моста. Она долго дребезжала и вздрагивала, прежде чем улеглась на камнях.

Валерка, тяжело дыша, вернулся на мост.

— Они не люди, — сказал он тихо и зло. — Хуже наемников.

Я ладонью провел по щеке. На ладони остались полоски крови.

Я нашел на камне след от удара ножа. Это была ямка, похожая на воронку. Крупинки мрамора на свежем изломе искрились под луной. Я потрогал их — к пальцу прилипла белая пыль.

Отскочивший от столба нож валялся в трех шагах. Я подобрал его. Поднес к лицу. Нож был тяжелый, с медным шариком на костяной рукоятки, с гравировкой из цветов и листьев на широком лезвии.

Подошел Валерка. Я протянул ему нож. Он торопливо сунул клинок в чехол, одним движением расстегнул куртку, рванул от белой рубашки доску. Прижал его к моей щеке.

— Да пустяки, — сказал я.

— Прости, — сказал он. — Это из-за меня.

— Ну что ты... — сказал я. И вернулся к столбу. Опять посмотрел на ямку в мраморе.

Ощущение реальной опасности выросло во мне неожиданно и стало очень ясным. Сон это или сказка, или все по правде, я не понимал теперь, но чувствовал одно: не закрой меня Валерка стальным налокотником — и был бы конец.

И напрасно ждал бы на берегу пруда Володька своего взрослого нескладного друга.

Я оглянулся и как бы новыми глазами увидел непонятный город: квадратные и многогранные башни с флюгерами, темные арки галерей, блестящие бруски гранита на мостовой. До сих пор я смотрел на это почти как на декорацию. Сейчас это был настоящий город.

Валерка подошел и опять негромко произнес:
— Прости... Но я же говорил: это всерьез.
Он был смущен и расстроен. А во мне заиграла радость: значит, и Валерка настоящий!
— И хорошо, что всерьез! — сказал я и подернул перевязь с рапирой.

10

Мы торопились уйти от места схватки, чтобы гвардейцы не вернулись с подмогой.

Не могу точно вспомнить город — такая в нем была запутанность. Кажется, что башен было больше, чем домов, а мостиков, площадей и лестниц — больше, чем улиц.

Помню каменного льва, как бы уснувшего на ступенях широкой лестницы. На спине у льва беззаботно сидел мальчишка лет восьми и грыз большой огурец. Лыняные волосы мальчишки светились под луной. Ярко белела рубашка. На лестницу падала от мальчишка и льва очень резкая ломаная тень.

Мальчик весело проводил нас глазами.

— Факельщик, — на ходу сказал Валерка. — Чего-то он ждет.

— Факельщик? Значит, он против барабанщиков? Он же наведет на след?

Валерка улыбнулся:

— Никогда.

Мы оказались высоко над улицей, на мостике, соединявшем две башни. Валерка остановился, ухватившись за перила. И вдруг сказал тихо, но резко:

— Надоело.

Рванул с руки налокотник и швырнул с размаху. Железо, разбивая тишину, загремело по крышам и карнизам. Валерка стянул куртку и тоже бросил. Она темной птицей улетела в глубину улицы.

— Ты что? — сказал я.

Он повернул бледное от луны лицо.

— Смотри, какой город... Хороший, да? Мы так по нему тосковали тогда... А вернулись — и что? Кругом ножи из-за угла. Все с ума посходили...

— Почему напали гвардейцы?

— Не знаю, это первый раз. Они раньше не вмешивались, но недавно я почувал: они почему-то невзлюбили барабанщиков.

— Значит, они за тех... других?

Валерка сердито пожал плечами.

— Они — ни за кого. Доблестная гвардия служит только Великому Канцлеру и охраняет его особу.

— Кто такой Великий Канцлер?

Валерка усмехнулся:

— Га Ихигнор Тас-Ута, Отец и Защитник Города и всех степей и гор до самого Океана.

— И этот... отец и защитник... он за кого? Валерка опять усмехнулся.

— За кого... Он слишком велик. Он скорбит о раздорах и горюет о погибших. А предводители разных цехов и общин режутся, чтобы получить повыше звание в свите Великого. И все клянутся в любви к нему и к народу... А люди гибнут.

— Так какого же черта этот Канцлер, если он горюет и скорбит, не наведет порядок?

— А зачем? — с горечью произнес Валерка. — Все идет, как предписано. Сказано в Книгах Белого Кристалла, что будет время... как его... да, Эра Багровых Облаков. И будут бои, которые необходимы, чтобы победила истина. А потом придет Время Синей Воды, и народ заживет счастливо и мирно при мудром правлении Великого Га Ихигнора. А когда настанет Время Второго Рассвета, Га Ихигнор Тас-Ута, сотворивший счастье, уйдет на покой, передав знаки власти юному Хозяину Света и Ветров, который еще не родился...

— Что за молитву ты прочитал? — спросил я. — Что за бред?

— Ты не знаешь еще... — откликнулся Валерка. — Это не бред. Этому верят все... Говорят, что лет двести назад Большой Звездный Мастер — самый главный ученый — сумел победить время и побывать в глубине будущего. Он записал все, что должно случиться на много веков вперед. Получились целые книги...

— Книги Белого Кристалла?

— Да... По ним можно узнать заранее, что случится в этом мире.

— Скучно так жить.

Валерка пожал плечами.

— Чушь какая-то, — сказал я.

— Может быть, — откликнулся Валерка. — Но понимаешь... Все, что известно заранее, в самом деле случается: битвы, пожары, открытия ученых. И хорошее, и плохое.

— Но если плохое известно заранее, можно постараться его победить! Можно предупредить несчастье! Ведь, наверное, для того и написаны книги!

Валерка вздохнул.

— Здесь говорят: «От написанного не спрячешься». И мудрый Канцлер учит жить, как велит Книги.

— Зачем?

— Ну, послушай, — как-то очень по-детски сказал Валерка. — Я же еще не взрослый, я сам не понимаю. Все это случилось без меня. Мне рассказал про это Звездный Мастер из Северной башни, мой друг... Он все знает...

Я вспомнил, как у Стены качались фонарики.

— Если все известно наперед, то и про барабанщиков знали? Что их убьют...

Валерка вздрогнул. Глаза у него стали большие и очень темные.

— Не знаю... Я не думал, — тихо сказал он. — Ну... ведь, наверно, не о каждом написано, а только о больших событиях.

— А Стена — маленькое событие?

Он медленно опустил голову. Потом оттолкнулся от перил и пошел к башне. И, не оглядываясь, сказал.

— Все было проще, когда я был трубачом...

Мне стало жаль Валерку. И, чтобы отвлечь его от грустных мыслей, я пошел следом и спросил:

— А чего этот офицер так величал тебя: «Светлый Рыцарь... Спаситель»?

Валерка не обернулся, но я почувствовал его улыбку.

— Ну, помнишь, я рассказывал?.. Когда меченосцы ворвались в крепость, я затрубил... Я все же успел, наши построились в боевые треугольники. А когда наши воины так вставали, разбить их было нельзя. И в этот раз тоже: они сперва защищались, а потом пошли в атаку и выбили врага...

— Значит, ты спас город...

— Так говорят... Видишь, сейчас здесь любают пышные титулы.

— Выходит, ты знаменитость?

— А толку-то... — сказал Валерка.

11

Снова площадь. Очень ровная, покрытая шестиугольными плитами. И окружали ее не дома, а узловатые деревья, на которых, как фонарики, светились под луной желтые цветы.

Посреди площади, за круглым каменным барьерчиком, в окружении громадных медных колес и рычагов блеснул большой стеклянный цилиндр с прозрачными шарами на концах. Он был подвешен на оси за середину к двум узорчатым столбам. Вся эта машина казалась ростом с двухэтажный дом, а сам цилиндр напоминал громадные песочные часы, только внутри был не песок, а вода: она тонкой струйкой бежала из верхнего шара в нижний — совсем уже полный.

— Часы? — спросил я.

— Да.

— Очень уж большие.

— Время — вещь серьезная, — сказал Валерка. — Это Главные полуночные часы. Им двести лет, и они никогда не ошибаются. Их строил Большой Звездный Мастер.

Отражения луны горели на стеклянных шарах, нестерпимо яркими огоньками. Я мигнул и посмотрел в сторону, на темные деревья. В глазах плавали круглые зеленые пятнышки. Но сквозь них я все равно увидел гвардейцев. Они стояли всюду, замыкая проходы между ствола-

ми. Молчаливые и неподвижные. Тускло блестя их медные шлемы.

— Смотри-ка, — шепотом сказал я.

Валерка — молодец. Он не дрогнул. Только трофейную шпагу переложил из левой руки в правую.

А меня даже замутило от страха: их была целая рота, никакое фехтование не поможет, сомнут и скрутят. Но я постарался спросить беззаботно:

— Будет свалка?

— Здесь не будет, — сказал Валерка. — На этой площади никто не смеет драться. Говорят, что Канцлер очень редко спит, а вон его окно.

И Валерка указал куда-то вверх.

Я увидел темную квадратную башню, самую высокую из всех. Под карнизом ее острой крыши неярко горел оранжевый квадрат. Слово странное четырехугольное светило поднялось над площадью.

— Он там живет, этот ваш Канцлер?

Валерка кивнул.

Я на минуту забыл о гвардейцах: простая до удивления мысль словно тряхнула меня.

— Послушай! Там крутые и длинные лестницы! А если однажды Канцлер поскользнется и сломает шею? Вдруг?! Ведь всякое случается! Как тогда быть с Эрой Синей Воды и всякими другими? Все предсказания полетят к чертям?

Валерка глянул удивленно.

— Ну... значит, не поскользнется и не сломает... А вот нам сейчас могут шеи сломать, если попытаемся выйти с площади.

— Чего нас сюда понесло? — с досадой спросил я.

— Мне хотелось показать тебе часы.

— Самое время для экскурсий...

Валерка подошел ко мне вплотную, грустный, но решительный.

— Не сердись, — сказал он. — Я втянул тебя в опасные дела. Но сейчас ты можешь уйти.

— Куда? — растерянно спросил я.

— Вернуться к себе.

— Как?

— Сейчас это просто. В несколько секунд. Я объясню.

— А ты? Ты можешь уйти со мной?

— Могу...

— Так давай!

— А Василек?

О, черт возьми! Как я не подумал!

— Тогда о чем ты говоришь, — тихо сказал я. — Как я без вас?

— Но будет кровь...

Я вдруг понял, что сейчас разревусь, как ревет мальчишки от нестерпимой обиды. И чтобы этого не случилось, я заговорил шепотом:

— Зачем ты так? Разве я вас бросал? Разве я когда-нибудь трусил? Я всегда... с вами... а ты...

Он почувал мои слезы. *Очень растерялся и смутился. Он сунул шпагу под мышку и взял меня за локти горячими пальцами.

— Извини. Ну, пожалуйста... Просто я должен был это сказать, на всякий случай.

— Братик никогда бы так не сказал. Он умнее тебя, — буркнул я.

— Конечно, — согласился Валерка искренне и торопливо.

Я улыбнулся.

Он тоже.

— Ладно, — сказал я. — Как-нибудь отмахаемся.

Гвардейцы неподвижно, как идола, стояли среди деревьев. Но в этой неподвижности было насмешливое ожидание.

— Послушай, а как я мог уйти? — спросил я. — Ты не подумай... Просто интересно.

Валерка кивнул.

— Это самый легкий переход. В ночь большого полнолуния в океане очень сильный прилив. Океан всей тяжестью бросается на берега — и такой толчок... Ну, я не могу точно рассказать. Мне это объяснял наш Звездный Мастер, но я до конца еще не понял. В общем, планета чуть-чуть вздрагивает и еле заметно сбивается с орбиты. И в пустоте сбивается, и во времени. И наше пространство на миг словно сталкивается с другими пространствами... Видишь лунные лучи?

Я пригляделся и впервые различил в лунном воздухе серебристые, тонкие, как фольга, полосы. Некоторые из них чуть заметно дрожали.

— Надо встать в поток дрожащих лучей и ждать удара, — сказал Валерка.

Раздался перезвон. Негромкий, но очень настойчивый, проникающий какой-то. Сразу стало ясно, что его слышно во всем городе. Медные рычаги и зубчатые колеса пришли в движение, цилиндр перевернулся пустым шаром вниз. В этот шар ударила искрящаяся струйка.

На миг пришло ко мне ясное ощущение, что я лежу на дощатом плотике и жду Володьку. Но тут же оно исчезло. Видимо, я не стоял в пучке дрожащих лучей.

— В такие ночи самый большой прилив, — сказал Валерка.

— У нас такие дела называются фантастикой, — сказал я.

Валерка улыбнулся, но тут же нахмурился и совсем другим голосом произнес:

— Фантастика будет, если пробьемся к дому. А пробиться надо. Василек ждет.

Мы пробились. Заранее договорившись, мы взяли наизготовку шпаги и пошли прямо на гвардейцев. Те, кто оказался позади, широкой дугой двинулись за нами. А мы прошли двадцать шагов и, развернувшись, бросились на преследователей. Ух, как бросились! Встречный

воздух ударил меня по лицу и по ногам, словно лохматым полотенцем! Башни, казалось, падают навстречу!

Круг, в который нас замыкали гвардейцы, был широким. Враги не могли броситься на нас все сразу. К тому же, те, кто оказался перед нами, стояли теперь на площади. Обычай запрещал им здесь драться.

Валерка на бегу сбил бородатого воюка. Я вытянул клинком по чьей-то медной кирасе, и рапира долго звенела, как камертон. Мы прыгнули в тень деревьев, потом промчались сквозь хрупкие кусты, проскочили две галереи и разрушенную лестницу, перелезли через кирпичную изгородь. Остановились мы на заросшем пустыре, где валялся вверх лапами каменный зверь, сбитый с постамента. У него была добродушная морда и поломанные перепончатые крылья. Я сел на мраморное брюхо зверя и отдышался.

Рубашка на плече была порвана. Болел ушибленный локоть. К тому же, на краю пустыря я влетел в крапиву, а она, подлая, в здешнем сказочном лунном мире жалилась в точности как у нас дома.

Я сказал об этом Валерке. Он весело заметил, что если это самая большая неприятность, то жить можно. И добавил:

— Зато мы почти пришли.

12

Их дом прилепился к развалинам громадного здания, похожего на храм. В светлом небе чернели разрушенные арки и обломки колонн, а домик прятался в тени. Он был сложен из камней, взятых здесь же, на развалинах, и почти сливался со стеной храма. Только два полу-круглых окошка светились, как два больших глаза.

«Небогато для Светлого Рыцаря и Спасителя Города», — подумал я.

Валерка особым образом постучал в сбитую из грубых досок дверь: раз, три раза, потом еще три...

Что-то лязгнуло. Дверь, помедлив, со стоном отошла внутрь. Я увидел Братика. Он стоял у порога и держал в опущенной руке тяжелый взведенный самострел.

С мягким упреком Братик взглянул на Валерку.

— Что вы так долго? Я жду, жду...

Валерка обнял его за плечи, и мы молча вошли в дом.

В глиняных плоских горела у стен яркое пламя.

Валерка взял у Братика его оружие, вынул из желоба железную стрелу с шариком вместо

острия, нажал на спуск. Тетива сорвалась с тяжелым звоном, гул заполнил комнату.

Я попросил у Валерки самострел. Это был окованный медью приклад со стальным луком, зубчатым колесом и рычагом для взвода. Крученая из жил тетива толщиной была с мой мизинец.

— Как ты заряжаешь эту штуку? — спросил я у Братика.

Он в это время запирает дверь на звякающие засовы. Оглянулся и, смутившись отчего-то, объяснил:

— Мы каждый самострел впятером натягиваем, а потом уже берем себе.

Затем он поманил Валерку, поднялся на цыпочки и что-то зашептал ему на ухо.

Валерка рассмеялся.

— Он стесняется. Говорит, что не знает, чем кормить гостя... Это не гость, Василек.

— У... — тихо сказал Братик и слегка толкнул Валерку в бок. Потом с лукавинкой глянул на меня и убежал за серую дерюжную занавеску. Сначала он притащил и бухнул на стол чугунный горшок, — по стенкам посуды стекали капли молока. После этого принес громадный поджаристый каравай. Прижимая хлеб к майке, Братик широким Валеркиным ножом стал отрезать большие ломти.

Ух, как я захотел есть!

Мы поужинали за круглым столом, неизвестно как попавшим в эту лачугу (богатый был стол — с инкрустацией и витыми ножками, — только очень старый и скрипучий).

Когда ужин подходил к концу, из окна в комнату бесшумно прыгнул рыжий усатый зверь. Сел у стола, зажмурился и замурлыкал с громкостью включенной стиральной машины.

— Это Рыжик? — спросил я. — Такой вымахал?

— Ага... — сказал Братик. — У, бродяга. Опоздал, а теперь попрошайничаешь.

Он стал кормить загулявшего Рыжика, а мы с Валеркой легли на широкий топчан, застланный белым войлоком. Таким же войлоком укрылись. Он был очень легкий и шелковистый.

Братик задул плочки и полез между нами.

— Ну-ка, раздвиньтесь. Все заняли, какие хитрые... — Он уже не стеснялся меня.

— Ты лягаешься во сне, — сказал Валерка. — Ложись у стенки. Тогда хоть я один буду страдать.

— Ага, у стенки... Там пауки-косиножки ходят, я их боюсь.

— Наш храбрый барабанщик...

— Подумаешь... А ты боишься с большого моста нырять.

— Ябеда, — ласково сказал Валерка.

На лежак прыгнул Рыжик, долго возился у нас в ногах, наконец устроился и заурчал.

Я зажмурился, и на миг показалось, что я в

деревне у бабушки и ночью на сеновале с Алькой Головкиным и Мишкой Масловым — одноклассниками и друзьями детства. А в ногах — беспризорный, но любимый кот Жорка.

Я опять открыл глаза. И только сейчас в яркой полосе лунного света заметил на стене два рисунка. Их сделали углем на штукатурке. Слева был портрет усатого Рыжика — смешной и очень похожий. Справа и повыше — парусное судно. Хорошо нарисованный корабль, вроде испанского галеона, только с более низким корпусом. Паруса были надуты пузырями, а из-под форштевня крыльями разлетались волны.

— Кто это рисовал? — спросил я.

— Василек, — сказал Валерка. — Хорошо, да?

— Ладно тебе... — шепотом сказал Братик.

— Здорово нарисовано. А я и не думал, что у вас есть такие корабли.

— Были, — со вздохом сказал Валерка. — А сейчас порт опустел, корабли гниют у причалов.

— Почему?

— Все боятся, что волны разобьют дамбы и весь берег будет затоплен...

Братик вдруг зашевелился и сказал мне тихо:

— Знаешь, мы, когда вернулись, хотели пойти в моряки. А кораблей нет.

— Но почему? Почему не чинят дамбы, за чем все бросили?

Валерка ответил с сердитой усмешкой:

— Некогда. Эра Багровых Облаков. Все воюют...

Я не помню, долго ли шел ночной разговор. Но утром я уже многое понимал. Знал, что население Города разбилось на две враждебные группы, и каждая обвиняет противника в неумеренной жажде власти и нежелании работать. Вожаки хотят получить важные посты, а простые горожане бьются кто за что: за право торговать без налогов, за право строить дома на месте развалин, за какие-то почетные звания и еще для того, чтобы отомстить за полузабытые старинные обиды. Что поделаешь, сражения предсказаны Книгами, и даже Великий Канцлер не в силах их предотвратить.

Разбились на две партии и мальчишки. Пошли в барабанщики к старому герцогу по прозвищу Большой Зверь и в факельщики к вожакам цеха оружейников. Для них это было вроде игры — опасной и увлекательной. Сначала... Но пришлось хоронить отцов, а потом факельщики и барабанщики встречались в одной школе. Когда горе, то не до игры. А для серьезной вражды не было уже сил. Случались, конечно, бои и даже кровь, но никто не знал толком, за что дерется. А Утренняя площадь, где когда-то стояли кукольные театры и карусели, зарастала сорняками. А факелы и барабаны были слиш-

ком тяжелы... Потом случилась Стена, и кто-то из факельщиков вдруг спросил: «А наша очередь — когда?»

Их учили в школе слушаться Книг, но не все мальчишки прилежные ученики. И кто-то в первый раз начертил на доске угловатую спираль, рассеченную прямым ударом: старинный знак «преодоленного времени». Теперь этот знак приобрел другой смысл: «Разбить предсказания Белого Кристалла». Взрослые — те, кто о чем-то догадывался, — грустно смеялись: разве можно изменить законы Книг?

Но дети часто не верят взрослым...

Я узнал, что есть заговор. Вернее, план. Армии всегда идут за барабанщиками и факельщиками, и ребята решили свести оба войска на старинной улице, у крепостных ворот. Эта улица в давние времена перегораживалась железными решетками для защиты от врагов. Мальчишки задумали пробраться в Цепную башню, где механизмы, и опустить решетки, рассечь армии на мелкие группы.

— А потом? — спросил я.

— Они не смогут драться, — сказал Братик. — И мы потребуем от всех Клятву Огня, что больше не будет боев.

— А если не дадут они клятву?

— Пусть попробуют... — сумрачно сказал Братик. И я услышал, как тревожно вздохнул Валерка.

Утром Братик убежал к барабанщикам, а мы с Валеркой прошлись по городу. Было солнечно и мирно. Торговали лавки с овощами и рыбой. Женщины в длинных платьях тащили к речке корзины с бельем. Усатые мужчины в разноцветных рубашках и клеенчатых шляпах чинили каменную изгородь. Две крошечные девочки в клетчатых сарафанах везли на тележке бочонок с водой. Мы помогли им...

Нигде не было гвардейцев.

— Все-таки что нужно было патрулю от барабанщиков? — вспомнил я. — Может быть, узнали про заговор?

— Может быть, — хмуро сказал Валерка. — Хотя какое их дело? Они не должны вмешиваться... А в эту затею с решетками я не верю. Об одном думаю: лишь бы ничего не случилось... с ребятами, с Васильком... Ты знаешь что? Поучи меня сегодня на шагах...

Мы вернулись домой. Почти весь день, с небольшими перерывами, среди развалин храма я учил Валерку приемам спортивного фехтования — скупым и стремительным движениям. Он здорово устал, но зато многое усвоил.

Два раза прибежал Братик. Последний раз он ушел от нас под вечер, и мы проводили его с молчаливой тревогой. Мы знали, что бой будет сегодня.

— А почему нам не пойти с барабанщиками? — спросил я.

— Мы подождем их у башни. Так будет лучше.

13

К Цепной башне мы пробрались через пустыри и болотистые проходы под мостами. Башня была квадратная, двухъярусная, с темно-серыми стенами. К верхнему ярусу вела наклонная галерея со ступенями. Мы взбежали по ней, встали за гранитными столбами навеса.

Под нами лежала пустая неширокая улица. Ее плоские трехэтажные дома через каждые двадцать шагов соединялись поперек мостовой воротами. Вернее, это были не ворота, а высокие стены, прорезанные внизу арками. Я знал теперь, что в толще этих стен притаились тяжелые ржавые решетки.

Солнце садилось. Оно светило вдоль улицы длинными лучами. Стены и мостовая казались красноватыми. И тихо было так, словно все в городе уже погибли.

Потом вдали ухнули барабаны.

...Вначале все шло, как было задумано. Правда, походило это не на завязку битвы, а скорей напоминало начало какого-то праздника.

Пестрые ряды барабанщиков появились справа от нас. За ними колыхались разноцветные знамена, красными бликами горели наконечники копий и медные шлемы.

Слева вышли шеренги мальчишек в одинаковых алых рубашках. Факельщики. Было светло, и факелы не горели. Ребята несли их на плечах, как солдаты носят карабины.

За факельщиками тоже мерцали каски и щетинилось оружие.

Барабаны смолкли. Армии сходились в молчании. Оба войска выглядели пестро, но люди шли слаженно. Ритмичные удары шагов заполнили каменный коридор улицы.

Мне стало страшно. Показалось, что сейчас шеренги столкнутся и начнется неудержимый бой. Мельком я взглянул на Валерку. Он стоял, стиснув себе плечи, прямой, со сжатыми губами. Неотрывно смотрел вниз, на улицу. Видимо, он тоже боялся.

Но боялись мы зря. Четко, как на параде, шеренги факельщиков и барабанщиков прошли друг сквозь друга. Затем факельщики сделали поворот направо, барабанщики — налево, и все разом кинулись к башне. Лишь несколько ребят остались между армиями и отчаянно вскинули руки, словно хотели удержать взрослых воинов. Оба войска действительно остановились.

Мальчишки действовали слаженно. Большинство из них ухватились за руки и встали перед башней живыми цепями, в несколько рядов.

А человек двадцать кинулись вверх по галерее. На ступенях загудели брошенные барабаны.

На улице нарастал шум взрослых и ребячьих голосов. Один мальчишечий голос — тонкий и отчаянно яростный — все время повторял:

— Стойте! Не смейте! Не смейте!

Те, кто ворвался на галерею, поравнялись с нами. Все происходило так быстро! Мы с Валеркой увидели Братика, рванулись к нему и вместе вбежали в сводчатый коридор.

Сначала была полная мгла, но очень скоро зажглись факелы. Двое мальчиков в алых рубашках проскочили вперед и освещали дорогу.

Коридор вывел на квадратную площадку, а от нее кругами уходила вверх широкая лестница. Наш бег был молчалив и стремителен. Только гулкий топот разносился среди стен. Один из факельщиков поскользнулся и упал. Толпа могла налететь сзади, но Валерка успел подхватить и поставить мальчишку.

Лестница кончилась, и мы высыпали в просторную сводчатую комнату, где было очень светло.

Горели развешанные по стенам фонари (кто их зажег?). Я увидел зубчатые барабаны и громадные деревянные катушки с намотанными цепями.

И тут же я увидел гвардейцев.

Они стояли всюду, у каждого барабана, в глубоких оконных нишах, на каменных выступках и бревенчатых балках. Поверх малиновых мундиров на гвардейцах красовались золоченые наплечники и желтые панцири из тисненой кожи. А на головах — клеенчатые шапочки с черными перьями. Каждый держал легкую трехгранную рапиру...

Стало тихо-тихо. Я почувствовал, что здесь очень холодно и пахнет гнилым деревом. И слышал частое дыхание ребят. Никто не ждал, что здесь будет охрана: мы натолкнулись на засаду, как волна на стенку. Никто, наверно, не испугался, просто растерялись. Просто никто не знал, что теперь делать.

Темноволосый курчавый мальчик, которому только что помог Валерка, вдруг подскочил к барабану с цепями и рукоятью факела ударил деревянный клин, торчавший между зубьями шестерни. Клин не шевельнулся. Стоявший рядом гвардеец как-то механически поднял кулак в желтой очень короткой перчатке и опустил на голову мальчишки. Факельщик беззвучно упал, скорчился на кирпичном полу, подтянув к подбородку ободранные коленки.

Я прыгнул и как бы со стороны услышал свист своей рапиры. Удар пришелся по запястью гвардейца. Тот молча открыл рот и, сгибаясь, прижал к животу раненую кисть.

В это время по другому ходу ворвался отряд: ребята лет шестнадцати с тонкими, словно удочки, копьями. Впереди был паренек — смуглый, с

длинными желтыми волосами, в медной кирасе на кожаной куртке.

Он крикнул очень звонко:

— Прочь от машин, солдаты!

Бородатый гвардеец с лиловым шарфом поверх нагрудника неторопливо взял с кирпичного уступа взведенный самострел и нажал спуск. Стальной стержень гулко ударил по кирасе и остался торчать в ней. Паренек стал падать — очень медленно, — и все в тишине смотрели, как он падает. Потом рванулся яростный крик, копьа полетели в гвардейцев. Люди смешались, и тонкие рапиры замелькали в свете фонарей, как большие вязальные спицы.

Нечего было и думать о решетках. Гвардейцы вмиг оттеснили нас к выходу. Мы с Валеркой встали рядом и отчаянно крестили воздух клинками, пока ребята уходили на лестницу и в коридор. Братик держался за нами. Рубашку с него сорвали в схватке, и теперь он, щуплый, тонкорукий, в своей выцветшей маечке, казался особенно маленьким и незащищенным.

— Уходи! — крикнул Валерка.

Братик прикусил губу и помотал головой. Он сжимал Валеркин нож, совершенно бесполезный в таком бою.

Два барабанщика подхватили и унесли мальчишка-факельщика, которого сбил гвардеец.

Я думал, что охрана отгонит нас от механизмов и не будет преследовать. Однако гвардейцы наседали и пытались схватить ребят. У двоих гвардейцев я вышиб клинки, троим основательно поцарапал рожи. Валерка держался рядом, не отходил ни на полшага. Он был молодец. Я видел, как он заставил отступить рослого пузатого гвардейца. Тот откинулся и сбил еще одного.

Тогда вперед протолкался бородатый с шарфом. Он криво улыбался черным открытым ртом и крутил рапирой хитрые финты. Из-за него тупо лез другой — белобрый и прыщеватый. Валерка ткнул прыщеватого в плечо, но клинок скользнул по металлу.

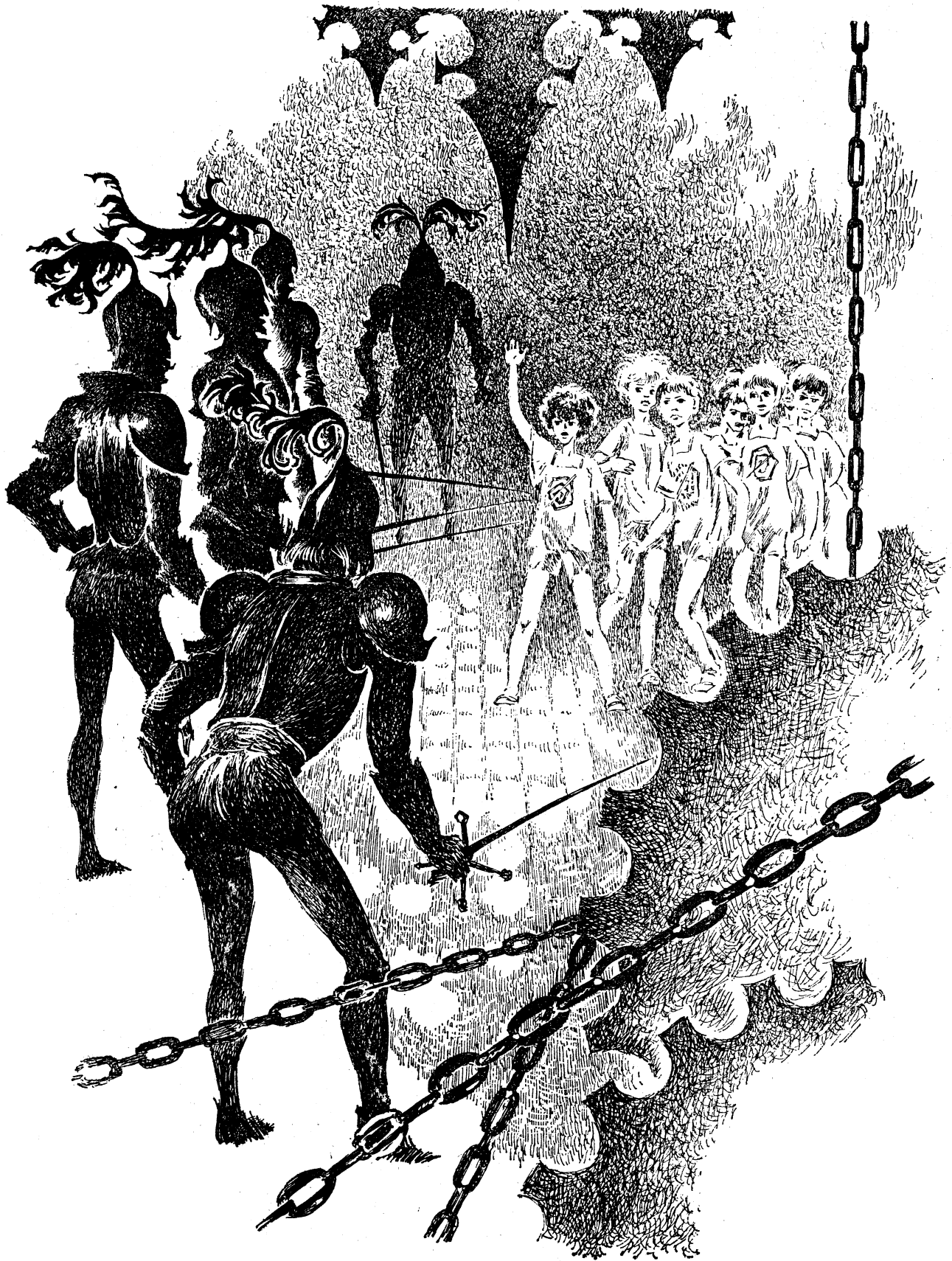
— Отходите! — крикнул я и махнул левой рукой: «Туда, назад!» Неосторожно повернулся — и клинок бородатого чиркнул меня по ребрам.

Боли почти не было, но я сразу ощутил, как намокла рубашка. Прижал к ране левый локоть. Бородатый замахнулся. Ударом снизу я рассек ему на локте рукав. Гвардеец качнулся и отступил.

В этот миг я услышал, что Братик негромко вскрикнул.

Я оглянулся. Братик жалобно улыбался. Под ключицей у него, рядом с перекрученной лялочкой майки, было треугольное черное отверстие. Сначала — черное. Но тут же оно налилось словно ярко-красным соком. Тяжелый шарик крови выкатился из него и побежал под майку, потянув за собой алую полоску. Братик

растерянно посмотрел на Валерку и прислонился к нему. Валерка заплакал и подхватил его на руки, уронив шпагу.

— Сволочи, — сказал он.

Видимо, прошло всего две-три секунды. Когда я повернулся к гвардейцам, они стояли на тех же местах, и бородатый держался за локоть. Я схватил Валеркину шпагу и с двумя клинками рванулся по ступеням. Я что-то кричал от ярости и отчаянья.

Не знаю, может ли быть страшным встре-паный двенадцатилетний мальчишка, даже со шпагами в руках. Но гвардейцы отступили, откатились вниз по лестнице. Я, пятясь, вернулся к Валерке и Братiku. Сердце колотилось сильно, беспорядочно и словно не в груди, а где-то в горле. Я переглатывал и кашлял.

— Уходим, быстро...

Мы оказались в темном коридоре. Нас не преследовали. Мы не стали спускаться по галерее. Валерка с Братиком на руках свернул в незаметную боковую дверь, и мы вышли на виссячий мостик.

Теплый воздух сразу охватил нас. Были сине сумерки: солнце уже село. Из-за крыши торчала половинка розовой чудовищно большой луны. С улицы не доносилось ни звука. Но все это я отметил мельком, между прочим. Одна мысль, одна тревога была сейчас: что с Братиком?

Он висел на руках у Валерки, расслабив руки и ноги. Только голову старался не ронять, прислонил ее к плечу брата. Он по-прежнему слабо улыбался, но глаза его были закрыты.

— Очень больно, Василек? — спросил Валерка и коротко всхлипнул.

Не открывая глаз, Братик сказал.

— Не очень... Только жжет.

Мне показалось, что губы у него сухие, и он их с трудом расклеивает.

Кровь больше не текла. Ее подсохший след на плече казался очень черным.

— Надо... перевязать... — сказал я.

Говорил я отрывисто, в промежутках между прыгающими ударами сердца.

— Здесь негде. Спустимся, — ответил Валерка.

Мы сошли по железным ступеням и оказались у знакомого фонтана с каменными рыбами, рядом с крепостной стеной. Положили Братика на край бассейна. Бассейн был сух, нечем промывать рану.

— Все равно... — сказал я. — Это временная перевязка... Все равно надо врача... В этом идиотском городе есть врачи, или только дураки и убийцы?

— Надо к Мастеру, — откликнулся Валерка. — Звездный Мастер вылечит, он знает все.

Валерка уже справился с собой. Говорил решительно. Оторвал от своей рубашки рукав,

разодрал на полосы, осторожно положил бинт на черный треугольный глазок от укола рапирой.

— Больно, Василек?

Братик разлепил губы:

— Не-а... Только пить...

— Сейчас, сейчас...

Обдирая локти о камень, он подsunул Братiku руки под шею и под колени, поднял его снова. И пошел. А я за ним, с двумя шпагами наизготовку. Я охранял Валерку и Братика. Но не знаю, как бы стал драться, если бы встретил врагов. Меня шатало.

14

Шли мы недолго. Но за это время луна по-светлела, выкатилась на середину неба, и все, как прошлой ночью, стало ярко-голубым.

Башня Звездного Мастера стояла в глубине заросшего двора. Высоко-высоко светилось окошко, и так же высоко была дверь. К ней вели каменные ступени.

Валерка совсем вымотался и у подножья лестницы молча прислонился к стене.

— Давай, — сказал я и бросил в траву клинки.

Валерка не мог даже спорить. Молча передал мне Братика.

Братик спал или был без сознания. Он оказался очень тяжелым. Я ступал осторожно. Лестница была старой: на ступенях были вытерты ногами глубокие круглые впадины.

...Потом как бы качнулась навстречу освещенная комната. Высокий человек в каком-то нелепом свитере до колен подхватил, у меня Братика. Это был старый человек: с редкими седыми прядями, дряблыми щеками и жалостливым взглядом.

— Маленький мой... — сказал он.

Сзади зазвенело: Валерка бросил на пол наши шпаги.

Мы положили Братика на широкую постель, в беспорядке заваленную пестрыми одеялами. Мастер, сокрушенно бормоча, размотал повязку. Потом он кривыми ножницами перестриг лямки у майки, стянул ее вниз. Не открывая глаз, Братик негромко застонал.

— Полминутки потерпи, малыш, — прошептал Мастер.

Я увидел у него в ладонях мясистый лист какого-то растения. Мастер ногтями содрал с листа кожу, и заискрилась жидкая изумрудная мякоть. Этой мякотью Мастер положил лист на запекшуюся ранку. Затем, не бинтуя Братика, укрыл его по самый подбородок одеялом. Но прежде, чем он сделал это, я заметил на другом, нераненном плече Братика натертую

полоску. И понял: от перевязи барабана... Барабаны были слишком тяжелы, а ребята-барабанщики все же носили их. Тянули свою лямку маленьких солдат. Солдат, которые дрались против войны.

Я услышал укоризненный голос Мастера:

— Разве мальчики могут изменить предначертанное будущее?..

Ну, конечно! Мальчики ничего не могут! Они тянут свою лямку, пока взрослые делают глупости! Лишь падать и умирать они могут, как большие... И не только в сказке...

Я увидел умоляющие Валеркины глаза.

— Он поправится? — прошептал Валерка.

— К утру, — ласково сказал Мастер. — Если не будет воспаления. Но отчего ему быть? Воспаление бывает у старых и нездоровых людей...

— Он просил пить, — вспомнил я.

— Теперь и так хорошо, — успокоил Мастер.

Братик дышал легко, лицо его порозовело. Валерка сидел на краю постели, положив на колени кулаки. Глядя в стенку, он сказал:

— Все равно я найду того прыщавого...

— Разве это он ранил? — спросил я.

— Конечно. Ты не видел?

Я не видел. Я тогда... Что я тогда? Ага, я зажимал локтем раненый бок... Черт, я и забыл о ране! Саднящая боль была все время, но я привык и не думал о ней. А, вот в чем дело: ткань присохла и остановила кровь...

— Посмотрите у меня, — сказал я Мастеру.

...Ух, как больно отдирается рубашка. Ничего, Братiku было больнее. А вот и лист... Мокрый, прохладный. Влажный холод словно втягивает в себя боль, растворяет ее. Вот уже совсем хорошо. Даже усталость поубавилась.

Значит, и Братiku так же хорошо...

Я сел на низкий треугольный табурет, привалился спиной к холодной стене. Осмотрелся, наконец.

Высокая комната, яркие свечи в настенных светильниках. Стены голые, из песчаника (как та стена с фонариками!), под потолком — скелет крылатого ящера. Неструганный стол, на нем приборы, похожие на старинные штурманские инструменты, которые я видел в музее.

Мастер сдвинул инструменты на край, принес на стол горшок и глиняные кружки.

— Поешьте, рыцари, — сказал он. Слово «рыцари» прозвучало с грустной насмешкой.

В кружках был сладкий молочный кисель, он пах степной травой.

Мастер смотрел на нас голубыми слезящими глазами. Только сейчас я понял, что он очень-очень старый. У него были тонкие коричневые пальцы с узловатыми суставами, сухая кожа на руках. Пальцы слегка дрожали.

— Когда кончатся эти багровые времена? — горько сказал Мастер. — Когда Великий Канцлер перестанет печалиться о страдающих детях?

Я не смог сдержать раздражения:

— Если он такой добрый, этот ваш Канцлер, зачем он позволяет литься крови?

— Он не добрый и не злой, — сказал Мастер. — Он неизбежный. Как и все в этом мире.

— Ну, неужели все-все у вас расписано наперед? Легенда о Большом Мастере — это правда?

Мастер кивнул:

— Все правда. Он проник сквозь Время и составил Книги... Не знаю, может быть, это была ошибка. Зачем каждому человеку заранее знать свою судьбу?

— Каждому? — не поверил я. — Но разве можно описать судьбу всех людей за несколько веков? С этим не справится и тысяча ученых.

— Ему помогал Белый Кристалл, — грустно сказал Мастер. — Большой Белый Кристалл, который все знал и все помнил. Он таял, пока писались книги. А когда был закончен великий труд, Кристалл рассыпался в пыль.

Мы говорили, а Валерка смотрел то на меня, то на Мастера тревожными глазами. Наконец он спросил:

— Но разве каждый человек знает свое будущее?

— Если хочет. И если он взрослый. Взрослые получают у Канцлера знак совершеннолетия. В нем записано все. Не всякий только может прочитать, но Мастер, если попросят, может. В каждом знаке — пыль Белого Кристалла.

Я увидел, как Валерка побледнел. Он медленно встал и, оглядываясь на Мастера, пошел к Братiku. «Не надо», — хотел сказать я, но почему-то не смог. Валерка откинул на Братике одеяло, осторожно сунул пальцы в карман его сбившихся штанишек. Еще раз оглянулся и вытянул на свет медальон.

Коричневый орех закачался на белом шнурке.

— Э тот? — шепотом спросил Валерка.

Старик потянул к медальону дрожащие пальцы.

«Не надо», — снова хотел сказать я. Но неизвестность была бы слишком мучительна. Вдруг тайные знаки говорят о чем-то страшном?

Да нет, чепуха! Братик — маленький. Он будет жить долго-долго. Сейчас Мастер прочитает и скажет, что все хорошо...

Мастер надавил орех ногтем, и тот раскрылся, как старинные часы. Я мельком увидел внутри что-то черное и в этом черном блестящие красные точки — словно вмазанные в смолу рубинчики от часов (странно: ведь Кристалл-то белый). Мастер, морща лоб, долго смотрел на них, а мы не дышали. Потом он, пряча глаза, положил на раскрытый медальон пальцы — как слепой, читающий на ощупь. Еще посидел и негромко сказал...

Что он сказал?!

Он прошептал, глядя в сторону:

— Бедный ты мой...

— Что?! — крикнул я.

Мастер мелко затряс головой, а орех упал на пол, захлопнулся и укатился под стол.

— Там сказано, что убит сегодня, — однотонным голосом сообщил старик.

— Какая чушь! — со смехом сказал я. И оборвал смех под Валеркиным взглядом.

Валерка попятился к постели, словно хотел загородить Братика от беды.

— Он же не убит, — сказал Валерка. — Он просто спит. Вы что!

— «Сегодня» еще не кончилось, — горько возразил Мастер. Он, сугулясь, подошел к Братiku, приподнял на его плече влажный лист. Даже издали, от стола, я увидел, что вокруг ранки растеклась большая розовая опухоль.

Мастер осторожно положил лист.

— Черное воспаление, — пробормотал он. — Через час начнется горячка.

Он сел, нагнул голову, обхватил затылок. Я чувствовал отвратительную слабость и не мог даже встать с табурета. Я только спросил:

— Неужели нельзя ничего сделать?

Мастер молча покачал головой.

Валерка сник и потемнел лицом. Он поверил. А я? Я тоже поверил. Здесь были свои законы.

Здесь...

— Переход! — вспомнил я. — Валерка, переход! Уйдем к нам! У нас такие врачи!

— Переход бывает в полночь, — тихо сказал Валерка. — А до полуночи он...

А до полуночи Братик умрет! Сегодня! Скоро...

Мне показалось, что он уже умер. Я рванул-ся к постели. Нет, он дышал, и довольно спокойно, только опять побледнел, и на губах появилась белая корочка.

— Сделайте же что-нибудь... — шепотом сказал Валерка.

— Сделайте же что-нибудь! — заорал я на Мастера. — Нельзя же так! Из-за какого-то ореха!!

У Мастера опять затряслась голова.

— Не из-за ореха... Из-за предначертания...

— Из-за предр... прен... Тьфу! Какого дьявола? Слушайте. Не может этого быть!

Мастер, не мигая, смотрел слезящимися глазами.

— Может... Есть...

— Что есть?! Про себя вы тоже знаете, когда помрете?!

Он продолжал трясать головой.

— Через четыре года и три дня... Скорее всего, в День большого наводнения. Океан прорвет дамбы.

— А вы знаете, что прорвет, и ждете, как

кролики! Надо чинить дамбы, а не резню устраивать!

— Резня... Такое время. Даже Канцлер бес-силен...

— Гад ваш Канцлер, — сказал я. — А вы...

Я начал его ненавидеть. За дурацкую упря-мую покорность, за беспомощность, за то, что не может помочь Братику... За то, что стены в его комнате из такого же камня, как Стена!

— Вы врете! — сказал я. — Вы не понимаете! А если до наводнения вы свалитесь с лестницы? Или подавитесь косточкой от сливы? Или этот дурацкий скелет грохнется вниз и пробьет вам голову? Тогда к чертям полетят все предска-зания! Тогда все посыплется, как домик из спичек!

Он покорно кивнул:

— Посыпалось бы... Но не посыплется. По-тому что никто не может разбить предначертан-ие. То, что должно случиться, уже случилось в будущем, и никто не в силах это изменить.

Братик сзади чуть слышно забормотал. Я оглянулся. Валерка лежал головой на ногах у Братика, а в руке держал его ладошку. Я не мог смотреть на это, опустил глаза. На полу, у постели, валялась моя рапира.

Я медленно повернулся к Мастеру.

— Никто не может изменить пред... начер-танье, — хрипловато повторил я. — Да? А если...

Он понял. Он выпрямился. На щетинистом подбородке у него блестела капля молочного ки-селя. И все-таки он был не противный, а даже красивый, только совсем древний.

— Сделай это, Светлый Рыцарь, — негромко сказал он. — Я пробовал сам, я не сумел... Убей, если можешь.

Я не мог. Но теперь я отчетливо знал, как поступить.

— Валерка! — громко позвал я.

Он поднял мокрое лицо.

— Ничего, — сказал я. — Ты не думай, что все... Ты же звал меня не зря. До полуночи есть время. — И поднял рапиру.

Он смотрел на меня с надеждой. Ни до это-го, ни после я не видел глаз, в которых была бы такая отчаянная надежда.

15

Я шел по пустым голубым улицам и неот-рывно смотрел на самую большую башню. Там, высоко над крышами, светилось оранжевое квадратное окно — недремлющее око Отца и За-щитника Города и всех степей и гор до самого океана.

«Защитник»... А кто защитил Братика? И того мальчишку-факельщика, сбитого кулаком солдафона? И того паренька, убитого железной стрелой?

Где ты был, Га Ихигнор Тас-Ута, Великий Канцлер, когда шесть барабанщиков легли у Стены? За что они погибли? Кто этого хотел?

Я ничем не могу помочь тем шестерым. Не могу их вернуть, тут бессильна любая сказка. Только фонарики горят... То слабее, то ярче... Фонарики...

Не знал я этих ребят, но мне кажется почему-то, что все они были похожи на Володьку. На моего Володьку, который сейчас далеко-далеко от меня — за сотни лет и неизвестно за сколько километров. Может быть, и не были похожи, но мне кажется... как он сползает по стене и валится вниз лицом... Или это Братик?.. Фонарики...

Не хочу, чтобы горел еще один!

Не хочу!!!

...Думаете, я стискивал кулаки или плакал? Нет, я спокойно шел через площади и мосты. По крайней мере, внешне был спокойным. Все отчаянье и тоска, весь страх за Братика свернулись во мне в тугую пружину и превратились в решимость.

У входа в башню Канцлера чадил факелы и толпились гвардейцы. Видимо, я держался вполне уверенно — они посмотрели вслед и даже не окликнули, когда я вошел внутрь.

Я оказался в мраморном вестибюле. Здесь тоже были гвардейцы, а у лестницы стоял офицер с лиловой перевязью.

— Великий Канцлер ожидает меня, — решительно сказал я.

Офицер удивленно поднял брови и посторонился.

Может быть, эти гвардейцы ничего не знали про меня, а может быть, знали, но думали, что я не опасен для Канцлера. В самом деле: что такое забияка-мальчишка для могучего правителя, которому суждено жить до Эры Второго Рассвета?

Я стал подниматься по светлой лестнице, звеня рапирой о ступени.

«Светлый Рыцарь... Мастер клинка», — запоздало заговорили сзади. Но никто не пошел следом.

Лестница была очень длинной. Наконец она привела меня к высокой двери из простых темных досок. Я потянул медную скобу. Дверь отошла бесшумно, я шагнул через порог и прикрыл ее за собой.

В просторной комнате горела, как звездочка, лишь одна свеча, но было светло: в окна падали яркие голубые лучи. Окна были узкие и высокие. Видимо, квадратное окно находилось выше и светило просто так.

В глубине комнаты качнулась тяжелая портьера, и вышел на свет высокий костлявый человек. Он был в черном костюме (как у Валерки в первый день, только без налокотников). Я разглядел его лицо: очень узкое, с плотными губа-

ми и хрящеватым носом. Гладкие короткие волосы плотно прижимались к голове. Они были седые или выглядели такими из-за луны. Бровей почти не было, а круглые глаза напоминали глаза птицы.

Я вздрогнул, но обрадовался. Ведь враг мог бы оказаться вполне симпатичным и добродушным на вид. Все тогда было бы труднее.

Но этот был таким, как я ожидал.

— Вы — Канцлер? — спросил я.

Он не возмутился и не удивился. Улыбнулся. Странно выглядит лицо, которое старается казаться добрым, хотя не приспособлено к этому.

— Да, я Канцлер. — Голос у него был сипловатый, но громкий. — А вы — Светлый Рыцарь, друг нашего славного Трубача...

Знает! Тем лучше.

Я переглотнул и спросил:

— У вас есть шпага?

Глупый был вопрос. На стенах в лунном свете блесло множество разных клинков.

Канцлер, все улыбаясь, спросил:

— Мастеру клинка понадобилось новое оружие? После того, как он потренился в схватках стольких доблестных гвардейцев...

— Оно понадобилось вам, — перебил я. — Возьмите шпагу, Канцлер.

— Зачем? — весело удивился он.

— Чтобы защищаться... Я вас убью.

Что-то дрогнуло у него в лице. Но улыбка не сошла. Он качнулся вперед, словно стараясь разглядеть меня получше. И, увидев, что я не шучу, снисходительно объяснил:

— Меня нельзя убить. В Книгах сказано, что...

— Плевал я на ваши книги! Они меня не касаются, я не ваш!

Он опять качнулся вперед. Перестал улыбаться и скрестил руки.

— Да... — произнес он. — Книги говорят и об этом... К сожалению, старый язык тяжел и не всегда ясен. Мы не поняли, нам казалось, что ты объявишься среди барабанщиков...

— Вот как... — тихо сказал я. — И поэтому была Стена?

Он отшатнулся.

— Опомнись, Рыцарь... — это прозвучало вроде бы искренне. Но в глазах его скользнула боязнь, и теперь я знал точно: лжет Канцлер.

— Возьмите шпагу, — почти шепотом произнес я. — Возьмите шпагу или... как там у вас?.. Клянусь Огнем, я вас убью безоружного.

— Убить того, кто не защищается, — невелика честь.

— Те шестеро... — сбивчиво сказал я, — у Стены... Они защищались?

— Опомнись... — опять начал он, но вдруг замолчал, нехотя шагнул к прорезу и снял

блестящий тонкий палаш. Сбросил на пол куртку.

— Я — лучший фехтовальщик в Городе, — сказал он без хвастовства и даже как-то грустно.

— И прекрасно.

Он чиркнул по воздуху и срубил несколько кистей у портьеры. Кисти мягко стукнули об пол.

— Прямо кино, — сказал я.

— Не понимаю...

— Естественно.

— Сколько вам лет, Рыцарь?

— Двенадцать.

— Это неправда.

— Правда. Мне всегда было и будет двенадцать.

— Было... Но не будет, если ты сейчас не уйдешь, — возразил он с неожиданной злобой.

— Я не уйду. Может, начнем? Мне некогда. У меня из-за вас... умирает братик.

Я впервые так сказал — «братик». Не с большой буквы, а как о собственном братишке. Мгновенная режущая тоска ударила по сердцу. Чего я жду?

И я напал на Канцлера.

Он дрался здорово! Куда там его увальням-гвардейцам! К тому же он был просто здоровее, сильнее меня в десять раз. А у меня сразу отклеился от раны лечебный лист, и по боку опять потекло. Ну, черт с ним! Лишь бы не помешали.

Да, Канцлер здорово дрался. Сперва я даже подумал, что все, крышка. Но он давил меня лишь за счет быстроты и силы. Техника его была бедновата, и, наконец, в контратаке я здорово поранил ему правую руку.

— Что насчет этого говорят Книги? — спросил я, стараясь отдышаться.

Он быстро переложил клинок в левую руку. Я тоже — мне было все равно.

— Меня можно только ранить, — свистящим голосом сказал Канцлер. — Только ранить. Понял?

Он как-то сразу и сильно устал. Я тоже, но он больше. Я прижал его к стене напротив окна. Он стоял на свету — сутулый, с полуопущенным палашом и шумно дышал открытым ртом.

Я не мог убить его, он был беспомощен. В схватке, сгоряча — другое дело. А сейчас...

А братик? Я вспомнил его спекшиеся губы. И отчаянный взгляд Валерки... И опять — фонарики у стены. Такие спокойные, будто просто так горят...

— Зачем тебе убивать меня? — спросил Канцлер.

— Чтобы разрушить ваше подлое «предна-
чертанное будущее»... Чтобы братик мой жил!

— Разве я виноват? Не я писал Книги!

— Ты не писал! Ты только учишь жить по ним! Пускай люди режут друг друга! Пускай мальчишек убивают, как кроликов! Жестяной

фонарик — не велик расход для казны! Да, Канцлер?

Он, не отрывая от меня взгляда, медленно скользил вдоль стены — к двери. К спасительной двери!

Я прыгнул и загородил выход.

Он спиной оттолкнулся от стены.

— Ты глупец, — медленно сказал он. — Один мальчишка не может изменить мир.

— Это ты дурак, — сказал я. — Разве я один? Я один из многих. Знаешь, сколько дралось сегодня в Цепной башне? Тебя скоро все равно прихлопнули бы, Канцлер! Просто мне надо успеть до полуночи.

— Твой брат все равно умрет.

— Врешь!!

— Не вру!!

Зря он это. Себе сделал хуже. Я сжал руки.

Канцлер впился в меня круглыми глазами.

На миг я словно поменялся с ним местами. Я ощутил то, что чувствовал он. В нем выростал отчаянный страх. Потому что творилось непостижимое: из чужого мира пришел неведомый враг и грозил разрушить все, что казалось таким ясным, известным заранее. Вопреки всем законам, враг грозил ему, Канцлеру, смертью!

Стереть, уничтожить этого врага! Чтобы все опять стало прочным, покорным предсказаниям Белого Кристалла! Убить, не медля ни мгновенья!

Я понял, что сейчас Канцлер кинется на меня. И в тот же миг он с нацеленным палахом в отчаянном броске пересек комнату.

Я не успел защититься. Лишь откинулся в сторону и назад. Плоское лезвие прошло у моей груди и вдоль отброшенной правой руки. Левую кисть с рукоятью рапиры я держал на уровне пояса. Острие было поднято. Канцлер так и наделся на него — рапира вошла ему под ребра и выскочила между лопаток.

Я опустил рукоять и отпрянул. Канцлер выпрямился, слегка выгнулся назад и посмотрел мимо меня удивительно спокойными глазами. Он не выпустил оружия. Он прочно сжимал эфес, а отточенный конец палаша смотрел вперёд и шевелился, словно отыскивая цель.

Страх, что я безоружен перед Канцлером, сбил у меня все мысли и чувства. Я ухватился за свою рапиру двумя руками и отчаянно рванул на себя. Отлетел с нею к дверям.

Канцлер постоял секунду и, не согнув коленей, с деревянным стуком упал вниз лицом.

Видимо, он умер сразу. Скорее всего, раньше, чем упал. Но тогда я этого не понял. Я стоял и смотрел на Канцлера и видел его худую спину, покрытую широкой лунной полосой — эта полоса протянулась от окна. На белой рубашке Канцлера было маленькое рваное отверстие с загнутыми вверх клочками ткани по краям. Вокруг

набухало на полотне темное пятно, однако отверстие выделялось четко...

Мне было жутко до тошноты. Какая-то каша отчаянных мыслей и страхов. Но самый главный страх — такой: вдруг Канцлер зашевелится? Что же тогда делать? Для последнего удара не поднялась бы рука. А уйти, не убедившись, что противник убит, я не мог. И взять за руку или повернуть вверх лицом тоже не мог, не решался.

Не знаю, сколько времени я так стоял. Потом пришло ясное ощущение, что лежащая на полу фигура не имеет ничего общего с жизнью.

Я с облегчением вздохнул и отодвинулся к окну. Морщась, вытер портверой клинок. Затем, далеко обойдя Канцлера, подошел к двери.

Я готов был с боем пробиваться на свободу, но лестница оказалась пуста. Только внизу, у выхода, стояли два часовых и незнакомый офицер. Он молча коснулся перчаткой шляпы.

Мне показалось, что на улице стоит ласковое тепло: словно луна грела, как солнце. И я опять ощутил запах шелковистой степной травы. Кружилась голова, сильно болел бок, и ноги были слабые. Но я испытывал огромное облегчение.

Теперь все. Все!

Может быть, случатся еще битвы и кровь, наводнения и пожары, но братик мой будет жить. Я порвал проклятую цепь...

Я брел и улыбался. Недалеко от фонтана с каменными рыбами до меня донесся перезвон Главных часов. Полночь.

— Все... — снова сказал я.

И тут же страшная и простая мысль словно пригвоздила меня к месту: «А если он все-таки умер?»

Как я бежал! Шарахались редкие прохожие, обалдело посмотрел вслед гвардейский патруль.

«А если он все-таки умер! Ведь он мог умереть не из-за предсказания, а просто от раны!»

Всхлипывая и задыхаясь, я ворвался в комнату. И сразу увидел изумленно-счастливые Валеркины глаза.

...Потом уже я увидел все остальное: что Братик дышит ровно и нет на его губах белой плесени; что Мастер безмерно удивлен и суетлив (он возился с компрессом); что медальон раздавлен на полу — видимо, на него случайно наступили.

Но сначала — Валеркины глаза. И этого было достаточно.

Чтобы удержать слезы, я прикусил губы, а потом грубовато сказал:

— Залепите мне рану! Мастер.

Он закивал и, продолжая счастливо суетиться, встал на табурет, потянулся к полке. Табурет качнулся.

— Не упадите, Мастер, — сказал я. — Будьте осторожны. Всегда будьте осторожны... — Я понимал, что говорю не то, но не мог остановиться, иначе бы заплакал. — Не думайте, Мастер, что с вами ничего не может случиться до большого наводнения. Не очень верьте Книгам Белого Кристалла. А то Канцлер верил, и вот...

Сильно закружилась голова, и я уронил рапиру. Острые легло к моим ногам, а рукоять с выпуклым щитком покатила по дуге, словно рапира хотела замкнуть меня в окружность, где радиус — клинок. Я торопливо переступил эту черту...

Постель у Мастера была одна, и меня положили рядом с Братиком, с того бока, где здоровое плечо. Я слышал, как он дышит. Валерка сидел у нас в ногах и молчал.

Мастер погасил свечи и лег на узкой скамье у двери.

Еще помню, что в окно заглянула луна, и я, наконец, увидел, что это обычная земная Луна со знакомыми пятнами равнин и гор.

16

Я проспал почти до полудня. Когда проснулся, солнце горело на стеклах и медных дугах у развешанных по стенам инструментов. Братик, скрестив ноги, сидел на столе и большой иглой чинил свою майку, пострадавшую от ножниц Мастера. Он сразу встретился со мной глазами и улыбнулся. На его плече белел наклеенный кусочек ткани.

— Болит плечо, Василек? — спросил я.

— Не-а... Только палец болит истыканный.

Он неумело откусил нитку и объяснил:

— Я давно шью. Я тебе рубашку зашил.

Рубашка, отмытая от крови и заштопанная крупными стежками, лежала на табурете.

Я скосил глаза на свой голый бок. Там был заросший розовый рубец, похожий на вытянутую букву S. Ай да Мастер!

Братик стал натягивать майку и поморщился: видимо, плечо все-таки побаливало. Потом он прыгнул со стола, подошел, сел на краешек постели. Осторожно тронул мой шрам. Глянул тревожно, шепотом спросил:

— Страшно было?

Недавняя ночь придвинулась вплотную.

— Страшно, — сказал я. — Но теперь уже все.

— Уже все, — серьезно согласился он.

Я тряхнул головой, прогоняя воспоминание. Потянулся и сел. Ни усталости, ни боли! Мышцы — как тугие струны!

— Где Валерка? Где Мастер?

— Валерка в Городе, — беззаботно откликнулся Братик. — Мастер внизу, у очага, варит

овсянку. — Он вдруг смешно сморщил нос и признался: — Я ее не люблю.

— Валерка в Городе? — с беспокойством переспросил я.

— Да ничего, — успокоил Братик. — Он теперь тоже Мастер клинка.

Но я уже был на ногах и глазами искал рапиру.

В это время Валерка ворвался в дверь. Он был злой и очень веселый. Зазвенела в углу брошенная им шпага.

— Гвардейцы заперлись в башне и голосят по Канцлеру, как древние плакальщицы, — сообщил он. — Но того прыщавого я нашел! — Он встретил мой взгляд и торопливо объяснил: — Да нет, я просто заставил его прыгнуть со стены в старое болото, а там — как знает. Хотя стена высокая, а внизу трясина...

Я не улыбнулся. «Гвардейцы голосят...» Я как наяву увидел распластанное на полу тело, продранную на спине рубашку. Ни о чем я не жалел, и совесть меня не мучила. Просто стало не по себе.

У Валерки сошла улыбка и потемнели глаза. Он вдруг подошел вплотную, положил мне на плечо ладонь. Лбом коснулся моего лба.

— Прости, — сказал он тихонько. — Я обалдел от радости. Я дурак такой... Сколько миллионов раз я должен сказать тебе спасибо...

— Да ладно... — совершенно растерявшись, пробормотал я. — Ну, ты чего... Лучше расскажи, что в Городе.

Он отодвинулся, помолчал, потом сразу повеселел и ответил с облегчением:

— В Городе кавардак. Большой Зверь объявил себя верховным правителем. Предводители оружейников обозвали его самозванцем. Поднялся крик, начальники хотели устраивать сражение. Но многие люди сказали: «Канцлера нет, значит, Книги лгут. Деритесь сами». Больше сотни человек побросали у Главных часов копьё и самострелы....

Через час мы попрощались с Мастером и вышли на лестницу. Недавно прошел крупный дождь, а сейчас опять было солнечно. В выемках истертых ступеней блестели лужицы. Мы побежали по ним вниз, и теплые капли забрызгали нам ноги.

Мы пересекли площадь с фонтаном. В сухом бассейне валялись длинные пики и несколько зазубренных палашей.

— Бросаем? — сказал Валерка.

— А не рано?

— Бросайте, — сказал Братик. Сказал так уверенно, что мы сразу послушались. Наши клинки зазвенели о камень.

Мы в знакомом месте перебрались через стену. Сразу обняло нас море голубоватой травы.

Над ней струился солнечный воздух. Трещали кузнечики.

— Мы уйдем к рыбакам, — сказал неожиданно Братик. — Теперь можно...

— А Мастер? — спросил Валерка.

— Мы будем его навещать.

Валерка кивнул.

— Люди починят дамбы, отстроят пристани и корабли. Вы станете моряками, — сказал я.

— Да, — согласился ясноглазый мой братик.

Некоторое время мы шли просто так, ни о чем не говорили. Мы держались за руки.

У Василька на раненом плече сидел крупный голубой кузнечик. Он совсем по-человечьи поглядывал на нас крошечными черными глазами.

— Кто такой Володька? — спросил Братик.

Я вздрогнул.

— Ты ночью звал его, — объяснил Братик. — Он кто?

— Просто мальчик. Вроде тебя.

И тут я увидел, что мы идем прямо к одинокой старой башне. Я оглянулся. Город белел у горизонта. А башня была рядом.

— Что? Уже? — с печалью спросил я у Валерки.

Он слегка улыбнулся:

— Нет еще, нет...

Мы поднялись на балкон, но не стали входить в дверь, а по ржавым скобам забрались на самый верх башни. Это была круглая площадка. За много лет ветер нанес сюда землю, и теперь здесь росла трава. Не такая, как в степи, а невысокая, с мелкими желтыми цветами.

— Полежим, — сказал Валерка.

Мы легли на животы и стали смотреть в проем между зубцами.

— Там океан, — сказал мне Братик.

Я разглядел у горизонта темную полосу. В это время пришел ветер и принес запах моря.

Я перевернулся на спину. Валерка и Братик тоже. Я лежал между ними и держал их за руки.

Небо над нами было очень синим, резким, и я закрыл глаза. И почувствовал, что в руках моих ничего нет, а под лопатками доски.

Он, фыркая, выбрался на плотик, а я показал ему язык и вскинул руки, чтобы прыгнуть и скользнуть вдоль воды.

— Ой... — сказал Володька.

Он мокрым пальцем коснулся моих ребер.

— Это у тебя откуда?

На коже у меня был заросший рубец в виде вытянутой буквы S...

Я закрыл глаза и постоял несколько секунд, заново переживая все, что было... Или не было?.. Потом посмотрел опять. Шрам оказался на месте. Он даже болел чуть-чуть, хотя выглядел старым.

— Это давно, Володька, — тихо произнес я. — Это когда мне было двенадцать лет.

— Что ты морочишь голову? — жалобно сказал он. — Мы позавчера купались, и у тебя ничего не было.

— Это случилось, когда мне было двенадцать лет, — повторил я. И от мгновенного толчка радости рассмеялся совсем как мальчишка. Я прыгнул, уплыл на глубину и долго плавал в зеленоватой толще воды. Потом вернулся к Володьке.

Он сидел, обхватив колени, и вопросительно смотрел на меня янтарными своими глазами. О шраме он больше не спрашивал. Заговорил про другое:

— Куда ты уходил?

Я сел рядом на теплые доски.

— Уходил? Когда?

— Ну, недавно, пока я был на острове? Целых два часа гулял где-то и ничего не сказал.

Я молча смотрел на Володьку.

Он обиженно заморгал. Это было уже всерьез.

— Ну что ты... — сказал я. — Ну, уходил. Было одно срочное дело. Я расскажу.

Он кивнул, дотянулся до валявшейся обгорелой спички, начал тонким угольком царапать доски. Затем, поглядывая исподлобья, спросил:

— А меня возьмешь?

— Куда?

— Туда... Если опять будет срочное дело.

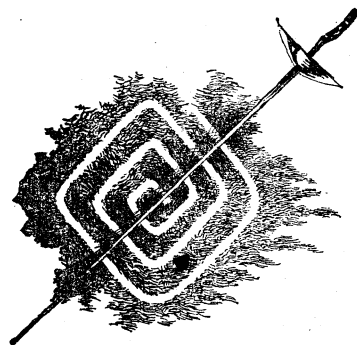
Я вздрогнул: Володька рисовал на доске угловатую спираль. Потом он вздохнул, улыбнулся и разрубил ее решительной чертой.

17

Я лежал на плотике. Ко мне шумно плыл от острова Володька. Он явно был намерен опять окатить меня брызгами.

Я дружинисто вскочил. Я все сразу понял, но не чувствовал ни горечи, ни печали. Валерка и Братик словно по-прежнему были со мной. Я снова стал большим, но мальчишечья легкость и упругость звенели во мне.

— Без диверсий, — весело сказал я Володьке.

Ледник... на Байкале

См. 2-ю стр. обложки.

**Валентин
БРЯНСКИЙ**

Мы сфотографировались на фоне ледника, и ни у кого из восьмерых не было и в мыслях, что эти снимки станут единственным свидетелем уникального явления на берегу Байкала.

Потом, в Иркутске, собирая материалы о первовосходителях на гору Черского, я начал понимать, что о моем леднике, кажется, никому ничего не известно (включая ученых), что он никем не описан. Недоумение вызвала заметка сотрудника этнографического музея А. Тиваненко, опубликованная в областной газете «Восточно-Сибирская правда»: «...Ледники, известные на Мунку-Сардыке и на прилегающей группе гольцов,— это единственные свидетели великого оледенения прошлого, оставшиеся в Сибири».

Библиограф А. Н. Гранина отправляет меня к работнику Байкальского Лимнологического института, кандидату наук Евгению Алексеевичу Корякову. В первом письме он написал: «О леднике горы Черского, кажется, никто никогда не сообщал. Напишите о своем открытии в журнал...» Мы стали переписываться. Еще через месяц он сообщил: «Я уверен, что вы, обнаружив ледник горы Черского, сделали географическое открытие».

Я скептически отнесся к этому сообщению: ведь еще до штурма горы мы знали, что ежегодно район посещают туристы. Неужели никто не заметил ледник?

В 1973 году гору Черского пытался штурмовать со своей группой кандидат наук и мастер спорта Михаил Тараканов. Перевалив из долины Куркулы к Ирели, в поисках наиболее простого пути на вершину, он обошел кругом горы, и оказался таким образом рядом с ледником. Но никто из этой группы спорт-

сменов не увидел ледника.

Неужели ледник все эти годы искусно «прятался» от людей?

Не внесли ясности и книги. Так, в «Очерках по геологии Сибири» В. А. Обручева (издательство Академии наук СССР, Ленинград, 1932 г.) нет упоминаний о современном оледенении.

Поиск привел меня к Леониду Александровичу Пластинину, доценту кафедры геодезии Иркутского университета. Он как раз заканчивал отчет по кодарским ледникам. Работа была связана со строительством БАМа. А тему его кандидатской диссертации можно было бы назвать так: аэрофотосъемка гляциологических объектов Сибири. Ему ничего не было известно об этом леднике. Увидев фотографии, он сказал, что налицо все характерные признаки ледника: огивы (слои роста), борозды стока воды, морены. Несколько смущало его лишь отсутствие концевой, отложенной морены. Леонид Александрович осторожно сказал, что он более чем на пятьдесят процентов уверен, что это ледник. Окончательное мнение он может сказать, лишь ознакомившись с материалами аэрофотосъемки. В конце марта он позвонил: сомнений нет, это ледник, давайте писать публикацию в специальное издание.

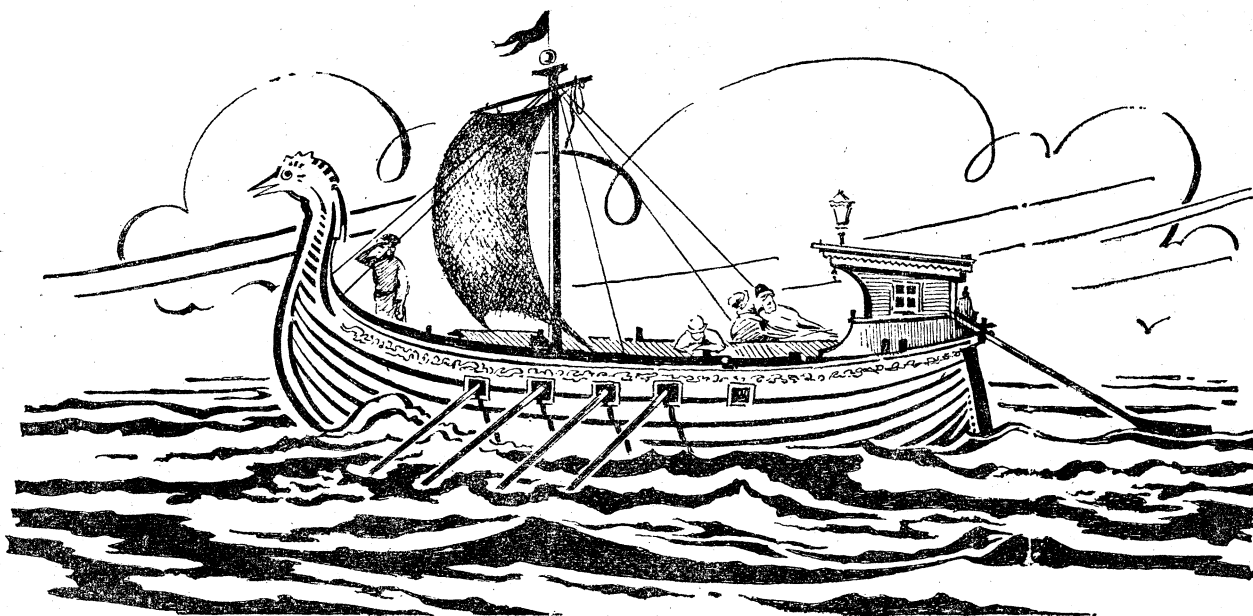
Не засомневался, взглянув на снимки, крупный специалист в области сибирской гляциологии, доктор географических наук, заведующий отделом геоморфологии института географии Сибирского отделения Академии наук СССР Лев Николаевич Ивановский: «Это несомненно ледник, и первый в Байкальском хребте. Об этом никаких сведений не было, я постоянно слежу за этим. Нужна публикация».

Новосибирский инженер Валентин Брянский сделал вместе со своими товарищами-альпинистами небольшое географическое открытие — обнаружил в Забайкалье ледник! Действительно, Валентин сделал открытие, потому что ледник не был известен ученым и систематически его никто не изучал. Валентин докладывал о леднике на заседании отдела Географического общества СССР в Лимнологическом институте. А дальше события делают неожиданный поворот. Сам же Валентин как бы отнял у себя звание первооткрывателя. В поиске в научной литературе любых сведений о леднике он вдруг наталкивается на ведомственный отчет геолога Альберта Дзинкаса, который, оказывается, еще пятнадцать лет назад дал описание ледника... Обидно? «Все это не меняет дела, — написал в редакцию «Уральского следопыта» доктор географических наук, член секции гляциологии Академии наук СССР А. Н. Ивановский, — обнаруженный Валентином Брянским ледник достоин быть внесенным в «Каталог ледников СССР». Точно так же отреагировал на отчет геолога А. Дзинкаса и Валентин Брянский: «Пусть мне не повезло открыть ледник первому, но без сомнения, что он до сих пор не был известен науке и еще несколько лет сведения о нем таились бы в геологическом отчете, лежащем на архивной полке. Не столь важно, кто открыл, важно, что ледник станет источником новых знаний». Добавим: а еще важнее то, что Валентин Брянский и его товарищи-альпинисты не побоялись сделать открытие там, где, кажется, все давным-давно открыто. По случаю напомним простую истину: да нет же, далеко не все на белом свете открыто, и вновь будут первооткрывателями люди, которые умеют освободиться от гнетущего ощущения полной загаданности мира. Мир загадочен от звезд до молекул — будьте первооткрывателями!

ЕРМАКОВЫЕ СТРУГИ

**Владимир
ТАРАСОВ**

*Рисунки
автора*

Если случается водное путешествие, то непременно стараюсь я попасть на грузовые суда. Плыть, конечно, не так комфортабельно, как на пассажирских экспрессах. Зато на трудяге-грузовозе чувствуешь себя, как в хорошем доме, где живет работающая и дружная семья. Выдается свободная минута — все собираются за большим столом в «кокпите», и начинаются долгие разговоры обо всем на свете...

Однажды за таким дружеским столом зашел у нас разговор о флотилии Ермака Тимофеевича.

Поводом к разговору послужила репродукция с картины Сурикова «Покорение Сибири Ермаком». Кто-то удивился, почему изобразил художник казаков на обычных плоскодонках.

— Не может того быть, — заметил пожилой капитан, — чтобы казаки рискнули пробираться через всю Сибирь на таких лодках. На большой волне неустойчивы, маневренность плохая...

Сказал так, подумал, вниматель-

но всматриваясь в картину, и добавил:

— Нет, не такие казачьи струги были.

— А какие же? — спросил молодой матрос.

— Кто же их знает, — вздохнул капитан, — я в то время по реке не ходил...

И разгорелся за столом нешуточный спор. Каждый отстаивал свою конструкцию, и привелся им попасть со своими проектами в дружину Ермака, трудновато пришлось бы отважному атаману.

Я тоже внимательно пригляделся к картине. Казачья лодка помещена художником на первом плане и видна во всю свою длину. Действительно, типичная плоскодонка. И тесновата — едва уместились четыре казака, и неустойчива, а главное — все, кто находится в лодке, совершенно открыты.

Позже, просматривая книги по

истории Сибири, я все время искал в них описание казачьего струга, искал и не находил. Может, просто не попала мне в руки та единственная книга, да и есть ли такая?

И тогда, по отдельным штрихам и наброскам, по беглым упоминаниям, решил восстановить ермаковы корабли. И начал этот поиск с конца: какие требования должны были предъявлять своим кораблям первые сибирские капитаны?

Вместительность и прочность... Это безусловно. Казаки отправлялись в дальние походы, часто на несколько лет. И не всегда случалось пополнить запасы продовольствия.

Направляясь в сибирский поход, ермакова дружина запаслась основательно. По свидетельству ремезовской летописи, на каждого участника приходилось «по 3 пуда муки ржаной, по пуду сухарей, по два пуда круп и толокна, двум полть свинины, пуд соли, безмен масла, рыб весом...»¹ Итого по 10 пудов на брата — по 160 килограммов только одного продовольствия. А в походе, по свидетельству той же летописи, участвовало ни много, ни мало — 840 человек. Плюс одежда для лета и для зимы. Да еще боевые доспехи, ружья, порох... Прибавьте сюда топоры, пилы и прочий инструмент. В общем, груз набирается внушительный.

Дорога у русских землепроходцев была не из легких: на пути и штормы, и длинные (до нескольких десятков километров) волоки. Такого пути лодкам легкой конструкции не выдержать. Одним словом, больше пристало говорить не о лодке, а о речном корабле, приспособленном и к дальним странствиям, и к неожиданным вооруженным столкновениям, и к путешествию посуху.

В одном из первых документов по истории Сибири, Кунгурской летописи, есть схематичный, стилизо-

¹ Все цитаты в рассказе, кроме отмеченных особо, приводятся по сборнику «Сибирские летописи», СПб, 1907.

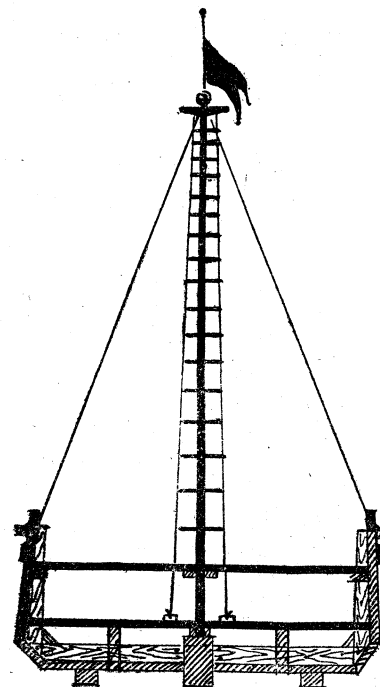
ванный рисунок казачьего струга — нос, задранный вверх, четко вырисовывается форштевень.

Казачьи суда ходили и по большим и по малым рекам, вдоль берегов, густо поросших первозданной тайгой. А когда выходили на большие реки — на Обь или Иртыш, то жались к берегам. Это ясно любому: кто хоть раз садился на весла: у берега течение слабее и грести легче.

Когда флотилия Ермака пробиралась по сибирским рекам, Кучум выслал ей навстречу своего сына Маметкула, и тот устроил засаду на крутом яру Тобола. Как только русские струги «подойдоша под гору, погани же начат стреляти с горы, и с веру падоша стрелы на струги их аки дождь». Но русская флотилия то место «проидоша ничем невреджени». Так, по крайней мере, утверждает Строгановская летопись.

Прежде чем пуститься в опасное плавание, наверняка придумали казаки надежную защиту от стрел. Присмотримся к рисункам Кунгурской летописи. Весла идут не с края борта, как обычно у плоскодонки, а откуда-то изнутри, из «окон», как на старинных военных кораблях. Гребцы скрыты высоким бортом. Только капитанский мостик возвышается над палубой, да сидение кормчего поднято над кормой. Поднято, но не открыто «всем ветрам» — три стенки и крыша надежно прикрывают рулевого, и в них для кругового обзора — небольшие прорезы. Капитанский же мостик надежно прикрыт задраным форштевнем и широким носом лодки.

Но неужели все-таки струг был плоскодонным? Вспомним, каким путем шли ермаковцы в Сибирь. Из Камы через Чусовую в Серебрянку. Кстати, Серебрянка — река мелкая, а у стругов с таким грузом осадка немалая. И казаки нашли остроумный метод продвижения (он может и сегодня пригодиться туристам, да и не только им). Сзади лодок через всю реку, с берега на берег, натягивали парус. Получалась плотина, подпор, и вода в реке поднималась.

По ней и продвигались на несколько десятков метров вперед. Потом снова плотина, снова подпор... Опять плотина...

Но впереди сухопутная переправа на Тагил. Летописи говорят, что Ермак не стал тащить свои тяжелые корабли через горы. Дружина зазимовала в наскоро построенном земляном городке, а по весне на берегу Тагила закипела работа, и вскоре на волнах покачивалась эскадра новых стругов. Перегрузив на нее продовольствие и воинские припасы, казаки двинулись дальше, в глубь огромного края.

Во время похода дружина Ермака, чтобы сократить путь, не раз использовала и волок — традиционный способ переправы с одной реки на другую. Волок же требует особой конструкции судна. Плоскодонки тут не годятся — самые прочные доски на катках быстро измокаются. А казаки сразу после волока пускались в плавание, для ремонта у них часто не было времени.

Я читал старинные книги и летописи, разговаривал с историками и потомственными рыбаками... И все только разводили руками: «Кто ж их знает, какими они были, эти струги?»

Помог мне заведующий отделом пропаганды Ханты-Мансийского окружного комитета партии Владимир Иванович Плисовских, большой знаток самых различных северных проблем.

— Несколько лет назад к нам на Обь приехали волжские рыбаки, — вспомнил он. — Тогда на Волге был временно запрещен промышленный лов рыбы. Сели на наши лодки-плоскодонки, порыбачили день, другой, третий... И прихватил их на слиянии Оби и Иртыша ветерок покрепче. А сам знаешь, какие там волны в непогоду — что в море. Попали, одним словом, в переделку. Страху немало натерпелись. И взялись за топоры.

Рыбаки наши сначала посмеивались: кишка, мол, тонка, для сибирских рек. А потом приглядываться стали, что за диковину гости мастерят — лодка не лодка, вроде корабля: в основании — бревно, тяжелый форштевень... Красивая посудинка получилась и остойчивая — в самые сильные штормы привязывали ее к сетям, а она на волнах как «ванька-встанька», тяжелое бревно в днище с любого крена выравнивает.

Владимир Иванович показал мне запорожскую «чайку».

— Вот такую «чайку» и делали волжские рыбаки. Удобная, чертовка. На такой и по самым малым рекам пройдешь, и в открытое море выходи. И на волок хороша! Бревно широкое, на катках устойчивое. Подмочалится маленько снизу, а лодка целехонька.

Несколько лет спустя я нашел еще одно подтверждение этой догадки в военно-историческом разделе Морского атласа за 1959 год. Рассказывая о высоком развитии русского мореходства в IX—X веках, авторы его пишут: «Древнерусский флот состоял из лодей-однодеревков, выдолбленных из стволов осины, липы или дуба, с досчатыми бортами».

Выходит, сибиряки взяли за основу конструкцию донской «чайки», добавили ей основательности, и сибирский струг получил хорошую остойчивость на воде и устойчивость на катках при волоке.

Но откуда у сибирских казаков запорожская «чайка»? А тут уж

надо вспомнить родословную и самих казаков и их атамана Ермака Тимофеевича.

О Ермаке и в те давние времена, и по сей день ходило и ходит множество легенд. Одна из них, как мне кажется, наиболее достоверна. В Бузуновском списке Есиповской летописи говорится:

«О себе же Ермак известно написал, откуда рождение его. Дед его был сузалец посадский человек, жил в лишении, от хлебной скудности сошел в Володимер, именем его звали Афонасей Григорьевич сын Аленин, и тут воспите двух сынов Родиона да Тимофея, и кормился извозом и был в найму в подводах у разбойников, на Муромском лесу...» (Вот откуда у внука удаль молодешка!)

«А дети его Родион и Тимофей от скудости сошли на реку Чусовую в вотчины Строгановы; ему породи детей: у Родиона два сына Дмитрий да Лука, у Тимофея дети Гаврило, да Фрол, да Василий. И оной Василий был силен и велеречив и остр, ходил у Строгановых на стругах в работе по рекам Каме и Волге, и от той работы принял смелость, и прибрав себе дружину малую и пошел от работы на разбой, и от них звашеся атаманом, прозван Ермаком, сказуется дорожной артельной таган...»

Итак, водил Ермак строгановские караваны по Каме и Волге. Или не поладил капитан с хозяевами, или захотелось ему вольной жизни. Только вместо уральской вотчины объявился Василий Тимофеевич Оленин на Дону, и вскоре был избран атаманом. Однако и здесь оказалось тесно раздольной душе. Там-то и увидел он запорожскую «чайку». А бревно — это уже сибирское приобретение.

Новосибирский художник Георгий Александрович Фролов рассказывал мне:

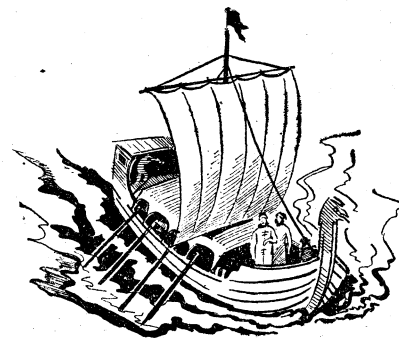
— В детстве, помню, таскали у нас на Енисее лодки через Казачинский порог как раз на таких вот лыжах-бревнях. И лодки, скажу тебе,

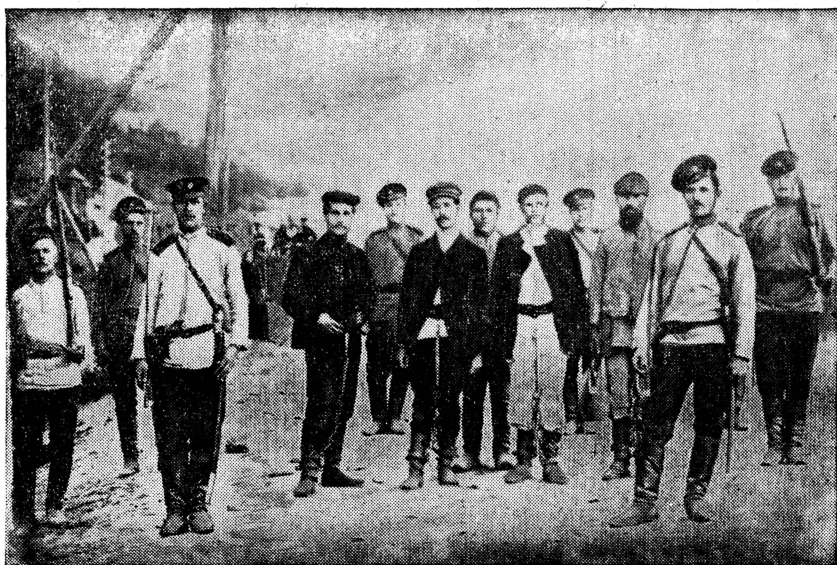
немалые, да еще груженные доверху. Как-то я подивился, такой хитрости и спросил у отца, кто так ловко придумал. А он мне: «Кто ж его знает. Может, прадеды наши, а может, их прадеды. На Енисее всегда так лодки через волок таскали. Может, и впрямь от первых казаков пошло?»

В конструкции струга совместились умельство и донцов, и волжан, и... сибиряков. Да, именно сибиряков. Волей или неволей собирали ермаковскую дружину купцы Строгановы, которые уже имели опыт военных и торговых экспедиций за Урал. И снабдили ее не только оружием и продовольствием, но и судами.

Так, вбирая в себя лучшие качества всех российских судов, родился сибирский казачий струг. Вещая десятки тонн груза, он не боялся ни мелководья, ни крутой морской волны, ни трудного волока.

И верится, что когда-нибудь благодарные потомки вспомнят о тех, кто отчаянной храбростью своей и мудростью народной проложил путь в огромный и богатый край. И тогда над высоким яром встанет острогрудый казачий струг, и первый адмирал земли сибирской, поднявшись на капитанский мостик, станет провожать в дальние плаванья новые речные корабли, а они по традиции будут приветствовать его гудками.

СТАРЫЙ СНИМОК

**Михаил
БЕЛЮШИН**

На этом старом снимке златоустовский фотограф Бальянов запечатлел в 1909 году момент отправки революционеров на каторгу.

Первый слева — мой дядя, Иван Авраамович Комаров, рабочий снарядного цеха Златоустовского казенного завода. В то время ему было двадцать пять лет.

Второй — Борис Шехтер, двадцатилетний профессиональный революционер, сын В. П. Арцыбушева, известного большевика и сподвижника В. И. Ленина по Самаре.

Третий — большевик Николай Кашин, рабочий Златоустовского завода. Четвертый — неизвестный арестант, тоже златоустовский.

В июне 1909 года арестованных революционеров привезли из Уфимской губернской тюрьмы в Златоуст, где их судила выездная сессия Казанской судебной палаты, приговорившая каждого к четырем годам каторжных работ.

По возвращении из суда все они были немедленно одеты в холщовую арестантскую робу и закованы в ножные кандалы. Правда, родные осужденных добились для них разрешения совершить путь от тюрьмы до станции в своей обычной одежде, — один только Кашин не стал переодеваться, ограничился тем, что накинул на плечи пиджак.

Вот по дороге-то на станцию, при отправке в Уфу, теперь уже в каторжное отделение той же губернской тюрьмы, и был сделан публикуемый снимок. Случилось так, что на пути, по которому вели арестованных, оказалась фотография Бальянова, хорошего знакомого моего дяди, а в конвойной команде не было офицеров. Возглавлявший команду унтер-офицер, подумав, разрешил сфотографироваться. И даже сам пристроился перед объективом.

Иван Комаров просидел в каторжной тюрьме до 1912 года, а затем был отправлен по «Владимирке» пешим этапом, в кандалах, в Александровский централ, в Иркутскую губернию, и по отбытии срока остался на поселении в Братске. После революции вернулся в Златоуст, на свой завод, стал начальником цеха, а в 1933 году перевелся на московский завод «Калибр».

Борис Шехтер тоже до самой революции находился на поселении в Иркутской области, затем вернулся в Москву. Умер в 1962 году.

Николай Кашин скончался в 1911 году.

МЕСЯЦ КРУТОРОГИЙ

Очерк зимнего села

**Александр
ЩЕРБАКОВ**

*Рисунки
Н. Мооса*

Когда тяга хороша...

Что может быть прекраснее зимней поездки в деревню! Особенно в ту, единственную, дорожку и ближе которой на свете и нет...

В Таскино два часа пополудни. Вышел из автобуса, невольно зажмурился — так ярк снег. Особенно ослепительно сиял Берестов проулок, завьюженный до верхних прясел изгороди; низкое солнце било сквозь него прямо в глаза.

Мороз был крепок и сух. С востока тянул обжигающий хиус, так что приходилось отворачивать лицо и прикрывать рукавицей; на тыльной стороне ее сразу выступал иней, тонкий, как пудра.

Но морозы морозам рознь. Декабрьские — туманами, плотными, промозглыми. Февральские — пронизаны ветрами, снежными круговертями. Январские же морозы — светлы, бодры, хотя и жестки; безветренны, хотя и опаляют хиуском.

Тесовые ворота с кольцом я открыл осторожно, почти беззвучно, чтобы не услышала собака. Она и вправду не услышала бы, пригревшись в конуре, набитой соломой. Но выдал иссера-желтый щенок. Он выкатился из-под крылечка и с визгливым лаем, выражающим скорее восторг, чем возмущение, бросился в ноги. Тогда загремела, натягивая цепь, большая, черная, с бурым подшерстком собака, заметалась, бухая хриплым и густым лаем. Но цепь была слишком коротка, а гость проворен...

В сенях я отдышался, обстоятельно обрабатывая голичком заснеженные валежки. Отсюда заметил, что мною заинтересовалась сорока, присевшая на кол возле бани. Она поводила хвостом, точно флюгером, и все наклоняла глянцевитую голову то влево, то вправо. Однако стоило мне выпрямиться, сорока стрекотнула коротко и только махнула на прощание своим плоским хвостом.

Изба была пуста. Я присел к печке, снял рукавицы и прислонил ладони к теплым кирпичам. Озябшие пальцы сладко заныли, покраснелись. Оглядевшись, я увидел, что тетка Липисти-

на тихо спит, прикрыв лицо легким платком, как это делают на сенокосе женщины после обеда, свалившись отдохнуть прямо в траву под ближайшим кустом.

На цыпочках прошел я во вторую половину избы. Разделся. Расстегнул портфель и разложил по столу свои бумаги, ручки, чернила. Мне так давно мечталось поработать здесь, в окружении вот этих кадучек с фикусами, туями и алоями, что захотелось сесть за стол сейчас же, немедленно, с дороги, с мороза. И я сел. Однако все никак не мог сосредоточиться, перебирая чистые листы, и вскоре понял, что невозможно писать так вот сразу, что мне придется еще долго ходить, думать, настраиваться на тот самый «звук», который определит и мысль, и ритм будущего письма.

В это время скрипнула стремянка, приставленная к печи, и по ней спустилась на пол тетка Липистина.

— Ты уж здесь! — всплеснула она руками. — А я только видела во сне, будто была нашу Нинку маленькую. Она как будто бегаёт по двору босиком, а я поймала ее за косички и давай бутузить. Так была, так была — спасу нет. Потом проснулась, думаю, Саша, верно, должен подъехать. Когда бьешь во сне — это уж точно к гостю. А что проснулась? Щи мои, слышу, закипели...

— А пес лаял — не слышали? — рассмеялся я.

— Слышала... Да забота не моя. Хозяин — Егор. Султанка — его сторож.

Вечером я попросил, чтобы мне самому разрешили топить печь в моей комнате. Здесь стоит плита. «С тремя колодцами», — сказала о ней тетка Липистина. Это значит, что дым, горячий поток, в обогревателе делает всего три зигзага и вылетает в трубу, еще толком не отдав своего тепла. Печь тонка, в один кирпич, и накаляется быстро, зато скоро и остывает.

Главное достоинство печи — тяга. Уж тяга так тяга, шапку бросай — вынесет.

Я выскочил на мороз, накинув фуфайку дяди Егора, набрал из поленицы дров и грохнул береза на пол перед поддувалом. С полена, гладкого, без сучка, без задоринки, специально хранимого за печью для этой цели, нащепал лучины огромным домокованым ножом — косарем с выщербленной деревянной ручкой. Щепка под ним шла ровная, хоть линейки из нее делай. Через колено с хрустом переломил пучок лучины, положил лоскуток бересты снизу, накла дров — снизу сухих, сверху сырых. Затем открыл вьюшку-задвижку на две ладони, больше не нужно. В мороз и так тяга хороша.

Наконец поднес спичку к бересте. Она куражливо заизвивалась, но огонь приняла, передала по тонкой кромке на другой конец, а потом скрутилась в рулончик и запылала факелом. Тогда загорели и щепки — одна, вторая,

третья... Как свечи, которые зажигают в день рождения.

И вот уже гудит весело печь, и мечутся оранжевые гребни огня, как будто петухи дерутся.

«Буй-буй-буй-буй», — услышал я эту музыку, и так спокойно, ясно на душе стало, и рука протянулась к перу.

Всходит солнышко

— Пожар! Пожар! Склады горят! — закричал я, вбегаю на кухню.

— Где? Какие склады? — испуганно вскинула глаза тетка Липистина (она мешала пойло в ведре) и стала торопливо вытирать руки о передник. — Уж не у Егора ли в гараже?

Я повел ее, оторопевшую, через комнату к своему окну и молча показал на красное пламя, взметнувшееся над высокой крышей колхозной сушилки.

— Где твой пожар-то? — все не могла взять в толк тетка Липистина.

— Да вон же он!

— Тьфу, будь ты неладный! Напугал меня до смерти. Какой это пожар? Это же солнышко всходит...

Понял я оплошность. Но восход удивительно напоминал пламя, полыхающее над складами, навесами, сушилками мехтока, белые крыши которых вдалеке приходились почти вровень с горизонтом. Над ними лишь возвышалась сетка частого березника, через которую и продиралось в эту минуту огнисто-красное, невероятно огромное солнце, так схожее с пожаром.

Сходство усиливал серый дым над трубой школьной кочегарки. Он как бы обволакивал размытое полукружие солнечного диска и, казалось, пламя колеблется.

Но это длилось лишь несколько мгновений. Стоило солнцу выплыть из-за леса на две трети, как сразу четко обозначился овал. Цвет его из воспаленного стал медным, потом золотистым.

...Но восход — не первое, что вижу утром из своего окна. Много раньше, когда только рассеивается тьма, проступает силуэт сельской школы, очертания высокой трубы с султаном плотного дыма. Труба эта как бы висит в воздухе, потому что заснеженной крыши под нею пока не видно, она сливается с белесой мглой рассвета.

Потом на сизовой белизне проявляется дерево, его темный ствол, бегущие вверх развалины крупных сучьев и, наконец, вся решетка мелких побегов. Уже видны и полузанесенный снегом штакетник, кусты ранеток в садике с кружевами на ветках, школьная крыша, пологая, как японская шляпа.

Ребятишки у школы появляются, едва взойдет солнце. Они обивают с валенок снег и проворно взбегают по ступенькам крыльца — мороз торопит их. Звонков за двойными рамами я не слышу, но по тому, как в момент замирает всяческая жизнь вокруг школы, могу точно определить начало урока.

Видна и небольшая часть деревенской улицы. Она, несмотря на лютую стужу, оживает довольно рано. Сначала я вижу цепочку светящихся во мгле окон, потом лиловые конусы дымов над домами, потом людей, торопливо идущих, едущих. Причем на конях едут они обычно стоя в санях.

Чуть позже начинают снова юркие тракторы «Беларуси», выстреливая из труб густой молочный дым, и грузовые машины, погромыхивающие бортами порожних кузовов.

В полдень медленно проплывают мимо окна из-за деревни стога сена, отбрасывая на дома и заборы ломаную тень. Еще летом, во время метки, их склали на кроны срубленных деревьев, которые теперь превратились в удобные волокуши. Трактор легко тянет такой воз по снегу, а под гору даже придерживает.

Сегодня то и дело мелькали в окне заиндевелые тройки лошадей, заложенные в розвальни и кошевы. Дуги коренников увиты голубыми и розовыми лентами. На шлеях треплются резные кисти. Под дугами приплясывают и ладно звенят колокольчики.

Особенно хороша была одна тройка. Длинноногий гнедой коренник явно гордился своим убранством и музыкой колокольчиков, красуясь, вскидывал поверх дуги свою крупную голову. Серые пристяжные, по обе стороны его, пружиня постромки, шли на отлете...

Правил тройкой дружка — Никита Иванович Кокуров, хозяин сельского водопровода. Он был одет в меховую куртку ворсом наверх и хорошую шапку. В кошеве, обнявшись, сидели молодые. Сегодня в деревне свадьба. Говорят, за зиму пятая. Тракторист Федор Чихирин женился на Наде Грудцкой, воспитательнице колхозного детсада. И вот, отдавая дань старому обычаю, жених с невестой во главе целого свадебного

поезда разъезжают по деревне, приглашают к себе гостей.

Каждый раз, когда яркие упряжки с гиком и звоном пролетают по улице, с дороги поднимается на тополь воробьиная стая. Потом воробьи снова возвращаются на зеленую от сенной трухи дорогу, где всегда можно чем-нибудь поживиться.

Недолог январский день. Четкие тени низких деревьев на сугробе, как стрелки часов, незримо подвигаются и подвигаются по снежному циферблату, пока не погаснет зимнее солнце, окунувшись за деревней в далекие алые сугробы.

Сторожка

Дед Егор лицом сух, узкоплеч, буйно бородат. Сторожит он центральные механические мастерские и гараж. Под его надзором тракторы, комбайны, автомобили и прочая колхозная техника. Дед исправно несет свою стариковскую службу, но, в сущности, равнодушен к ней. Всю жизнь, как говорится, от молодых ногтей, был он конюхом и наездником. И в мастерские-то, честно признаться, пошел на старости лет единственно потому, что там сторожу положена лошадь. А без лошади Егору как?

— Ты скажи мне, имеет ли право колхозный пенсионер по закону лошадь купить? — допытывал он меня в первый день. — Черт с ней, я бы корову продал...

Сани бежали легко и раскатисто. Дед Егор правил стоя. Я лежал сзади на охапке сена, пахнущего весенним травянистым тленом, на поворотах держался за отводины, чтобы ненароком не соскользнуть в снег.

Низенькая каряя лошадка Гагара семеняла ногами, подбадриваемая вожжой. Когда вожжа с прищелком прилегала к припорошенному инеем крупу, на нем оставались черные продольные полосы. Впрочем, Гагара и сама, без напоминаний, бежала бы охотно. Пока дед обедал, она

стояла у ворот, порядочно продрогла на морозе и теперь ей хочется поскорее согреться...

Вечернее солнце, все багровея, нависало над горизонтом, и гребешки снежного наста были так ярко розовы под его лучами, что от их ослепительной ряби начинала кружиться голова.

Наконец, сани влетели в ворота мастерских, скользком ударились в балясину, так что их даже раскатило полукругом и боком поставило точно к коновязи подле проходной. Жокейские замашки у деда...

Проходная колхозных мастерских, она же — сторожка, не страдает избытком мебели. Вся ее обстановка состоит из скамеек вдоль стен, тяжелого конторского стола с тумбами, с зачерниленной столешницей и эlegantного на ней белого телефона со скрученным в пружинку проводом. Стол принадлежит завгару, который, впрочем, садится за него не часто, больше занятый то в гараже, то в мастерских, то в колхозном правлении.

Егор прежде брал с собою на службу Султана (того самого, который так грозно встретил меня в первый день), но теперь ему Липистина категорически запретила делать это. Без Султана ей одной дома боязно. Зайди кто — и голоса некому подать. Дед Егор согласился с ее доводами: воров в мастерских и гараже все равно сроду не бывало.

По стенам сторожки развешаны бумажные плакаты, а сбоку двухтумбового завгаровского стола возвышается стенд с деревянными полочками — карманами. По ним разложены книги и брошюры — «В помощь механизатору».

Треть комнаты занимает печь в продолговатой надставленной плитой. Сейчас, в крещенские морозы, она — первая забота сторожа. Несмотря на скудность мебелировки и неуютность, проходная не бывает безлюдной. И популярность среди механизаторов ей создает именно печь, щедро источающая тепло.

Шесть часов вечера — время, когда в сторожке смена караула.

Вместо деда Прокопия на пост заступал дед Егор. Церемония сдачи караула довольно проста.

— Кобылу напоил? — спросил дед Прокопий.

— Конечно, напоил. И сена дал, — с достоинством ответил дед Егор и тут же поставил встречный вопрос:

— Объекты проверил?

— Проверил. Все в порядке. Бачок водой заправил?

— Заправил? А кто сегодня дежурит в кочегарке?

— Иванашкин. Угля в запасник привезли?

— Привезли, да больно мелкого. Давай-ка, затопим печь, что-то холодать стало.

Дед Егор начал выгребать клюкой из печи золу и шлак, а дед Прокопий пошел за углем.

Вскоре весело загудела, затрещала печка. От плиты потянуло теплом. А между тем в сторожке становилось все теснее и теснее. Трактористы, шоферы, электрики, слесари, кочегары в задымленных и промасленных фуфайках, прежде чем отправиться с работы домой, считают долгом заглянуть в сторожку. Посидеть, покурить на дорогу, отвести душу неторопливой беседой, узнать деревенские новости.

Новостей много. Но больше всего разговоров вокруг последнего нашумевшего события. Молодой тракторист Виктор Березин поехал ночью (чтоб добраться пораньше!) в дальнюю колхозную бригаду — деревню Таяты — и заблудился. Думал, за тридевять земель уехал, блуждая, но оказалось, что до рассвета колесил за деревней, едва пересек поскотину. Пробираясь впотьмах среди каких-то казавшихся ему незнакомыми березняков и косогоров, он чуть не полетел с отвесного обрыва. Лишь по счастливой случайности в трех шагах от него завернул назад, потом спустился по крутяку вниз и, застряв в речке, — а речка протекает сбоку деревни, — незадолго до рассвета заглушил трактор.

О своих вензелях, выписанных вкрутую на самой кромке обрыва, сам узнал только утром и похолодел от ужаса, представив, что случилось бы, не поверни он назад. Высота уступа была около двадцати метров.

И вот теперь многие ходили на речку, к крутяку, своими глазами посмотреть на это чудо, и, возвращаясь, со страхом и восхищением говорили одно и то же:

— Его счастье, что жив остался. Это ж надо — у самой гибели на тормоз нажать! Будто кто ему на ухо шепнул. Вот уж точно счастье! Не иначе, как Иван в рубашке родился.

— Телепатия... — после каждой тирады, выслушав ее терпеливо, заключал Петька Шанин, молоденький шофер с русыми колечками волос под козырьком ушанки.

Самого Ивана Березина в сторожке не было. Боясь расспросов и насмешек, он миновал проходную, вышел через большие ворота.

В прокуренной, набитой людьми сторожке единственной «белой вороной» среди черных мазутных фуфаек, закопченных лиц был мельник Андрей Мясников. Шапку, лицо, одежду, валенки — всё у него запорошило мучной пылью.

— Как мололось? — спросил его деловито дед Егор.

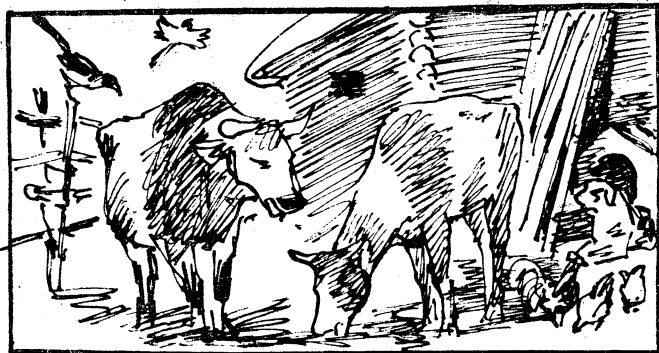
— Ничего мололось, с примолом, — ответил не особенно словоохотливый Андрей.

Домой мы с дедом Прокопием возвращались пешком. Мороз к ночи стал еще круче. Иссиня-черное небо играло крупными яркими звездами, какие бывают только в студеные январские ночи. Месяц был так тонок, что света не давал, и дорожку в снегу мы определяли ногами на ощупь.

«Больно рога круты у молодого месяца. Это к морозу», — вспомнил я слова тетки Липистины.

Шли молча. На такой службе говорить трудно, сразу перехватывает дыхание, да и не очень слушаются озябшие, будто одеревеневшие губы.

Двор тетки Липистины

Сегодня на восходе того пожара уже не было. И небо вроде ясное, и мороз крепок, и солнце, как обычно, багровое, огромное, но впечатление полыхающего над складскими крышами пламени исчезло. Все дело в том, что солнце выплывает теперь много левее школьной кочегарки и его уже не обволакивает дымом, как прежде.

Солнце стало всходить ближе к востоку — прибыл день. По календарю — на целый час. И как бы с утра ни грозился мороз, ни пускал по логам ледяные туманы, повеселевшие лучи умиряют его, он сдает помаленьку.

Когда к обеду пригрело, пестрая, красно-белая корова Точка вышла из пригона в ограду и встала у больших ворот. Стоит-поставивает, жвачку пожевывает, глаза чуть прищурила от блещущего снега. Темные тесины ворот быстро нагреваются на солнце и от них веет теплом.

Правильно говорят старики в селе:

— Корову сытней корми до рождения, когда дни холодные, ночи длинные, а потом она и так постоит, на солнышко поглядит.

Точка стельная. Через месяц у нее теленок будет и молоко. Молока все ждут, но особенно кошка Манька, тоскливо мяукающая по утрам у корытца, и дед Егор, принципиально не признающий чая. Каждый раз за обедом он повторяет притчу:

— Раньше бывало расправишь бороду: дай-ка молока, старуха. А теперь: чайку бы пошвыркать, что ли? — и бороду в горсть.

Тетка Липистина ждет не дожидается молока, потому что в феврале сын Петро приедет из Но-

рильска в гости. Внучку привезет. Три года всего внучке, и без молока ей нельзя.

У коровы есть дочь Телка. Полуторогодовалая. В мать — пестрая. Живут они вместе. Из одного навильника сено едят, из одного корыта воду пьют. И ночуют в хлеве в одном стойле. А рядом в клетке два подсвинка. Тетка Липистина планировала осенью взять боровка и свинку. Когда пришла покупать, хозяин открыл заворки в пригоне и сказал:

— Выбирайте сами.

Тетка Липистина придирчиво выбрала из целой стаи поросят лучшего боровка и лучшую свинку. А потом, через месяц-полтора, вбегают вдруг в избу и кричат с порога:

— Егор, ведь обе свинки оказались?!

— Как оказались?

— Так выбрала, бестолочь старая.

— Может, продадим одну? — сказал дед Егор.

— Да нет уж, к чему теперь продавать, пусть растут.

Так и живут в одной клетке две безымянные свиньи.

— Можно бы и одну оставить, да вместе им веселее, — говорит смирившаяся тетка Липистина.

Лохматый Султан до сих пор недолюбливает меня. За что — ума не придам. Я уж было в отместку окрестил его пустолаем, но сегодня услышал одну историю, и сразу проникся уважением к нему. Выходит, не надо судить по первому впечатлению.

Дед Егор рассказывал:

— Приходит ко мне недавно пастух из Кочергина. Нарочи в Таскино приехал. Продай, говорит, Егор, мне собаку. Все равно, говорит, ты теперь не пасешь, зачем она тебе? А если уж надо для забавы, я найду взамен не дворнягу какую-нибудь, а настоящую, породистую.

— Поди, правда, отдать? — спрашиваю я Липистину, чтоб, значит, торг потянуть да обмозговать дело хорошенько.

— Ты бы все отдал, — накинулась она. — А не подумаешь того, что такая собака самим нужна. Она, посмотри, ни цыпушки, ни курицы не тронет, на крыльцо зря не зайдет, не загавкает попусту и зря во двор никого не пустит. Такую собаку держи и запоров не надо.

И это истинная правда. Вот лежит он другой раз посередь двора, дремлет, а по нему цыпушки бегают — и он хоть бы хны, не позарится, даже глазу не откроет. Как-то внучки, старшего Ивана девчонки, у нас летом гостили. Во дворе играли. Потом гляжу — бегут кричат:

— Бабка, бабка, в Султановой избушке яйца спрятаны!

А Султан летом не жил в конуре, у амбара под навесом спал... Жарко, значит, ему в закутке-то было.

Пошли мы смотреть — и верно! В конуре, в соломе, курицы гнездо себе устроили и полное с краями яиц нанесли. Старуха мало не полведра набрала. И все свеженькие. И хоть бы одно тронутое. Вот ведь какой деликатный пес — уступил курам жиле и на плату не претендует.

А этот мужик откуда про Султана узнал? Пас я когда-то колхозных овец на кочергинской грани. И он рядом пас по ту сторону границы, значит. Ну, сперва мы издали перекликались, а потом он в гости пришел. Познакомились. Лежим на траве, курим, беседуем про то про се. И вот говорит он мне:

— Глянь, овцы-то твои скрылись уж, иди заворачивай.

— Ничего, помощник заворотит. Сейчас смотри — из этого ложка выйдут, — отвечаю. — А сам беру комок земли да швырь в сторону ложка. И даже головы не поднял.

— Султан! Заверни-ка окаянных! — говорю. Султан взвизгнул, сделал стойку и метнулся в указанном направлении. А через минуту, видим, и вправду табун из ложка выкатывает. Кучно идет, прямиком на нас движется. Султан их мигом организовал, овец-то. Удивился кочергинский пастух. Мне бы такую собаку, говорит. И аж глаза у него загорелись.

А теперь, вишь, прослышал, что я по старости пасти бросил, и тут как тут, прикатил, чтоб Султана выпросить. Но не отдали мы. Правда, жалко мужика стало, пообещал я ему, мол, приезжай, когда Пика вырастет, может, и уговоришь...

Пика — та самая собачонка, которая в первый день выдала меня Султану столь звонким лаем. С Пикой мы теперь друзья. Она проходу мне не дает — все норovit услужливо с валенок снег смести своими лапами. То костью во дворе играет, катая ее и подбрасывая, то за тенью собственного хвоста гоняется, пока не закружится и не упадет лапами кверху.

У Пики такая история.

Младший сын Сафоновых Колька работает в Абакане, мастером на стройке. Однажды шел он вечером с работы и на окраине города на свалке среди битого кирпича, извести, бумаг увидел барахтающегося щенка. Щенок тоненько скулил и все тыкался головой в какую-то ветошь, стараясь согреться от лютого холода. Кольке жалко стало беспризорного щенка. Поднял он его и спрятал под шубу, за пазуху. Пока шел до общежития, щенок обогрелся, перестал дрожать, замолчал и уснул.

Утром Колька его на стройку принес. Холостяцкое общежитие днем постует и за щенком некому посмотреть. Гнездо ему устроили в теплушке. Бутылку молока купили. Скоро все рабочие со щенком познакомились и, поскольку он «викал», когда его на руки брали, единодушно дали ему имя Вика.

Неделю прожила песочно-рыжая Вика в теплушке на абаканской стройке, а в субботу Колька, как обычно, поехал на выходные в гости к отцу, к матери в деревню и Вику с собой взял. Так Вика оказалась в Таскине и стала жить у стариков Сафоновых.

— Как назвал-то? — спросил дед Егор у Кольки, когда тот вынул из-за пазухи незваную гостью.

— Вика, — сказал Колька.

А дед Егор толком не расслышал, — у него последнее время какой-то шум в ушах стоит, — да и окрестил собачонку Пикой. Теперь под этим странноватым именем и числится она среди прочей живности в Липистином дворе.

Недавно Пика неожиданно исчезла. Дед за водой пошел к водопроводной колонке, она увязалась за ним да где-то дорогой отстала и запропастилась. Два дня не ночевала дома. Решили уж, машиной задавило или ребятишки какие к себе заманили. А сегодня утром глядим — Пика снова играет костью во дворе как ни в чем не бывало. Подошел я, поздоровался с ней, она невинно посмотрела мне в глаза своими темно-бурыми сияющими смородинками и бросилась сметать с валенок снег.

Катушка

Как красива деревня в морозный солнечный день! На чистейшем белом снегу под чистейшим голубым небом все краски расцветают, будто их только что покрыли лаком.

Прежде сельские хозяйки белили ставни и наличники на окнах. И это тоже выглядело неплохо. Нынче другая мода пришла — красить. И вот теперь по деревне идешь, как по игрушечному магазину, играют цвета — голубые, синие, зеленые, красные, бордовые. Но больше всего сочетаний из белого, голубого и красного.

Мало что окна, так многие еще и ворота красят.

Тетка Липистина расцветила наличники у своего дома белым и бирюзовым. Ярко. Красиво. Весело. Теперь она к лету думает и ворота покрасить. Но цвет пока не выбрала. Тут они с дедом Егором еще не пришли к окончательному решению.

В будни улицы почти безлюдны. Идешь — редкий человек навстречу попадет. Но если уж попадет, обязательно поздоровается, даже если и незнакомый. В деревне все здороваются — знакомые и незнакомые. Исстари обычай такой.

Чаще всего, конечно, ребятишки попадают. Этот на лыжах в лес направился, не иначе — петли ставить на зайцев. Тот с книжками вышагивает важно — небось, читатель сельской библиотеки. Там вывалила ватага из ворот, у всех санки-самоделки на поводках. Здесь уж и гадать не надо — на катушку двинула ребятня.

А вот пострел в коротенькой фуфайке, в ушанке набок пролетел на лошади в санях. В головках саней сестренка сидит, как кукла, закутана шалью. Сзади под самыми пялами розвальней собака бежит, лает звонко и хвост у нее крючком. Куда поехал парень? Наверное, отец доверил младшую сестру на другой конец деревни к бабушке в гости отвезти.

У крайнего дома пустынной улицы встретились мне две лошади. Обе вороные, молодые, с ровно подстриженными челками. Встретились и остановились, смотрят на меня, взмахивая головами, чтобы тяжеловатые челки набок отбросить. А может, здороваются со мной. В деревне же все здороваются — знакомые и незнакомые...

Вышел я к Шелеховой горе, думал полюбоваться, как ребятишки катаются. Ан нет — пуста гора, шаром покати. Странно мне все это стало. Раньше здесь народу бывало, как на ярмарке. В чем же дело? Может, мороз виноват? Да разве мальчишек удержишь морозом? Нет, размышляю, здесь причина иная...

Выхожу на другую улицу, спрашиваю девочку лет десяти, семенящую навстречу:

— Где же ребятишки? Почему гора пуста?

— Да на этой горе никто и не катается сроду-роду. Здесь машины ходят одна за другой. Разве правил улицного движения не знаете?

Вот тебе раз! Я к ней с вопросом, а она мне нотацию прочитала...

— Ну где же все-таки катаются?

Девчонка опустила воротник шубки, шаль поправила и вдруг фыркнула:

— Где же им быть, как ни на льду? В хоккей играют край на край.

— Как край на край?

— Два края деревни — две команды. Чего тут не понять?

Поблагодарил я землячку, пошел дальше. Вон что оказывается! Хоккей появился в нашей деревне. А мы-то росли и слова такого не слыха-

ли. Да и на лед редко ходили. Чаше снегурки притянешь ремешками к валенкам — и на Шелехову гору. Спуск здесь накатан, как стол, не хуже вашего льда. Но главное — народу много, не заскучаешь.

А на чем только не катались вечерами с Шелеховой горы! И на санках, и на коньках, и на самокатах, и на ледянках, и даже на огромных розвальнях с отводами.

Ледянки делали так. Небольшую скамейку прибавляли ножками к плахе, у которой один конец снизу подтесан и заострен. Изнанку доски обмазывали свежим коровьим навозом и поливали водой. Так лед прочнее схватывается с деревом. И пусть не сразу получалась гладкой ледяная зеленоватая кора — не беда. Стоило скатиться с горы разок-другой, лед отполировывался, как стеклышко.

А чтобы кататься на конных санях, нужен был умелый ведущий. Иначе как неуклюжими розвальнями править? Ведущим становился далеко не каждый. Тут надо было сноровку иметь, силенку и, если угодно, храбрость.

Я до сих пор горжусь, что частенько бывал ведущим. И, как поговаривали, неплохим.

Зачем же храбрость ведущему? А затем, что стоит он на коньках впереди саней, держа их за головку, и тяжелые сани, полные ребятшек, как горшков вповалку, напирают на ведущего с неодолимой силой. Представьте на секунду, что будет с ним, если он на горе споткнется? Конечно, не минуя угодит под сани, летящие за ним со свистом и скрипом. Шуточное ли дело?

Меня выручали руки. Я почти висел на них, словно на пружинах. Опущусь всей тяжестью тела на коньки, проеду несколько метров, чтобы только дать верное направление саням, и опять подтянусь на руках, чуть скользя снегурками по дороге.

Зато какое уважение ведущему! Все зовут тебя не по фамилии, а по имени, да еще в ласкательной форме (особенно, конечно, девчонки). А не так, как это в школе принято, — Щербаков, Агеев, Прилепская!

У подножия горы костры жгли. Как съедут на санях — сейчас все бегут к костру греться. Ты подойдешь, тебе почтительно место уступают. Одно слово — ведущий!

Шел я по улице и вспоминал старую Шелехову гору, пока не поровнялся с чайной. Возле нее всегда народ: потому что здесь остановка автобуса. Одни едут в Минусинск и Абакан, другие в Каратуз, третьи на станцию Туба, чтобы сесть на поезд, а там уже тайшетская дорога уведет в любой конец света. А четвертые (их большинство) никуда не едут. Просто шли по деревне да задержались, чтобы поговорить, новости узнать на бойком месте, кто куда едет и с какой целью. Нет на свете народа любопытней деревенского.

Здесь, возле чайной, пришлось мне долго здороваться. Каждый меня подробно расспрашивал, когда и каким ветром занесло в деревню, долго ли пробуду здесь и чем намерен заняться. Многие в гости приглашали. И я обещал всем, что приду, потому что в селе нельзя от приглашения отказываться, обычай таков. Ну, а если и не приду я — никто не обидится и даже не напомним. Главное — не отказаться, пообещать, сказать спасибо за приглашение. Согласно написанному русскому этикету гости на прощанье говорят:

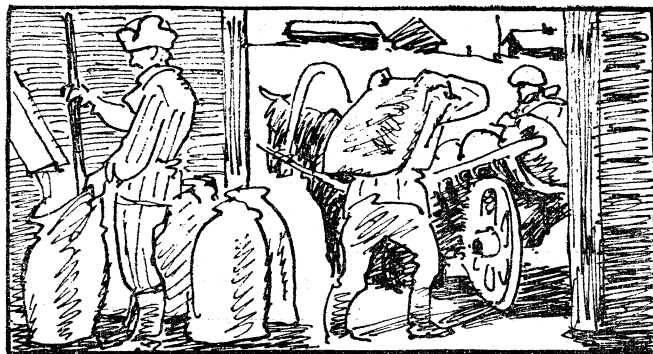
— Бегайте к нам.

— Ходите сами, — вежливо должен ответить хозяин.

Закончил я путешествие на другом конце улицы — на Малаховой горе. И здесь было пусто, ни души. Значит, правильно девочка сказала: этот край села тоже выставил свою хоккейную команду. А остальные, должно быть, болельщики.

На Малаховой горе я заметил новинку — высокие опоры на бетонных основаниях, и по ним с сияющих изоляторов, как с балалаечных колков, бегут три провода. Значит, в деревню пришло большое электричество с Назаровской ГРЭС, с Красноярской ГЭС...

Хлеб и мельница

В нашем представлении, не всегда поспевающим за быстротекущей жизнью, при слове мельница обязательно возникает тихий пруд, плотина, желоб с потоком воды, неторопливое мельничное колесо со спицами, жернова. Они крутятся и крутятся, спирально рябя бороздками, как огромные пластинки на проигрывателе, который забыли выключить...

Именно такую картину видел я на Маковкинском пруду. Но водяных мельниц теперь осталось мало. А те, что остались, работают редко, лишь при большой воде — во время паводка.

Нынче в селах распространены иные мельницы — вальцовые.

В Таскине «вальцовка» трудится уже пятый год. Она стоит за селом, рядом с механическими мастерскими, недалеко от сторожки деда Егора. Недаром в конце рабочего дня сюда заходил погреться белый, как альбинос, мельник Андрей Мясников, о котором у упоминал.

Мельница эта совсем небольшая, величиной с мотор трактора. Она и формой похожа на мотор — закрыта металлическим кожухом. Только по бокам выступают приводные шкивы.

Когда поднимаешь крышку вальцовки, видны валы — металлические, толщиной в ствол среднего дерева. На первый взгляд, валы абсолютно гладкие, даже блестящие. Но если присмотришься внимательно, увидишь нарезанные на их поверхности мельчайшие чешуйки. Вот этими тонкими нарезками, шероховатыми на ощупь, и размалывается зерно.

Но вальцовка — еще не вся мельница, а только ее главный агрегат, ее, так сказать, сердце.

Прежде, чем попасть на валы, зерно проделывает длинный и извилистый путь. Сначала его засыпают в бункер. Оттуда оно идет в норы — движущиеся по цепи ковши, которые поднимают его наверх, на второй этаж, и сыпают в решета веялки. Веялка очищает зерно и по трубам направляет вниз, на валы, откуда оно, раздробленное, снова поднимается вверх, на сита. Потом опять на валы, потом опять на сита. И так до тех пор, пока все, размолотое, просеянное, не стекает в лотки с подвязанными к ним мешками.

Одним словом, дело довольно сложное. Мельник Андрей Мясников так и мечется с этажа на этаж по белым, припорошенным мукой лестницам, сам белый, как дед-мороз. То надо сыпь прибавить, то остье из-под веялки убрать, то муку посмотреть в мешках — ладная ли?

Я брал шепотку муки и первого, и второго сортов. Первосортная бела и пышна, как пух, легка и на ощупь вроде бы шелковиста. Из такой муки сельские хозяйки пекут к праздникам шаньги, сушки, хворост, печенье и прочую сдобу. И хлеб выходит — прямо есть жалко, до того красив, мягок, запашист.

Да и второй сорт неплох. Из него пекут, как говорится, хлеб насущный — булки, большие калачи, то есть тот, что подается на стол каждый день. Но теперь хлеба стало у крестьян вдосталь и многие женщины для повседневной еды пекут хлебы из смешанной муки — второго и первого сортов.

А третий сорт — это отрубель, шелуха пшеницы с тончайшим слоем неотбитой муки. Отрубель тоже в хозяйстве не лишний продукт, мешанки из нее с большим аппетитом едят да прихваливают и свиньи, и телята, и овцы — все, кто не равнодушен к хлебу, какого бы сорта он ни был.

За водой поутру

Конечно, светлая речка, прорубь, колодец со скрипучим воротом или длинным журавлем — это красиво, исстари воспето: «Спой мне песню, как девица за водой поутру шла»...

Но и водопроводные колонки в селе куда как хороши.

Я частенько прошу тетку Липистину разрешить мне сбегать за водой разок-другой.

Надеваю фуфайку деда Егора (в ней легче и ловчее себя чувствуешь), шапку, рукавицы и беру в сенях звонкие ведра. Здесь же висит и коромысло с коваными крючьями, но я с ним толком обращаться не умею. К коромыслу привычка нужна, иначе ведра качаются на нем из стороны в сторону, вода плещется направо и налево. Мало что по полведерку принесешь, так еще вымокнешь.

Пробовал я с коромыслом, да ничего не выходит. Пришлось отказаться от него.

Просто беру я два ведра за дужки, дергаю веревочку щеколды у сенных дверей, потом поворачиваю кольцо у ворот и выхожу на улицу. Всегда со мной норовит улизнуть со двора и неугомонная Пика. Провожает меня до самых ворот, вот, думает, сейчас выскочу на улицу, прогуляюсь на просторе, а я — р-раз! — да и захлопну ворота перед самым ее носом. Пика, несмотря на ее добрейший нрав, начинает сердиться на меня за столь явный обман и, просунув мордашку в щель под ворота, скандально лает своим пронзительным голосом. Мне что? Я бы и пустил ее по солнечной деревне прогуляться, так ведь она сама проштрафилась недавно. Я уж говорил об этом: пошла с дедом Егором за водой и затерялась.

До колонки девяносто шесть метров, вернее, шагов, это уж я точно сосчитал. Хорошо идти по морозцу, когда чувствуешь, что не зря шляешься, а важное дело у тебя есть: воды принести. Вода нужна и корове, и свиньям, и курам, и Султану, и даже той же Пике, провожающей меня обиженным визгливым лаем.

На морозе, конечно, не особенно мучает жажда, но без воды все равно не обойтись. А сколько ее дома расходуется! И щи сварить надо, и чай вскипятить, и квас завести... А уж если банный день — суббота, — тогда и подавно двумя-тремя ведрами не отделаешься. Таскать не перетаскать...

Колонка сейчас низенькой кажется. Она до колена всего. Сначала ее снегом привалило, а потом еще льдом вокруг обложило, так что стоит она вроде как на ледяном холмике. И рычаг у колонки низкий, поклонись не раз, пока наставишь на него. Есть рычаги у колонок, которые поднимать нужно, а в Таскине наоборот, — прижимать сверху вниз. Я думаю, так удобнее и легче.

Положим, пришел старичок, отдышаться не может, а тут ему еще предстоит рычаг кверху тянуть. Куда проще — положил на него руку — и готово, из рожка вода побежала.

Струя хорошо идет, — тугая, упругая, толщиной в полтинник, да такая серебристая, хоть и вправду на полтинники руби. Сразу как ударит в ведро — оно аж отъезжает немного в сторону.

Приятно возвращаться с полными ведрами. Вода покачивается, в рябых кругах солнце переливается, точно плавится. А если ранним утром идешь, то вода в ведрах такая, точно брусничный сок несешь — сама заря купается.

Рифеченые пельмени

К вечеру мороз сдал. Небо затянулось туманной пеленой и зарябил мелкий, мелкий снежок. Это был даже не снег, а скорее изморозь — тоненькие блестящие слюдиночки сыпали с неба, чуть припорошивая дорожки, следы.

А сегодня снова небо ясно, снова — мороз и солнце!

— Солнце на лето — зима на мороз, — сказала тетка Липистина. — Не зря месяц круторогий

народился. Разве что четверть кончится, так перемена будет...

— Будет, иначе мы небесное правительство переизберем, — сказал дед Егор.

— Переизберешь... Болтат чо попало, — ворчит тетка Липистина.

Вечер. Мы сидим на кухне за столом и стряпаем пельмени. Тетка Липистина раскатывает тесто в длинные и тугие колбаски. Потом режет их ножом на галушки, обваливает в муке и катает скалкой в небольшие лепешки — сочни. Скалка у тетки Липистиной настоящая, старинная, с точеными овальными ручками по концам.

В огромной эмалированной чашке стоит ароматный фарш, пахнущий чесноком и душистым перцем.

Мы с дедом Егором стряпаем пельмени. Он не любит этого занятия, потому и немного не в духе, то и дело перечит тетке Липистине. Зато он любит фарш, нет-нет, да отправит кусочек в рот, зацепив кончиком вилки.

— Эх, я раньше строганинку любил, — крикает он. — Принесешь, бывало, с морозу мясца поволокнистей, настрожешь рубанком тоненько, а стружки так и завиваются кольцами. Макаешь их в соль да перец — и с хлебом! Лучше всяких пельменей.

— То и желудок извел, — опять подварчивает тетка Липистина.

— Как бы не так! Мясом и извел. Щами твоими скорей изведешь, — перечит дед Егор.

Я стараюсь увести их от этой опасной темы разговора.

— А помните, с такими загибульками стряпали? — обращаюсь я и завиваю веревочкой кромку кругом пельменя, похожую на кольцо Сатурна.

— Как же! — говорит тетка Липистина. — Вот Петька наш приедет, он мастер был на это. Он такие пельмени рифечеными звал.

И тетка Липистина показывает, как делался «рифеченый» пельмень. Руки у нее проворны, как у большинства крестьянских женщин. Мгновение — и по ободку пельменя пробежали, семена, узловатые пальцы, и он стал теперь как бы с кружевом.

— А помните, счастливые пельмени делали? — спрашивает дед Егор. — Один с углем стряпали, другой с полтинником, третий — с тестом... И на каждый что-нибудь загадывали.

И вот уже завязывается разговор о том, как прежде стряпали пельмени в нашем селе, кто был мастаком в этом деле и кто мог их больше всех съесть в один присест... Тетка уточнила, однако, что раньше пельмени делали только мясоедом, считай, раз-два в году. Может, потому и нажимали любители, не щадя живота, что до новых больно долго ждать приходилось.

Я посматривал в окно на ясный высокий месяц, ставший сегодня совершенно круглым, пол-

ным, слушал, как закипает вода в чугуне на раскаленной плите, и думал, что просто невозможно представить сибирскую зиму без пельменей. Сама эта веселая стряпня за столом, когда заняты все от мала до велика, тишина и уют тепло натопленной избы, потрескивание дров в печи, их сухой березовый запах — все это располагает к неторопливому доверительному разговору, воспоминаниям, размышлениям...

Зимой пельменей стряпают помногу. Их можно заморозить и хранить сколько угодно. Удобное блюдо, что и говорить. Бросил горсть в кипяток — через десять минут готово. Тетка Липистина любит, чтобы в фарше было немного капусты.

— Люблю, чтобы с кислинкой и похрустывало, — говорит она.

Вот мы настряпали уже второй противень. Оба вынесли в сени на мороз.

— Ну, теперь осталось нагнуть на ужин, — говорит дед Егор, и в голосе его слышится радость, что близится конец стряпне, которую он считает унизительной для мужского достоинства.

Теста и впрямь осталось на одну раскатку. Тетка Липистина быстро откидывает в муку последние галушки и вскоре дед, опередив меня, берет последний сочень. Мы обиваем муку с рубах, убираем с колен рушники и идем мыть руки.

А на столе между тем уже появились тарелки с дымящимися, блестящими и словно улыбающимися пельменями. Дед Егор разливает перцовку. Хотя тетка Липистина не очень балует его настойками да наливками, но под пельмени можно.

Поют полозья по Руси...

Теперь редко кто в деревне за дровами на лошади ездит, тем более — зимой. Дрова теперь возят на тракторах, в летнюю пору. Даже новое слово появилось — волок. Что за волок? А просто

несколько лесин, хлыстов, очищенных от сучьев и связанных по вершинам в огромный пучок, или вязанку. Зацепляет трактор тросом такую вязанку и волочет по земле. Отсюда и волок.

Но мы с дедом вынуждены ехать на лошади, у нас особое задание. Мы должны привезти дров именно сейчас, в январе, причем привезти их так немного, что о тракторе и заикаться стыдно. Может, старикам топиться нечем? Как бы не так! Три поленницы стоят вдоль забора — одна за одну заходит. И сухих, и сырых дровишек вдоволь — березовые, гладкие, самые что ни на есть отличные.

Вся недолга в том, что тетка Липистина задумала сделать домашнюю колбасу и подкоптить ее.

— Люблю, чтоб с дымком колбаса была, — говорит она.

А для копчения, известно, березовые дрова не идут. Здесь обязательно нужны таловые, то есть из талины — дерева, прямо родственного иве. И желательнее, чтобы талина та была сухой, валежной, тогда она больше дыму даст, своего наилучшего запаха для копчения колбасы.

Наспех завтракаем, надеваем шапки, фуфайки, поверх фуфаяк длинные собачьи дохи, пестрые и такие лохматые, что от одного их вида становится жарко. Тонкие вязаные варежки для работы в лесу кладем в карман, а на руки в дорогу надеваем шубинки — рукавицы из овчины ворсом внутрь. Шубинки теплы, как печки, но работать в них нельзя, от снега они размокнут, а когда высушишь, скомкаются, затвердеют и станут ломаться.

Вот теперь у нас экипировка надежная. И сорокаградусный мороз нипочем.

Выходим во двор. Султан мечется на цепи, как угорелый. Увидел, что лошадь стоит за воротами и забеспокоился, как бы дед без него не уехал. Надоело Султану на привязи, да и холодно, побегать хочется, промяться, погреться, белый свет посмотреть.

Дед спустил его с цепи. Султан, благодарно повизгивая, стал прыгать вокруг него и даже изловчился лизнуть в бороду.

И вот мы едем на стареньких розвальнях. Дед Егор у козырька сидит, правит, а я сзади на навильник сена прилег, поднял высокий воротник дохи — и сам черт мне не брат. Поют полозья на мерзлом снегу. Напористой рысью идет заиндевелая Гагара. Султан вприпрыжку бежит сбоку саней.

Дед Егор уже решил, куда ехать, — в Феофанов лог. Таловые дрова, конечно, можно и в других местах найти — вниз по речке, в Федулкином, Пашином или Поляковском логах. Но дед путь держит в Феофанов, потому что там у него копешка сена осталась и он хочет ее прихватить попутно.

Промелькнул переулочек, Зеленая улица, мель-

ница, механические мастерские, мы выехали за поскотину. Место здесь ровное, безлесое. Белый снег кругом да ометы соломы по пашне — огромные песцовые шапки. Серебряной пылью сыплется изморозь.

Вот уже и черемуховый колокол проплыл с дощатым вагончиком. Весной и осенью здесь бывает полевой стан. А сейчас — тишина, безлюдье.

— А где же курчавая береза? — спрашиваю я деда Егора.

— Выкорчевали, чтоб не мешала пахать, — кричит он в ответ. — Вон, видишь, корень на обочине остался?

Я поворачиваю голову и в самом деле вижу узловатые корневища, торчащие из снега. Вскинутые кверху, они похожи на воздетые к небу руки. Мне жаль курчавой березы. У нее летом была такая красивая, густая, почти непроницаемая крона. Дерево служило как бы маяком для таскинцев. Урочище здешнее называлось у Курчавой. «Где пахал?» — «У Курчавой». — «Где ягоды брал?» — «У Курчавой». А теперь как назвать эту местность? У Обрубленных Корней?

Не думаю, чтобы береза слишком мешала плугу. Она стояла почти на меже и занимала земли не больше квадрата. Только равнодушный человек мог проявить такую сверххозяйственность.

В Феофанов лог мы въезжаем напрямки, по снежной целине. Долго кружим среди березин и осин по заветью, пока дед не останавливает Гагару около кустов тальника.

— Рубить будем? — спрашиваю я.

— Зачем рубить? Ветер уж нарубил за нас. Давай валежины искать, — говорит дед, сбрасывая доху и вынимая из карманов вязаные варежки. Я тоже освобождаюсь от тяжелой дохи, беру топор, — он был воткнут в головки саней, — и направляюсь к валежнику, рогато выступающему из сугроба за кустами. Ударом обуха сбиваю с сучьев белую оторочку.

— Осина? — кричит дед.

— Не пойму пока.

— Срез красный?

Я всаживаю топор в потемневшую стволину — отстает щепка с изнанкой цвета охры.

— Красный! — радостно кричу деду.

— Значит, галина. Кряжуй ее — и сюда, — командует он.

Когда на сани ложится десяток коряжистых валежин с оранжевыми пятнами на свежих срубках, дед Егор резко опускает руку:

— Шабаш!

Он увязывает воз, втыкает топор в головки саней, складывает на воз дохи, лежавшие на снегу, и берет в руки вожжи. Я отказываюсь сесть на дрова, мне хочется пройти по лесу пешком.

Между деревьями — частые прошвы следов. Тут прошла стайка тонконогих коз, там пугли-

вые зайцы набили тропу, а вот просеменила чуткая лиса сбоку мышинной строчки. Наверное, той мыши уже нет на свете, одни следки остались на сугробе, да и те скоро засыплет снегом.

Гагара шумно дышит у меня за спиной, я уступаю ей дорогу и на ходу сажусь на воз. Султан бежит сзади с заснеженной мордой, точно муки наелся, — это от того, что он тычется носом в каждый след, гадая, какой зверь и когда проходил Феофановым логом. Что поделать — профессиональная привычка...

Вот и дедова копешка в лощинке. Сена совсем не видно, только небольшой холмик в сугробе. Снова дед сбрасывает дохи, берет вилы...

Из лога дорога в гору. Лошади тяжело тянут сани по рыхлому снегу, поэтому я снова поднимаюсь пешком. У Гагары такой характер: чем тяжелее поклажа, тем быстрее она переставляет ноги. Я едва успеваю за возом. Из лога поднимаюсь взмокшим больше, чем Гагара. Здесь, наверху, хиус резкий сечет и не миновать бы мне, потному на ветру, простуды если бы не матушка-дохка. Я снова надеваю ее, взбираюсь на сеной воз. От него волнуяще пахнет летом, лугом. Посиживаю себе, как у Христа за пазухой.

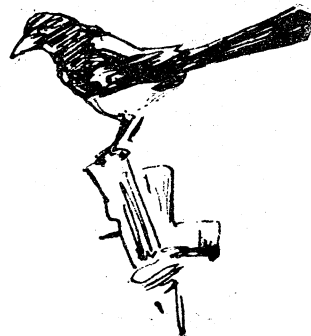
Султан забегает то с правой, то с левой стороны саней, обнюхивая каждый след, потом возвращается на дорогу, торопливо обкусывает зубами ледульки, настывшие между пальцами ног, и снова продолжает охоту за запахами.

Дед закуривает, обдавая меня дымком забористого табака, и говорит наставительно:

— Слышь, как полозья поют? Это к морозу.

Как еще слышу! Кажется, не только примолкшему зимнему лесу слышен чистый скрип саней, но и по всей заснеженной Руси...

*с. Таскино,
Красноярский край*

СОЛНЕЧНАЯ ЗЕМЛЯ

Юрий
ЛИПАТНИКОВ

Рисунок
Н. Павлова

Академик Л. С. Берг считал, что ландшафт, равно как и все его элементы, в любой момент геологической истории обладает такими чертами индивидуальности, что ни о какой повторяемости говорить нельзя. Неповторима та березовая роща и тот ручей. Через какое-то время они станут иными, но никогда им не быть вновь такими же, какими мы видим их сейчас. Да и нет совершенно одинаковых животных одного вида, и листья одного растения различимы. И строго периодические события в природе отличаются друг от друга. Но животных объединяет сходство, но листья все-таки похожи, почти одинаковы, но несомненно и периодические события не обладают уникальностью.

Десинхроноз — болезнь деловых людей, часто меняющих часовые пояса. Признаки десинхроноза впервые в начале тридцатых годов нашего века отметил американский летчик Вилли Пост. Он облетел земной шар за восемь дней. Теперь летчики за несколько часов пересекают одиннадцать часовых поясов. Пришлось даже ограничить длительность полетов и увеличить отдых летчиков. Что это за болезнь десинхроноз! Это рассогласование суточных ритмов физиологических функций, а проявляется оно со стороны кровяного давления, температуры, психики — нарушаются внимание и память. Трудно найти в организме человека орган, который функционировал бы неритмично. Нагляднее всего — ритмичные удары сердца. Все мы — часы, и наши лица — циферблаты лет.

Самое трудное — это предсказывать события будущего. Но страшный день был бы вообще непредсказуемым, если бы в природе не угадывались ритмы. И в человеческих делах без ритмов властвовала бы непостижимая стихийность. Даже опытный экономист с самой изощренной интуицией не сможет предвидеть срок выполнения производственной программы, если предприятие работает с вопиющей неритмичностью. Или, говоря языком музыки, жизнь вселенной напоминает

*ВСЕ ТЕЧЕТ, ВСЕ ИЗМЕНЯЕТСЯ...
К этому древнему афоризму пора
добавить еще одно слово: все изменяется
ритмично.*

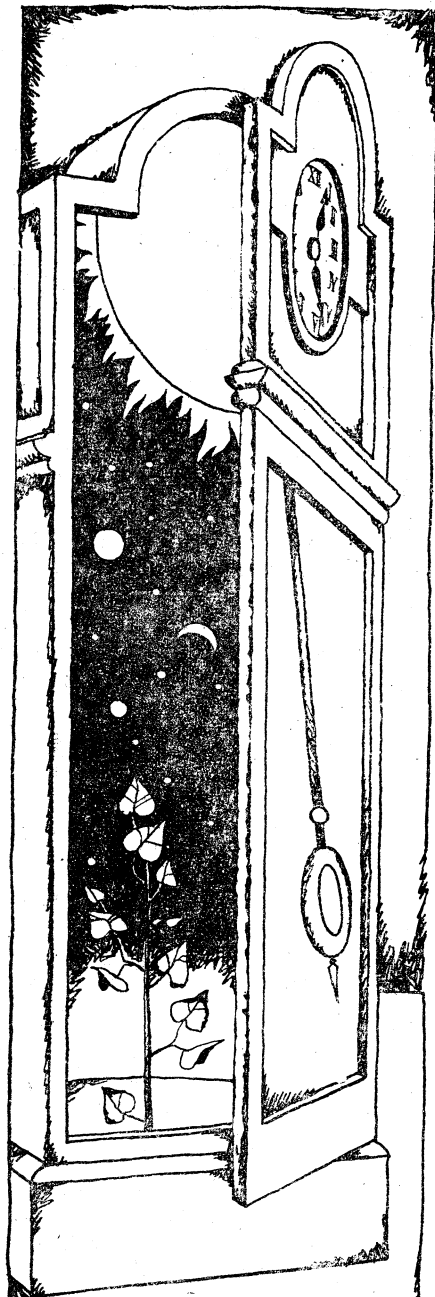
(Из бесед с учеными.)

ла бы какофонию, не будь в природных явлениях ритмов.

Увы, эти ритмы звучат не так явно, как танго или фокстрот, а тонут в разноголосице вольных случайностей. И все же фактов ритмичности развития живой и неживой природы, как песка... Из этих фактов самые различные специалисты, биологи, к примеру, лепят кирпичи гипотез и обжигают их в дискуссиях с математиками или физиками. Фактов, как песка. Кирпичей-гипотез тоже накопилось много. Но не построено здание новой теории.

Наука о ритмах не просто станет изучать в природе что-то такое, ранее никакой другой наукой не задаваемое. Ритмология нужна всем отраслям знания. Ее идеи полезны каждому человеку. Они сообщают философскую уверенность: многое можно объяснить, если отыскать в кажущемся хаосе природы логику ритмов. Даже познать самого себя легче с позиции ритмологии. Надо засесть ритмичность в смене бодрости и вялости, мрачного и светлого настроения, умственной лени и активности ума. Еще один волшебный ключик предлагается человечеству, чтобы открыть все тайные двери в мироздание, подумает скептик. Нет, ритмология — не универсальная наука, а еще одна грань материалистического метода познания мира. Ненаучно поступает тот, кто, изучая, к примеру, причины возникновения эпидемии, игнорирует строгую повторяемость этих бед. Ведь за этой повторяемостью таится зависимость бактерий от перемен на Солнце. Уже ненаучно исследовать обмен веществ в человеческом организме, не замечая, что процессы в нем идут ритмично. Уже ненаучна та картина мира, в которой не проявлены ритмы природы.

Не построена еще наука о ритмах. Наверно, поэтому прошлогодний симпозиум по ритмам, состоявшийся в Ленинграде, проходил хоть и в здании Географического общества, а будто бы под открытым небом — смелые гипотезы молодой науки, как метеоры, непрерывно сверкали на совещании ученых...

Огненные приливы?

Каждая былинка жива Солнцем. Никакое растение не сможет жить без солнечных лучей. А зависит ли огромное Солнце от скромной Земли и от других солнечных планет — Меркурия, Венеры, Юпитера, Сатурна? Солнце под натиском подчиненных планет вверенной ему системы не шелохнется! — иронически восклицают ученые, которые признают лишь власть Солнца и отрицают то, что и оно может быть под чьей-то властью. А другие ученые математически доказали: сообща планеты солнечной системы возмущают державное светило, вызывая на нем приливы. Да, приливы, оказывается, «забава» не только земного океана. Огненный океан на Солнце гонит приливные волны.

Нам сейчас солнечные приливы нужны не сами по себе, а чтобы «обвинить» их в том, что они — главная причина изменения числа солнечных пятен. Такое толкование пятнообразования на Солнце дал еще в 1900 году американский астроном Э. Браун. А ведь это получается, что Земля сама себе заказывает в космосе погоду... Она воздействует на светило (конечно, вместе с другими планетами), возбужденное Солнце возмущает магнитное поле Земли, начинаются волнения в ионосфере, атмосфере. Конечно, картина взаимодействия планет и шторм Солнца сложнее. Запомним: сама Земля не бессильна в дружине планет солнечной системы.

В эту идею Э. Брауна за три четверти века было пущено довольно много критических стрел. Она устояла. Совсем недавно ее поддерживали зарубежные исследователи и советский ученый И. В. Максимов. Он статистически показал: изменение числа солнечных пятен впрямую связано с переменами земной погоды. Антибрауновцы упорствуют: приливы на Солнце, вызываемые планетами, до смешного малы, это не приливы, а скорее мелкая дрожь, ибо высота волн солнечного вещества не может превышать... миллиметра. Это, якобы, приговор гипотезе Брауна: нет приливов — значит, огненный шар волнуется по какой-

то другой причине, солнечная активность меняется от неизвестной силы.

Приливы на Солнце? Ответ с высоким математическим накалом и строго дает молодой ленинградский ученый В. Б. Ржононицкий. Коли солнечные приливы мы пока не можем разглядеть и в самый гигантский телескоп, волны на Солнце можно ловить лишь в сети математики. Но задача трудна, хотя бы по таким причинам. Солнечное вещество неодинаково по плотности, неодинаково оно и плещется в разных широтах, потому что скорость вращения отдельных частей шара тоже разная. По земному рассуждая, угловая скорость вращения Норильска будет иной, чем у Калькутты. Норильск совсем недалеко от макушки Земли, а индийский город ближе к экватору. Поэтому ученый решил упростить задачу. Он стал рассматривать приливные движения в предполагаемом глубоком и узком экваториальном канале, окружающем Солнце. Так он по крайней мере устранил разность скоростей вращения солнечного вещества. В канале волна должна бежать с одной скоростью. Период вращения экваториальной части Солнца вокруг оси — 25 суток. И была решена система дифференциальных уравнений движения и неразрывности, выведенные формулы характеристик полусуточных приливов в рассматриваемом канале, силы инерции и силы градиента давления. Потом были исключены из формул все мелкие члены, и выводы приобрели более простой вид. Какие физические признаки светила еще были включены в расчет? Гравитационная постоянная, масса планеты, расстояние между центрами планеты и Солнца, гелиоцентрическое склонение планеты...

Математику, как и музыку, пересказывать сложно, да и можно ли сказать точнее самих формул. Оттого сразу заглянем в ответ интереснейшей задачки «Есть ли на Солнце приливы?» Автор увлекающейся научной работы считает, что приливы не только есть на нашем незаменном светиле, но волны бегут во всей толще сверхгорячего вещества. Значит, солнечный газ не может не перемешиваться и, следо-

вательно, излучения Солнца не могут не меняться. Получается до удивления просто: ходит-волнуется океан огня и через какое-то время не может не заходить ходуном, не заволноваться Мировой океан. Ведь то, что погода на нашей планете определяется Солнцем, уже признали подавляющее большинство ученых-метеорологов. Разумеется, земная погода зависит не только от числа пятен, появлением которых не исчерпывается солнечная активность. Воздействие Солнца на Землю во многом еще непознано. И гипотеза ленинградского ученого В. Б. Ржононицкого продвигает нас к мысли, что недотрогу Солнце может потрогать математика, которая зорче телескопов и надежнее космических кораблей. Усвоим: приливы на Солнце не до смешного малы, а солидны, и оказывают влияние на солнечный ветер, прилетающий к Земле. А этот-то солнечный ветер и наполняет паруса земной жизни. Он — главный источник энергии. Усвоим: солнечные приливы возникают от закономерностей движения планет, это значит, мы можем предсказывать, когда Земля и другие планеты какую себе погоду заказывают в космосе.

Как проверить гипотезу ученого? Действительно ли приливы на солнце бывают каждые 25 часов? Проверить можно, к примеру, так: вынести за пределы земной атмосферы экран, чувствительный к изменениям солнечной радиации. Если солнечный свет, летящий к Земле, тоже пульсирует с интервалом 25 часов, то эта пульсация, возможно, связана с солнечными приливами, зависит от них.

Указ центра Земли...

Магнитный центр Земли... Это не математическая абстракция, а физическая реальность, а конкретное — субъядро Земли, которое движется в жидком ядре. Если же такая гигантская штукавина перемещается там, внутри планеты, то это не может ни на чем не сказываться.

Может быть, движения субъядра чувствуют и растения, и животные, и люди, и это отражается на их судьбе? Возможно, намагниченное субъядро оставляет след не только в глубинах планеты, но и в глубоком прошлом людей?

Итак, мы уже выговорили гипотезу о медленном перемещении магнитного центра Земли, добавим, что это перемещение вызывает изменение силы тяжести на нашей планете. Зарубежные ученые Л. Эдьеда и Г. Барты говорят о перераспределении масс в жидком ядре и о том, что магнитный центр Земли, будучи несбалансированным в системе Луна — Земля — Солнце, как бы плавает. Многократно и с высокой точностью измерили силу тяжести близ Парижа. Убедились: да, она меняется! С 1967 по 1969 год она уменьшалась, а затем стала увеличиваться, тоже недолго, тоже два года. Что за пульсация силы, о чем она рассказывает? Исследователи предположили: Париж находится около нулевой изопоры силы тяжести. И советские ученые подтвердили: карта уловленных изменений силы тяжести показывает, что магнитный центр Земли ходит вместе с субъядром, и Париж, верно, стоит на нулевой изопоре...

Во французском городе Гренобле состоялся симпозиум, на котором было решено провести серию экспериментов, чтобы доказать или опровергнуть существование загадочных изменений силы тяжести в разных районах планеты. Что еще ценного можно извлечь из ожидаемого доказательства?

Крупный наш ученый географ А. В. Шнитников установил, что материка северного полушария изменяют свою увлажненность через равные периоды времени — через 1800—1900 лет. Такой же цикл, к слову, у Арала: через 18—19 веков он становится полной чашей. Другие ученые выявили ритмы в колебаниях климата. Что ж это, начали с дрейфа намагниченного субъядра Земли, а кончили переменами климата?.. Между этими явлениями ученые И. Пудовкин и Г. Валуева нашли тесную связь. Дело в том, что субъядро ходит тоже с периодом 1900 лет! Двигаясь, оно возмущает

магнитное поле Земли, а магнитное поле взаимосвязано с атмосферой. Вот что периодически в Средней Азии, например, создает условия для мощных антициклонов — плывущее в глуби планеты намагниченное субъядро. Это оно приводит черные времена в благодатные края, оно шлет длительные засухи.

Не здесь ли отгадка причины «великих переселений народов»? Особенно, кочевых, которые свирепо вторгались в чужие страны, богатые травой, чтобы спасти свои многочисленные стада, чтобы спасти свой образ жизни. Движение татаро-монгольского конгломерата племен, напоминающее своей исторической внезапностью срыв снежной лавины в горах, нельзя объяснить лишь как движение огромных масс людей исключительно по воле деспотов. Дрейф магнитного центра Земли, возможно, тоже подстегивал дрейфовать к лучшим пастбищам племена и народы. Так наука о природе неожиданно подает мысль науке об обществе, предлагает идею о том, что ритмы природы вливались в ритмы человеческой истории, природа и общество — не рельсы, соединенные шпалами разного рода взаимодействий, а соединены живой связью, как плод с ветками дерева. Или лучше всего вспомнить высказывание К. Маркса о том, что «сама история является действительной частью истории природы, становления природы человеком. Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука». Это Марксово «будет» — в силе. Пусть сейчас еще нет такой науки, это — наука будущего.

Кольца, подушки и болота

Биологи убеждаются в том, что ритмы есть, разглядывая в микроскоп годичные кольца на спиле деревьев. Толщина колец неодинако-

ва — это очевидно, но ясно и то, что прирост древесины слабеет или усиливается через равные промежутки времени, то есть ритмично. Деревья — беспристрастные летописцы колебаний климата. Они помогли, например, выловить в прошлом проявление 22-летнего цикла. Деревья помнят даже то, в каком направлении дули ветры пять тысяч лет назад. Надо только, чтобы ученому попал в руки древний пень, который вымыла из песка река в тундре. На Крайнем Севере обломки деревьев сохраняются лучше, поэтому настоящая охота за вековыми корягами бывает именно там.

Биолога, который по годичным кольцам деревьев определяет ход времен, называют зубодробительным словом «дендрохронолог». Такие специалисты работают в институте экологии растений и животных Уральского научного центра. Они датировали некоторые постройки древней Мангазеи. Это было косвенное доказательство того, что дендрохронологи довольно точно вычисляют, когда что было. Это и надежда на то, что можно вычислить, когда что будет. К примеру, было обследовано прошлое фисташковых деревьев. Действие уже происходит не на Крайнем Севере, а на самом юге. Биологи заметили: прирост древесины был в определенные годы, а урожая фисташек не было, то есть деревья толстели, но не плодоносили. Вот бы рассчитать повторение таких бесплодных лет в будущем, тогда можно было бы и соответственно строить в неурожайные годы деятельность колхоза.

А это — метод, родственник дендрохронологии. В горах Средней Азии распространены растения-подушечники — подушки. Самые крупные из них живут сотни лет. Сообщества растений, в которых много подушек, так и называют — подушечники. Биологи многие дни не «вылезают» из подушек, чтобы измерить чуть приметные колебания годового прироста. В среднем 0,2—0,3 сантиметра. И вот биолог заметил все эти колебания и то, что подушечники в последнее время наступают... О чем это говорит? Теплее стало в горах, начинается.

смягчение климата и это чувствуют подушки? Еще один метод поиска ритмов в природе. Толща торфяных слоев в болоте — книга времен. Известно, что величина ежегодно откладывающихся на болоте слоев зависит от климата. Слои эти тонкие, чуть толще книжного листа: в западносибирской тайге скорость торфонакопления — 0,3—0,6 миллиметра в год. Биологи перелистали много болот, просматривая такие далекие эпохи, как голоцен. И увидели, что в слоях торфа запечатлены климатические ритмы: в такие-то времена было теплее, в такие-то времена было холоднее. Даже сама растительность менялась от этих ритмичных колебаний климата, и это видно в торфяных слоях.

Шаг по времени

Зачем изучать ритмичность природных явлений? Как мы уже говорили, это реальный путь прогнозирования будущего природы, а следовательно, и будущего людей. Ритмы пронизывают деятельность и молекул, и планет, поэтому все науки могут перепроверить свои знания, учитывая ритмичность событий. Пока же никто в нашей стране ритмикой природы программно не занимается. Нет института ритмологии и даже лаборатории. А ритмичность — главное, фундаментальное свойство природы. Вселенная, Земля, человек живут ритмично, а вернее, многоритмично. Например, лишь внутривековых ритмов насчитывают полтора десятка, вековых — шесть, продолжительностью от 160 до 1900 лет. Найдены ритмы продолжительностью 370 000, 185 000, 90 000, 40 000, 21 000, 3700 и 1850 лет. Какие же из этих угаданных ритмов — ведущие в развитии природы? Какие — второстепенные, и только усложняют понимание хода событий? Например, в долгой жизни ледников гляциологи запеленговали 22—23-летний ритм (по Солнцу), 89-летний (вековой), 1050-летний (орбитальный), а также 1850-летний, 407 000-летний, возможно, и 500 000-

летний, и 100 000 000-летний галактический ритм. Эти ритмы и создают схему динамики ледников Земли, и они же по сути определяют все стороны жизни нашей планеты.

Отрицая ритмичность, иные исследователи приходят к признанию непознаваемости развития природы, невозможности создать теорию Земли. Ритмология проясняет взгляд на скрытые причины изменений в природе: наше знание родной планеты не может не стать от этого глубже, если мы еще и научимся слышать, как ритмы Земли сплетаются с ритмами космоса.

Какова сегодняшняя польза от ритмологии? Предвидение неурожайных лет сняло бы с человечества часть забот. Ученые мечтают, что предвидение будущего природы, будущих засух позволит перейти на импульсивные, на более гибкие методы хозяйствования.

Игра чисел, игра природы

Кто видел, как на экране осциллографа нескончаемо плывет зеленая синусоида, чаруя кошачьей гибкостью и правильностью колебаний, тот поймет наслаждение ученого, вычислившего в какой-либо из земных стихий четкий ритм. Умственным взором он видит: гармонично, по синусоиде плывет жизнь природы: мягкий подъем сменяется бережным спадом, за спадом неукоснительно следует подъем. У ритмологов это так и называется: выявить в природных явлениях гармонии. Происходит сплав знания с красотой. ярко выраженные закономерности природы, найденные исследователем, воспринимаются как нечто прекрасное. Бежит жизнь природы по синусоиде, будто кто-то играет нитью жизни, гоня по ней правильные волны...

Разговоры о ритмах часто остроконфликтны. Одни видят ритмы повсюду и сводят их к простой периодичности, такой, какой подчиняется выход газеты. Другие обстоя-

тельно отвергают мысль о том, что природа «ритмична», а полагают — все происходящее вокруг хаотично. На якобы угаданные ритмы, добавляя они едко, положиться нельзя в предсказании будущего. Третьи резонно замечают: бывает, нетерпеливые исследователи принимают за ритмы природы игру чисел, но, случается, и эти же исследователи, слишком поспешающие срывать научные истины, отбрасывают явные закономерности, как будто бы случайные. Вот почему надо учиться фильтровать случайности приемами статистики. Это — голос математически умудренного ученого. Это — слово специалиста, который остро чувствует: крупные идеи, как золотые самородки, уже найдены, направления науки, богатые идеями, выработаны. Теперь осталось перемолоть массу разрозненных фактов, чтобы заструилась закономерность. Значимым становится лишь то, что статистически значимо. Без математического осмысления природа проходит перед глазами безликим полотном. Так ученые, просветленные математикой, критикуют коллег, отуманенных одной лишь физикой.

Но, видно, нет ничего в подлунном мире, чтобы не умело обернуться своей противоположностью. Писатель Э. Кроткий сказал, как припечатал: окно в мир можно закрыть газетой. И математика, если ей переувлечься, может, как та газета, закрыть окно в мир облаков, рек, морей. Цифирь заслонит планету, начнется самодвижение цифр, расплывшихся с мушиной скоростью. И лишь мелькание цифр, лишь жужжание счетно-решающих устройств... Так ученые, просветленные физикой, критикуют коллег, отуманенных математикой.

Так наука о ритмах хочет стать строгой наукой, а не гаданием. И в то же время страшится утратить в математических бдениях способность видеть чарующую картину вечно меняющейся природы... Ведь мы живем на живущей, а не на мертвой планете.

■ ИНФ, НИИЧАВО
и... НИИФИГА

■ Засекреченный
«пуудли»

■ По стопам
де Бержерака

■ О воде живой
и мертвой

■ Итоги
«викторины-77»

Без знания не угадаешь...

Читатели, как обычно, и хвалят, и порицают нынешнюю нашу викторину.

Одни пишут, что она «была потруднее предыдущих, но и интереснее, особенно вторая ее часть».

Других по-прежнему не устраивают обзорные вопросы. «Открывай соответствующие книги—и пиши подряд»,—сетуют они и просят помещать в дальнейшем вопросы сугубо конкретные.

А третьи—протестуют против этой вот сугубой конкретности! Не исключено, сомневаются они, что, скажем, тот же «пуудли» придуман... автором вопроса. И вообще—при ответах на подобные вопросы «ума большого не требуется, тыкай себе пальцем в стог сена, авось иголка и сыщется»...

Мы все-таки не склонны полностью следовать пожеланиям второй группы участников викторины. Но и мнение третьей категории читателей тоже не разделяем. Любая викторина подразумевает знание конкретного материала, в любой викторине, как говаривал В. И. Даль, «без знания—не угадаешь», в любой викторине правомочны вопросы каверзные, непростые...

Покончив с этой краткой преамбулой, перейдем к первой группе вопросов, опубликованных в февральском номере нашего журнала.

1. В КАКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ КАКОГО АВТОРА УПОМИНАЕТСЯ ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ?

Начнем эпически: каких только институтов не встретишь на страницах фантастических книг! Но... «Это, пожалуй, единственный вопрос, на

который я не могу дать максимально конкретный ответ,—подобно многим нашим читателям, с грустью констатирует ташкентец Алексей Мельников.—Я знаю только...»

Дальше мысль отвечающих устремлялась в разных направлениях. «Но я знаю такое произведение,—делится с нами девятиклассник из Нижнего Тагила Евгений Савкин,—в котором НФ пишет робот. Это «Карьера Жестяного Майка» Зубкова и Муслина...» Свердловчанин

В. Коблов добавляет к этому, что «в рассказе И. Варшавского «Предварительные изыскания» описана целая фирма по производству НФ — тысяча романов в год!» А ленинградец В. Ежов напоминает, что еще Герберт Уэллс в романе «Люди как боги» утверждал: НФ литература сохранится и через три тысячи лет.

Реальные аргументы в пользу подобных утверждений искали в литературе о фантастике другие наши читатели. Г. Прокопик (Вязники Владимирской обл.) приводит, к примеру, цитату из статьи Генриха Альтова: «...курс НФ литературы войдет в учебные программы вузов». Более сведущ Л. Абдулин (Казань): «Во многих университетах США и Канады читаются курсы лекций по НФ. Создана международная Ассоциация по изучению НФ, от нее уже недалеко до искомого учреждения...»

Третьи обращались к учреждениям, по воле фантастов занимающимся — как и сама фантастика — исследованием Будущего. Институт новых идей, Институт планирования будущего, Институт перспективных проблем, Институт футурологии... Что ж, бурно развивающаяся ныне прогностика многое позаимствовала у фантастики...

Учреждения, занимающиеся непосредственно фантастикой, выискивали четвертые. Чаше всего — в каждом пятом ответе — назывался Инфант (он же НИИНФ) из «Нелинейной фантастики» Г. Гуревича, — Научно-исследовательский институт нелинейной фантастики. Но, как подметил А. Безлатный (Челябинск), рассказ Гуревича опубликован в июньском-июльском номерах журнала «Техника — молодежи», через несколько месяцев после того, как мы напечатали нашу «викторину-77». Задавая вопросы, мы не догадывались еще о существовании данного НИИНФа...

Л. Зяткова (Челябинск) и О. Китаева (Свердловск) в киноповести Н. Эйдельмана «Пра-пра...» обнаружили Научно-фантастическое отделение при АН СССР. Семиклассник из Кургана Андрей Киришин назвал Институт сказок из повести М. Сергеева «Волшебная калоша». Сходный — Волшебно-сказочный — институт отыскали читатели в повести Г. Гора «Сад». Кроме того, общими усилиями отвечавших подобралась у нас целая группа забавных аббревиатур: НИИНЯП, НИИКАК, НИИНЕ, НИИ НУ-И-НУ и даже НИИФИГА....

Кстати, названный выше НИИНФ, возможно, вовсе не случайно находится на острове в Белом море, — подсказывает В. Бригадир (Мурманск). Ведь где-то «почти по соседству» (что для фантастики — жалкая тысяча километров?) расположился другой по-настоящему знаменитый НИИ, тоже (еще был!) земе-

ченный нашими читателями, — НИИ ЧАВО из повести А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу».

«Должен заметить, что вопрос не столь трудный, как каверзный, — пишет В. Забирко (Донецк) и пророчески предвещает: — Очевидно, некоторые читатели назовут в своих письмах НИИЧАВО братьев Стругацких. И не без основания — настолько великолепно он выписан... Однако именно Институт научной фантастики описан в приятной юмореске «И техника перебарщивает» болгарского фантаста Антона Донева».

Что ж, В. Забирко прав. Вместе с ним правы и еще 10 участников викторины. И все-таки мы-то имели в виду не юмореску. Любители НФ могли ее и не заметить.

Но вот роман М. Ляшенко «Человек-луч» наверняка читали многие. А назвали, отвечая на викторину, лишь 29 человек. Между тем, именно в нем фигурирует Институт научной фантастики, призванный «воздушевлять науку, звать ее вперед, вдаль»...

2. КТО ТАКОЙ «ПУУДЛИ», ГДЕ ОБИТАЕТ, КЕМ ПРИДУМАН?

«Пуудли — какой-то фантастический персонаж. Мне кажется, необычайно добрый и небольшой ростом...» — поделился своими соображениями один из читателей. Увы! Зная о пуудли все, что можно узнать, охотнее согласиться с Юрием Олдаковским (Воркута): «Если бы пуудли когда-нибудь попал в зоопарк, его поместили бы к особо опасным видам. Объявление, которое висело бы перед клеткой пуудли: «Внимание! Крайне опасно! К клетке подходить строгойше воспрещено!»

Зверь-телепат пуудли придуман К. Саймаком в рассказе «Спокойной ночи, мистер Джеймс». Наделенный зачатками разума, сильный и ловкий, этот зверь, будучи полностью во власти инстинкта самосохранения, слепо уничтожает все живое вокруг. По преступному легкомыслию зоопсихолога Джеймса попав на Землю, пуудли едва не становится причиной гибели человеческого рода...

С «заковыристым» вопросом о пуудли справились 42 участника викторины. Но ни один из них не смог указать точного места обитания свирепого зверя: Саймак благозвучно его «засекретил»...

Возможно, писатель и впрямь

опасался, как бы еще какой-нибудь чересчур уж ретивый исследователь инопланетной фауны не вздумал вновь привезти пуудли на Землю...

3. ОДИНОКА ЛИ В СОЗДАННОЙ ФАНТАСТАМИ ВСЕЛЕННОЙ ПЛАНЕТА СОЛЯРИС?

Как ни стремились мы подбирать для «обязательной программы» максимально конкретные вопросы — нам это, будем самокритичны, удалось далеко не во всех случаях. Вот и этот вопрос: в каких только разрезах не исследовали его читатели!

Прежде всего, дружно признали: в многозвездном небе фантастики полным-полно самых разноименных планет! Безусловно прав Марат Исангазин (Омск): «Каждый фантаст считает делом чести добавить еще хотя бы одну планету к фантастической Вселенной. (А какое богатство названий! — восторгается он в скобках, и мы вполне разделяем его восторг. — Невозделанная целина для топонимии...!)»

Далее. Одинока ли в фантастическом космосе планета **Солярис**? То есть — планета именно с этим именем? Что ж, поищем... И представьте себе — нашли! «Если редакция имела в виду сходство по названию, то в романе А. Азимова «Обнаженное солнце» есть планета **Солярия**», — пишет девятиклассник из Горького Юрий Боровиков. А Линар Абдулин указывает и на не переведившийся у нас роман американца Нормана Спринграда «Жители планеты **Солярис**!»

Солярис по С. Лему — планета в системе двойной звезды. Ах, так?! — словно бы восклицают читатели и обрушивают на нас каскад подобных же — в системах двойных звезд — планет: Теллус в «Робинзонах космоса» Ф. Карсака, Малышка в «Ловушке для простаков» А. Азимова, Анизателла в «Сфере Шварцшильда» М. Емцева и Е. Парнова...

Планета, покрытая океаном? А «Инфра Дракона» Г. Гуревича, Венера в «Сестре Земли» П. Андерсона, Аквация в «Советниках короля Гидропса» самого С. Лема, Траидент в «Мятеже шлюпки» Р. Шекли?!

Планета, покрытая Океаном — с большой буквы? Живым и, более того, разумным Океаном? Вот этот-то «разрез» вопроса и имела в виду редакция... Что ж, 24 наших читателя вполне успешно разыскали Эйликс из «Одинокой планеты» М. Лейнстера. Именно она, эта планета-океан, чей дремлющий разум оказался разбужен не слишком-то внимательно к ней землянами, мучительно

переживала свое одиночество и действительно была одинока в фантастическом космосе, пока не появился — на правах ее младшего брата — Солярис... Четыре наиболее дотошных участника викторины обнаружили и «живой океан загадочной планеты 926-Б-719», одной-единственной строчкой(1) упомянутый в рассказе В. Рыбина «Земля зовет». А. Безлатный к «микрородственникам» Соляриса относит и «Отца-Аккумулятора» — озеро, питающее электроэнергией аранов в третьей книге романа С. Снегова «Люди как боги». Уже от себя добавим, что озеро протоплазмы, порождающее квазилюдей, фигурирует в «Звездных королях» Э. Гамильтона, что живое Оранжевое море находится на Оранжевой планете и герои повести В. Михановского «Оранжевое сердце»...

Попутно читатели перечислили не один десяток других планет, чем-либо близких Солярису.

Это, во-первых, планеты, покрытые вместо Океана иной мыслящей — или хотя бы чувствующей — однородной субстанцией: «сиреневыми песками» («Аналогия» М. Емцева и Е. Парнова), цветами («Все живое» К. Саймака, «Цветы Альбароссы» М. Грешнова), «первичным илом» («Последняя великая охота» А. Якубовского).

Это, во-вторых, планеты, заселенные сообществами с жестко сбалансированной экологией, — все живое составляет в подобном мире единое целое. Таков, к примеру, Пирр в романе Г. Гаррисона «Неукротимая планета». То же — и в романе Р. Маккены «Охотник, вернись домой», и, скажем, в рассказе Д. Шмица, который так и называется: «Сбалансированная экология».

В-третьих, это планеты, на которых, как и на Солярисе, землян подстерегают псевдореальные образы, извлеченные из памяти людей, двойники или всевозможные иные вполне ощутимые «фантомы»; на поверку такие планеты могут оказаться «искусственницами» — чудесным творением высокоразвитых братьев по Разуму («Третья экспедиция» Р. Брэдбери, «Вечный эрзац» Э. Ван Фогта, «Планета для контакта» Е. Гуляковского, «Запрещенная планета» В. Стюарта, «Звездные берега» С. Слепынина и многие другие произведения).

В-четвертых, это... живые планеты, — их мы еще коснемся, отвечая на один из следующих вопросов.

И, наконец, каким-то боком примыкают сюда — в силу собственной необычности — разнообразные планеты-механизмы («Фактор ограничения» К. Саймака, «Запретная зона» Р. Шекли, «Порт Каменных Бурь» Г. Альтова)...

4. ДЛЯ КАКОГО ФАНТАСТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ НУЖНЫ: а) ОХОТНИЧЬЯ ПАСТА, ГРИБНОЙ СОУС, ЗЕЛЕНЫЙ ЛУК, СОЛЬ И ПЕРЕЦ; б) РИСОВАЯ МЕТЕЛКА И БОМБА С ЧАСОВЫМ МЕХАНИЗМОМ?

«Ну, конечно же, для охоты на курдюка!» — воскликнули дружным хором Михаил Ищенко, десятиклассник из Свердловска, и с ним еще четыре пятых всех участников викторины.

«Это был для меня самый легкий вопрос», — во многих письмах встретила нам эта фраза. Кстати, и для обработки ответов этот вопрос оказался наиболее легким. Чтобы проверить правоту отвечающих, здесь не было нужды просматривать десятки книг. Ведь курдюки, как известно, обитают лишь в «Звездных дневниках Йона Тихого» С. Лема («Путешествие четырнадцатое») и... в рассказе В. Третьякова «В гостях у курдюка», о котором вспомнила, отвечая, одна только Алиса Щербакова, восьмиклассница из Перми.

5. ЧТО БЫ Я НИ СОЧИНЯЛ, ЧТО БЫ Я НИ ВЫДУМЫВАЛ — ВСЕ ЭТО БУДЕТ УСТУПАТЬ ИСТИНЕ, ИБО НАСТАНЕТ ВРЕМЯ, КОГДА ДОСТИЖЕНИЯ НАУКИ ПРЕВЗОЙДУТ СИЛУ ВООБРАЖЕНИЯ.

Эти слова принадлежат знаменитому Жюльо Верну, — более половины участников викторины правильно ответили на этот вопрос.

Объем обзора не позволяет нам сейчас же остановиться на второй половине вопроса («Читали ли вы его книги...»), но мы надеемся, что в будущем у нас еще найдется повод сделать это.

6. МОЖНО ЛИ ПОСТРОИТЬ ПОДВОДНУЮ ЛОДКУ, В ТОЧНОСТИ СЛЕДУЯ ОПИСАНИЮ ЖЮЛЯ ВЕРНА? И ЕСЛИ НЕЛЬЗЯ, ТО ПОЧЕМУ?

«Даже не углубляясь в чисто технические подробности, можно сказать: нет, нельзя. И дело вовсе

не в неправильности каких-то конкретных деталей, нет. Главная неточность кроется в другом. Лодка, построенная точно по описанию, окажется совсем-совсем не подводной: она чересчур «пустая». Свободный объем внутренних помещений так велик, что скомпенсировать выталкивающую силу, порожденную им в соавторстве с законом Архимеда, невозможно уже ничем. Не помогут ни массивные аккумуляторные батареи, ни двигатели, ни любые другие металлические конструкции. Возьмите для сравнения хотя бы современный автомобиль, да что автомобиль — танк возьмите! Казалось бы, сплошное железо, огромный вес, но обеспечьте полную герметичность — поплывет! (И плавают, кстати). Сейчас существуют подводные лодки, превосходящие по размерам легендарный «Наутилус», но знаете ли вы, как там тесно? Немалую долю забот доставляет конструкторам именно проблема лишнего пространства, точнее объема. Стоит на мгновение допустить, что эту сторону дела не учли, и построенная лодка пробкой вылетит из воды, и «употить» ее можно будет только самым радикальным способом: продырявить!»

Этот отрывок мы выбрали из письма А. Безлатного. Если же вам нужны — в качестве доказательства — точные цифры, — Михаил Миркес, десятиклассник из Новосибирска, рекомендует познакомиться со статьей инженера-кораблестроителя А. Гроссмана «Комфортабельный «Наутилус» и тесная «Пантера» (журнал «Наука и жизнь», 1968, № 3). С нею, кстати, уже знаком кое-кто из 22 участников викторины, правильно отвечавших на этот вопрос.

Вообще же... Я считаю, не стоит особо скрупулезно выискивать просчеты Ж. Верна. Ведь все-таки «Наутилус» — это символ свободы человека в борьбе с природой, гимн уму человека... Нам приятно было прочитать эти слова В. Просвирнина (Челябинск), приятно было убедиться, что его мнение разделяют в целом все участники викторины. Более ста лет назад явился миру капитан Немо. Но еще и сегодня, как пишут В. и А. Егоровы (Тбилиси), «читая романы Жюльо Верна, пропускаясь, не думаешь о тех мелких ошибках и неточностях, которые встречаются на страницах книг писателя»...

7. КАКОЕ САМОЕ БОЛЬШОЕ СУЩЕСТВО ВЫ ВСТРЕЧАЛИ В ФАНТАСТИКЕ?

Велики в фантастике неразумные существа. «Взбираясь на курдюка, — напоминает А. Бурцева (Ир-

кутск), — приходится пользоваться альпинистскими принадлежностями, ибо животное это величиной с гору. Но и курдлы бледнеют перед животными, обитающими в открытом космосе. Таковы, скажем, замеченные В. Бригадиром «звери Сбитнева» (Е. Войскунский и И. Лукодянов, «Глест звездных морей»); их рост — полмегаметра. Пятьсот километров в пересчете на привычные мерки..

Как и 20 участникам викторины, нам сначала показалось, что самое большое живое существо в фантастике — это живая туманность из «Путешествия Алисы» К. Булычева. Но, по словам самого К. Булычева, «туманность нас разочаровала. Она, наверно, очень эффектна в межзвездном пространстве, когда растлаеется на миллионы километров, но здесь, на траве, она казалась чуть пульсирующим серым сгустком тумана...» Что ж, прав Л. Абдулин, констатирующий нередкую переменность размеров фантастических существ; начало этой переменности положили еще великаны Франсуа Рабле, которым ничего не стоило войти в обыкновенную дверь и... накрыть языком целую армию!

22 читателя вспомнили и «Пиявку» из одноименного рассказа Р. Шекли, которая могла расти до бесконечности, пожирая планеты, звезды и целые галактики. («Вот откуда в космосе «черные дыры»!!!» — иронизирует восьмиклассник из Горького Алексей Зверев).

Однако велики у фантастов и существа разумные. Самые крупные из них, по словам В. Ежова, «намного больше наибольших неразумных, наверно, — чтобы поразить воображение читателей...»

Среди разумных существ космических масштабов читатели называют Эйликс и Солярис, а с ними заодно — и живые планеты. Список таких планет, будем считать, открыл еще А. Конан Дойль («Когда Земля вскрикнула»). Найдены они и у Р. Брэдбери («Здесь могут водиться тигры»), у А. и Б. Стругацких («Малыш»), у К. Булычева («Девочка с Земли»). Да и в нашем журнале, в предыдущем номере, читатели встретились с подобной планетой в рассказе С. Другалы...

Называются и живые звезды, — таковыми они предстают в рассказе С. Лема «Правда».

Примерно треть участников викторины считает самым большим живым существом «Черное облако» из романа Ф. Хойла: объем этого сверхинтеллекта 10^{40} см³, а масса $1,3 \cdot 10^{30}$ г.

Алиса Щербакова сообщает нам о живой галактике из романа Э. Ван

Фогта «Путешествие «Космической Гончей», — это, увы, злобная галактика, и люди борются с нею, в конце концов ее побеждая. (Добавим от себя, что подобное происходит и в рассказе И. Акимова «Посетите витиллюзион».)

По косвенным признакам необычайно велики, считает В. Ежов, и существа из рассказа Р. Шекли «Запретная зона»: земляне находят планету, увенчанную огромным столбом с кольцом на конце; этот столб оказывается... ключом, которым заводят «планету-игрушку»; представьте-ка себе размеры детишек, забавляющихся этой игрушкой?!

А сверхсущество из «Путешествий профессора Тарантоги» неутомимого С. Лема?! Из звезд (ни больше, ни меньше!) оно выплывает себе «солнечницу» и так рассуждает само с собой: «Я? Да, я. Где? Вероятно, везде. И, возможно, даже еще дальше. И все, и все еще я? Ничего, только я? О, что за бесконечность...»

Этот, несомненно, юмористический вариант суперинтеллекта припомнили 13 наших читателей. Однако сходный вариант существует в фантастике, как говорится, и «на полном серьезе», — его назвали нам А. Баранов (Геническ Херсонской обл.), В. Козубов (Алтайская гидрогеологическая экспедиция) и В. Забирко.

Речь идет о новой повести А. и Б. Стругацких «За миллиард лет до конца света». Как пишет В. Козубов, «если Мироздание (Вселенная) проявляет какие-либо действия, направленные на сохранение своей жизнедеятельности, то можно сказать, что оно (если Вселенная — она) является живым существом. А что может быть больше Вселенной?»

Нам остается добавить, что Вселенная как живое существо (а галактики — в качестве ее нейронов!) фигурировала и в романе Н. Руденко «Волшебный бумеранг».

А ответ на этот вопрос мы закончим рассуждениями лунного философа в «Ином свете» Сирано де Бержерака, приведенными в письме Марата Исангазина. «Представьте себе Вселенную в виде огромного животного; представьте себе, что звезды, являющиеся мирами, пребывают в этом огромном животном тоже как огромные животные, служащие, в свою очередь, мирами для различных народов, вроде нас с нашими лошадьми и т. п., а мы точно так же представляем собой миры по отношению к неким животным, которые неизмеримо меньше нас...» Знакомство с этой цитатой, нам кажется, должно смягчить шок, если кто-либо испытал его по прочтении предыдущих абзацев...

8. КТО ИЗ ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ И В КАКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ ГОВОРИТ О ВОДЕ ЖИВОЙ И МЕРТВОЙ?

Добрая половина отвечающих вспомнила повесть И. Валентинова, которая так и называется: «Мертвая вода», — и события которой (своей конкретностью, пожалуй, наиболее близкие сказочным вариантам) развертываются на вполне реальном, очень живо написанном фоне.

Почти столько же читателей называли «Понедельник начинается в субботу» А. и Б. Стругацких. («Вода живая. Эффективность 52%...» — читает Александр Привалов и рассматривает старинную прямоугольную бутылку с пробкой, залитой цветным воском. Тут же — схема промышленного добывания живой воды и даже макет живодоперегонного куба...)

Но ссылками на эти две повести ответы отнюдь не исчерпываются.

«О живой воде, — пишет, например, восьмиклассница Нина Булатова (Гайны Пермской обл.), — говорится в произведениях И. Ефремова «Встреча над Тускаророй» и «Бухта радужных струй». В первом живая вода добыта из глубин океана. Во втором морская вода обладает целебными свойствами потому, что в ней как бы растворяется «дерево жизни» — эйзенгартия...»

Необычный источник пробился и в рассказе Б. Зубкова и Е. Муслина «Плоды», — вспоминают Н. Кардаш (Красноярск) и 19 других читателей. Вот только пробился-то он на участке весьма неприятного типа, приложившего максимум усилий, чтобы этот источник уничтожить...

«Стоит добавить к речной воде одну тысячную часть воды полярных морей, и у нее появятся два удивительнейших свойства: прозрачность и способность лучше поддерживать жизнь», — размышляют пришельцы в рассказе В. Щербакова «Крылатое утро» (он запомнился 12 участникам викторины). А в прошлом у землян и в самом деле была живая вода: «Случай помог родиться живому ключу. Быть может, это произошло где-то на Урале или западнее, гадать трудно, рассказы превратились в сказки... а живая вода? Ключ иссяк, ложе ручейка высохло и заросло степными травами — попробуй отыщи заветное место!»

Л. Зятькова из Челябинска и десятиклассник Анатолий Киянов, ее земляк, указывают на Элизир Мгновенной Регенерации Организм

(В. Шефнер, «Человек с пятью «не»). Читатели с Украины называют рассказы В. Владко «Мертвая вода», Л. Коваленко «Живая вода». 16 человек вспоминают «Напиток жизни» И. Росохватского («Одной капли его достаточно, чтобы снять усталость после битвы, одного глотка — чтобы исцелить болезнь и залечить рану...»)

В письме В. и А. Егоровых мы встретили цитату и из «Гиперболоида инженера Гарина» А. Толстого: «У подножия глыбы из земли била, пульсируя, струя горячей воды. С незапамятных времен люди купались в этом источнике, восстанавливая в нем силы. Это была та самая «живая вода», которую в сказках приносил ворон, — вода, богатая радиоактивными солями...»

«Если считать живой и мертвой водой чудодейственные эликсиры, — это уже сообщение А. Пилипенко (Радомысль Житомирской обл.), — то вот... виталонг — жидкость, дающая бессмертие (Е. Парнов и М. Емцев, «Бунт тридцати триллионов»); всегда свежий раствор ДНК, обеспечивающий бессмертие Кошечу (Г. Филановский, «Фантазки»; эликсир, возвращающий 24 часа молодости (Р. Брэдбери, «Смерть и дева»)...»

Впрочем, достаточно, — мы прерываем этот список: ведь общими усилиями наши читатели насчитали в фантастике пятьдесят один (!) напиток, продлевающий жизнь, возвращающий молодость и здоровье...

9. КАКУЮ ОШИБКУ ВОЛЬНО ИЛИ НЕВОЛЬНО ДОПУСТИЛ МАРК ТВЕН В ПРОЦИТИРОВАННОМ НАМИ ОТРЫВКЕ ИЗ РОМАНА О ПОХОЖДЕНИЯХ ДОСТОСЛАВНОГО ЯНКИ?

«Отвечу уж заодно и на собственный вопрос, — пишет Марат Исангазин. — Летосчисление «от рождения Христа» было придумано настоятелем римского монастыря Дионисием Малым в 532 году н. э. Однако о нем забыли на два века, пока монах Беда по прозвищу Достопочтенный в своей «Церковной истории англов» не возродил дионисиеву эру. Но и после этого о ней еще долго не упоминали. Только с 1431 года во всех актах и документах, рассылаемых римским папой, даты обязательно указывались по христианскому летосчислению...»

Так что никак не мог между юношей-пажем и Хэнком Морганом состояться разговор, в котором были бы строки:

«— Какой же, по-твоему, теперь год?»

— Пятьсот двадцать восьмой, девятнадцатое июня...»

Ошибка с летосчислением кажется нам (и 55 участникам викторины) необязательной даже в фантастическом романе. Впрочем, вполне вероятно, что и о ней (как и о многих других своих «ошибках») Марк Твен знал — да вот простоватый-то, в общем, Янки мог о ней даже и не догадываться...

Таковы ответы на первую группу вопросов «викторины-77».

Что касается «необязательной» второй группы, на которую, тем не менее, постаралось ответить подавляющее большинство участников викторины, — объем обзора не позволяет нам рассмотреть ее в этом же номере. Остаются пока «за бортом» журнала и интереснейшие «побочные» рассуждения наших читателей, которые, безусловно, не разочаровали бы авторов последней на этот раз цитаты — В. и А. Егоровых, постоянных подписчиков «Уральского следопыта» с 1959 года «...Завидует! — пишут они. — Ведь письма любителей фантастики уже сами по себе этюды (а может быть, трактаты) о фантастике. Читать их, вероятно, страшно интересно!...»

Что ж, собранный нами материал мы непременно используем в очередных (а возможно, и внеочередных) выпусках «Калейдоскопа-78».

Виталий БУГРОВ,
редактор раздела

ИТОГИ «ВИКТОРИНЫ-77»

Наиболее точные и полные ответы на первую группу вопросов прислали: М. МИРКЕС (10-й кл., Новосибирск), Г. КУЗНЕЦОВ (Новосибирск), К. ПЛЕШКОВ (Ленинград), А. ЗАСЕЕВ (Солицево Московской обл.), В. ЛЕПИЛИН (Новосибирск), В. БРИГАДИР (Мурманск), О. КИТАЕВА (Свердловск), А. ЩЕРБАКОВА (8-й кл., Пермь), В. ПРОСВИРНИН (Челябинск), С. ПОШЕВЕЛЯ (Новочеркасск Ростовской обл.), В. КОБЛОВ (Свердловск), М. ИСАНГАЗИН (Омск), А. РОГОВ (Славянка Приморского края), Г. ПРОКОПИК (Вязники Владимирской обл.), Л. ЗЯТЬКОВА (Челябинск), Е. КУПИН (Нижний Тагил), Р. ТЕРНОВАЯ (Волгоград), А. КИСЕЛЕВ (9-й кл., Москва), В. ШАТАЛОВ (8-й кл., Сараны Пермской обл.), А. ЗВЕРЕВ и К. КАУФМАН (7-й кл., Горький), О. ОСТРОВСКИЙ (6-й кл., Тюмень).

ПОБЕДИТЕЛЯМ ВИКТОРИНЫ ВЫСЛАНЫ КНИГИ С АВТОГРАФАМИ ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ: «БОЛЬШАЯ ЛАГУНА» С. ЖЕМАЙТИСА, «НА ВОСХОДЕ СОЛНЦА» Ю. ТУПИЦЫНА, «БЫСТРЫЕ СНЫ» З. ЮРЬЕВА И ДРУГИЕ.

Авторы лучших ответов на вторую группу вопросов — Л. АБДУЛИН (Казань), А. БАРАНОВ (Генерал-фельдмаршал Херсонской обл.), А. БЕЗЛАТНИЙ (Челябинск), Ю. БОРОВИКОВ (9-й кл., Горький), В. БРИГАДИР (Мурманск), А. БУРЦЕВ (Иркутск), В. и А. ЕГОРОВЫ (Тбилиси), В. ЕЖОВ (Ленинград), В. ЗАБИРКО (Донецк), Б. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН (Харьков), М. ИСАНГАЗИН (Омск), Н. КАРДАШ (Красноярск), О. КИТАЕВА (Свердловск), В. КОЗУБОВ (Повалиха Алтайского края), Г. КУЗНЕЦОВ (Новосибирск), В. МАВРИН и Н. АБАКУМОВ (Павлово-на-Оке Горьковской обл.), В. ПРОСВИРНИН (Челябинск), Н. САВЕЛЬЕВА (Челябинск), А. СПИРИДОНОВ (10-й кл., Уфа), А. ЩЕРБАКОВА (8-й кл., Пермь).

ЭТИ ЧИТАТЕЛИ ПРЕМИРОВАНЫ ПОДПИСКОЙ НА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Названо в честь МЕДВЕДЯ

**Сергей
ПОПОВ**

*Рисунок
Н. Лазаревой*

Беден животный мир Арктики. Но взгляните на карту и вы увидите там громадное количество «животных» названий. Даже самые суровые и пустынные места Арктики буквально наводнены ими.

В пустынном Заполярье человеку прежде всего запоминаются и кажутся особенно отличительными места встреч с животными, места их промыслов. Любопытно, что люди очень редко называли географические объекты в честь растений. В Арктике наберется считанное количество мелких островов, озер, речушек, носящих названия Лиственничных, Тальниковых, Ивовых, Травянистых. Некоторое исключение представляют лишь названия, производные от мха и ягеля. Это и понятно: олений мох ягель на Севере особенно почитаем.

Больше всего в Арктике «медвежьих» названий, хотя это далеко не самый распространенный в этом краю зверь. Даже в далекие времена, когда медведей на Севере было великое множество, человека всегда поражала и запоминалась надолго встреча с этим красивым, сильным и, вне сомнений, самым опасным зверем Арктики.

Описывая большой архипелаг, лежащий к северу от Колымы, сержант С. Андреев в 1764 году писал о главной его особенности: «На тех островах очень довольно медвежьих следов и живых медведей несколько видели, а иных убили». С тех пор эти острова называются Медвежьими.

Сохранилось еще более раннее описание встречи с белым медведем, сделанное спутником В. Баренца — Геррит Де-Фера. 9 июля 1554 года голландские моряки в бухте на Новой Земле, названной ими Медвежьей, ранили пулей медведя. Он так навалился на лодку, что наполовину влез в нее. Это привело в ужас моряков, они отступили в переднюю часть лодки и почти отчаялись в своем спасении. Избавил их случай: петля или веревка, наброшенная на шею медведя, застряла на лопасти руля, и зверь не мог двигаться дальше, за-

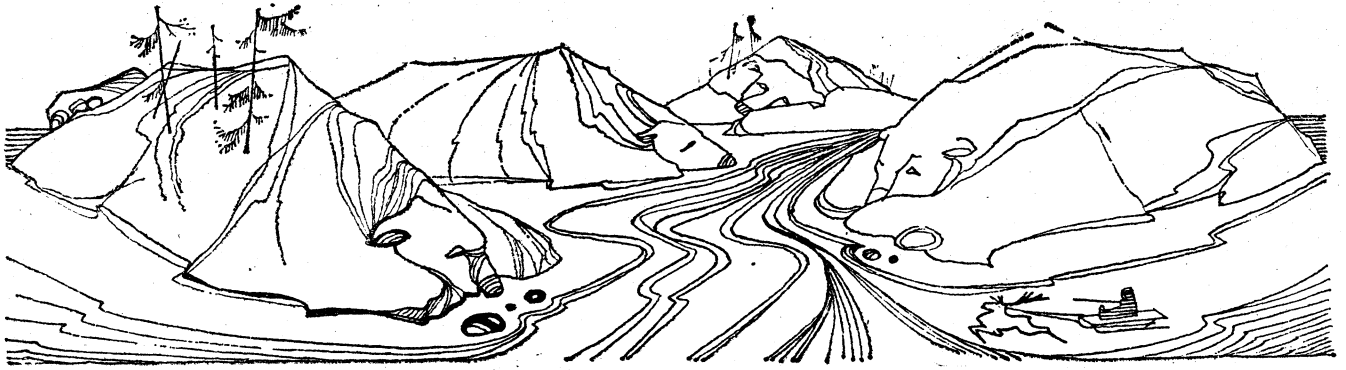
путался в петле. Тогда один из моряков, собравшись с духом, толкнул медведя шестом, зверь скатился в воду. Тут его закололи и сняли с него шкуру, которую отвезли в Амстердам.

Позже, в XIX и XX веках, белых медведей стало меньше, но по-прежнему на арктической карте появлялись отметины от встречи с ними. В 1835 году А. Циволько назвал залив Медвежьим на восточном побережье Новой Земли. В 1914 году В. Ю. Визе едва не стал жертвой белого медведя на острове Гукера в архипелаге Франца-Иосифа, после чего этот мыс также стал называться Медвежьим. В августе 1933 года начальник гидрографической экспедиции на боте «Пионер» С. Д. Лаппо назвал мыс Медвежьим на острове Большой Бегичева. Как он пишет, «в честь семи медведей, которых встретили здесь и которые стали жертвой наших охотников». Есть в Арктике остров и бухта Трех Медведей, мыс Двух Медведей, мыс Ошкуй (поморское название белого медведя), река Варкъяха (по-ненецки «медвежья река»), лагуна Эселях (по-якутски «медвежья»); мыс Медвежий Яр, остров Медвежья Горка, полуостров Медвежий Нос. Всего — почти сотня «медвежьих» названий!

А вот второе место в зоотопонимии Арктики занимает... гусь. Лишь на побережье Советского Заполярья можно насчитать около 70 «гусиных» названий. Наиболее старым топонимом является полуостров Гусиная Земля на южном острове Новой Земли. Назван он давно, еще во времена Ивана Грозного, русскими промышленниками, в несметных количествах промышлявшими здесь летом линных гусей. О гусиных промыслах напоминает здесь и мыс Перевесенский. Перевесом называлось основное орудие ловли гусей — сеть больших размеров.

Интересно, что более многочисленная, но менее ценная в промысловом отношении утка менее популярна и в топонимии (28 названий). Даже совершенно непромысловая чайка оставила на карте больше своих следов — 39 названий.

Есть в Заполярье названия, образованные от обитающих здесь гаги, гагары, куропатки, лебедя, сокола, совы, пуночки. Есть даже остров Чижик у северо-восточного побережья Таймыра. Но не южный чижик-пыжик сюда залетел и «наследил» на карте. Остров был назван Чижиком в 1937 году по кличке собаки.

Пищу, одежду, жилье для жителя Крайнего Севера дает олень. Он — и главное транспортное средство здесь. Поэтому олень и занимает в топонимии Арктики третье «призовое» место.

Повсеместно в Арктике встречаются географические названия, связанные с ценным пушным зверем — песцом. Следующее «по продуктивности» место в топонимии Арктики занимает морж (18 названий), затем идут нерпа (17), белуха (16), тюлень (13 названий).

По десятку, не более, есть в Арктике «заячьих» и «волчьих» названий. Единичны названия, связанные с китом, касаткой, горностаем, лемингом. Совершенно случайно, лишь из-за сходства по форме, названы гора Верблюды на Новой Земле и мыс Верблюжий в Беринговом проливе, мыс Бык на Новой Земле и гора Бык на Северной Земле. Есть на Севере полуостров Крокодил и мыс Гусеница на Новой Земле, остров Еж, мыс Улитка, озеро Головастик на Таймыре, гора Осьминог на острове Врангеля. Эти названия для Арктики также случайны.

В 1878 году Норденшельд открыл на острове Таймыр, в Карском море, бухту Актиния, которую он назвал так из-за обилия в ней морских анемонов — актиний. Вскоре при более точных съемках картографы «потеряли» бухту, так как на ее месте вырисовывался лишь незначительный

изгиб берега. Лишь в 1970 году гидрограф В. А. Троицкий снова «нашел» бухту Актиния. Она из-за неточности съемки Норденшельда оказалась в четырех километрах южнее и к этому времени называлась бухтой Оленьей. Доказательством того, что это именно бухта Актиния, послужил найденный географами на берегу бухты гурий с письмом Норденшельда шведскому королю, где был указан обратный адрес — бухта Актиния. Почти через сто лет письмо было доставлено по адресу, а бухта Актиния снова заняла свое место на картах.

В краю, где издавна развиты охота и промыслы, много названий со значением «промысловый», «охотничий». На Северной Земле есть остров и коса Капкан, на Вайгаче — мыс Янго, что в переводе с ненецкого означает «ловушка», «капкан». Много в Арктике мысов Ключ, Коготь, есть река Клыкская...

Особое место принадлежит арктическим топонимам, образованным от ныне вымерших животных. Поводом для их появления всегда служили археологические находки. В 1941 году гидрограф А. И. Косой на восточном побережье Таймыра нашел двухметровый бивень и череп ископаемого для этих мест морского животного нарвала. С тех пор здесь на картах появились мыс и лагуна Нарвалов.

На острове Бунге есть гора со старинным якутским названием Оксею-Булгуньях. Еще в конце прошлого века известный полярный исследователь Э. В. Толль записал у местных промышленников легенду о происхождении этого названия. Она утверждала, что когда-то давно здесь жила исполинская птица Оксею, когти которой до сих пор находят в земле (на самом деле это были рога ископаемого носорога). Птица будто бы имела две головы и была самой могучей птицей на земле. Булгуньях — по-якутски «бугор», «холм», «вспучивание с ледяным ядром».

На побережье моря Лаптевых, западнее Оленекского залива, имеется мыс Мамонтов Клык, а на побережье Быковского полуострова, неподалеку от порта Тикси, — мыс Мамонта. Эти топонимы возникли от многочисленных археологических находок останков мамонтов. Недаром на побережье моря Лаптевых с давних времен существовал промысел — сбор мамонтовой кости.

На мысе Мамонта тунгус Осип Шумахов в 1799 году обнаружил торчавший из вечной мерзлоты в береговом обрыве бок почти целого мамонта. Осип терпеливо ждал несколько лет пока мамонт вытаял полностью и скатился с обрыва на прибрежную отмель. Тогда он отрубил десятипудовые клыки и выгодно продал их в Якутске. В 1806 году о находке случайно узнал находившийся в Якутске адъютант Петербургской Академии наук Михаил Адамс. Он выехал на берег Северного Ледовитого океана, собрал скелет мамонта и доставил его в Петербург. Так был получен первый в России полный скелет мамонта. На карте же северной Якутии появилась топоним — мыс Мамонта. Окрестные урочища, холм, озеро тоже носят названия Мамонтовых.

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

В 1977 году

ПРОЗА

- Алмазов Б. Деревянное царство. №№ 6, 7.
Вакуловская Л. Венька Коршун — Красная Лодка. № 3.
Вакуловская Л. Письма любимого человека. № 8.
Головин Н. Зюбрик. № 4.
Крапивин В. В ночь большого прилива. № 12.
Никонов Б. Полет в надежду. № 1.
Никонов Н. Золотой дождь. №№ 8, 9.
Полуянов И. Седьмой патрон. №№ 9, 10, 11.
Потанин В. Капли теплого дождя. № 10.
Ромашов А. Харюзок. № 6.
Скоробогатов Ю. Скучные дни на Ионизеэ. № 5.
Чумичев Л. На горе стоит гора. № 2.
Щербаков А. Месяц круторогий. № 12.

МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА

- Амнуэль П. Далекая песня Арктура. № 2.
Брандис Е. Рукопись «Звезды КЭЦ». № 8.
Бугров В. Без знания не угадаешь... № 12.
Гуревич Г. Открытие секунды. № 3.
Другаль С. Тигр проводит вас до гаража. № 1.
Другаль С. У каждого дерева есть своя птица. № 11.
Колупаев В. Защита. №№ 4, 5.
Кривенко Е. Танец перед повелителем статуй. № 8.
Савельзон В. Путиами старых горняков. № 4.
Советов Н. Дорожное происшествие. № 10.
Шалимов А. Форум мечтателей. № 4.
Строки из писем. № 6.
Калейдоскоп. №№ 2, 4, 5, 6, 8, 10, 11, 12.

ПОЭТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ

- Балдин П., Комиссаров А., Синегубко Г., Швед Л. В багровом зареве зари. № 10.
Беляев И., Бусыгин С., Здорик Т., Комлев А., Мясников В., Наумов В., Переводчиков А., Разумов Е., Шамсутдинов Н. Алый след — из лета в осень. № 8.
Богданов В. Сталевар. № 11.
Вагин Г., Голованов Б., Комиссаров А., Следнева В., Шанбутаев М., Чистяков В., Федотова А. И новый день, как новый путь! № 9.
Дубровина Э., Карпенко Б. Небо вскипает звездами. № 3.
Вориводина А., Каратов С., Романов А., Сибирев В. И нет конца дорогам. № 4.
Захаров С. Стена зеленая... № 1.
Кинев Н. С хутора. Комбайнер. № 6.
Кузнецов А., Литвинов В., Суров В., Гер-Акопян А. Сколько в поле цветов... № 5.
Лаптев В. Полощутся закаты... № 1.
Найдич М. Мой подсолнух. № 2.
Сорокин В. А луна большая и чужая. № 12.
Субботина Н. Огневушка. Сылва — талая вода. № 1.
Суворов В. Природы голос слышу. № 6.
Цветков Г. Здравствуй. Схватка. № 1.
Чумаков А. Был месяц май... № 7.
Чунина Т. Свиданья в утреннем саду. № 6.

ЮНОСТЬ ОТЦОВ. ЛЮДИ ПОДВИГА. ДЕЛАТЬ ЖИЗНЬ С КОГО?

- Березин В. Этих дней не смолкнет слава. № 5.
Борисихин Ю. Сев и жатва. № 5.

- Васильев И. Возраст — непризывной... № 6.
Вельяминов Л. Тот самый Оськин. № 8.
Виллахов Е. Испытание Севером. № 11.
Власов А. Сказ о сверкающем серпе. № 10.
Вурдов Н. Робинзоны студеного острова. № 5.
Дайбо М. Директор в матросском бушлате. № 10.
Дегтярев А. Магнитка, год 1931-й. № 6.
Зеличенко Б. Что в имени твоём? № 4.
Колеватов Н. «Я там, откуда обычно не возвращаются...» № 2.
Колов О. Как мы учились. № 3.
Левин Ю. Утро победы. № 9.
Лукин В. БАМ, год 1940-й. № 6.
Лунегов И. Как я стал селькором. № 3.
Мальцева Д. Уральский Камо. № 8.
Нагибин А. Даешь Уренгой. № 10.
Секрет М. Обелиск в степи. № 3.
Семенчик И. По мандату Ильича. № 8.
Семиног А. Улыбка романтики. № 9.
Чванов М. Пока не сложим головы... № 2.
Челышев Б. Воздушные разведчики. № 4.
Чемляков В. Человек из книги. № 7.
Шалимов А. Некалиброванный снаряд. № 2.
Шмерлинг С. Аннушка. № 2.
Шубин И. Фронтвые новеллы. № 11.

ЮНОШЕ, ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЕ. НАЙТИ СЕБЯ. ТРЕБУЮТСЯ СПЕЦИАЛИСТЫ

- Алексеев Е. Его герой. № 1.
Анисимов С., Воробьев А. Дизайнер. № 5.
Борисов В. Электрокарщик. № 9.
Дмитрин Г. Личностью становятся в пути. № 2.

Ефремов Б. Упрямец. № 1.
Иду на «вы», товарищ ВУЗ! № 8.
Ильина Т. Медсестра. № 10.
Мезенин Н. Люди огненной профессии. № 4.
Нагибин А. За Полярным кругом. № 4.
Найдич М. Есть такая служба. № 7.
Новосибирцев Ю. Крылатые сторожа. № 11.
Первое золото юности. № 12.
Революционный держим шаг. № 11.
Сергеев Ю. Тракторист. № 7.
Счастливого полета! № 1.
Чепелев А. Остаюсь собой. № 9.

ДАЕМ АДРЕСА РОМАНТИКАМ. КАРТА ИНТЕРЕСОВ

Ваулин Б. За метром метр. № 12.
Веселов В. Соленые мили. № 6.
Лысяков А. Первоуральский Невотрубный. № 3.
Нагибин А. Это — «ИЖ»! № 7.
Нисковских Ю. БАМ — начало биографии. № 8.
Савельзон В. Великий газопровод. № 2.
Студенческий строительный. № 6.

ДАВНЫМ-ДАВНО. ТРОПОЙ ПОИСКА. ПО БЕЛУ СВЕТУ. КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА

Алебастров И. Лейтенант Веди. № 3.
Андаева Р. Гравюры Петра Староносова. № 5.
Андаева Р., Федотова И. Графическая коллекция. № 6.
Базекин Г. Он помогал «Искре». № 2.
Барсов Н. Прокурор пишет романсы. № 1.
Белюшин М. Редкий снимок. № 12.
Березин В. Биография корабля. № 3.
Богоявленский Л. Триплан Комта. № 7.
Бирюков Е. Моментальная фотография Юровского. № 10.
Блюм А., Павлов В. Первые уральские книги. № 5.
Булавин В. Портрет вождя. № 4.
Вершинин И. Обская вольница. № 8.
Виллахов Е. Алдан — Сорренто. № 1.
Виллахов Е. Париж и Якутск. Герой «ледяной осады». № 10.
Ищенко И. Берет след ЭВМ... № 8.
Каплун И. Таблицы Брадиса. № 1.
Каплун И. Пришвин в Тюмени. № 6.
Каплун И. Отцу Советской республики. № 8.

Кончин Е. Рассказы коллекционера. № 1.
Колеватов Н. Неуловимая. № 10.
Княжецкая Е. Из истории флота Российского. № 9.
Кузнецов А. Знаки русской славы. № 7.
Кузнецов А. Созвездие славы. № 10.
Курочкин Ю. Вокруг Мамина. № 10.
Либерман А. Караваны на Ае. № 5.
Липовецкая И., Щербакова И. Алексей Толстой на Урале. № 10.
Осинцев Л. Шадринский краевед о Ленском расстреле. № 4.
Полухин Т. Барнаульский первенец. № 3.
Польских Р. Магнитка — Свердловск, 1930 год. № 4.
Польская Е. Гремящий дым. № 8.
Попов С. Почему «Геркулес»? № 2.
Попов С. Полярная одиссея художника. № 8.
Преснецов Р. «...который первый здесь науки насадил». № 3.
Преснецов Р. «Которой я очень обязан...» № 10.
Тарасов В. Ермаковы струги. № 12.
Татаринцев А. «Самородная мука». № 1.
Филимонова Т., Филимонов И. И право, и долг. № 4.
Черныльцев В. О чем доносил жандарм. № 8.
Шабалина А. Сказка про Иванасмутьяна. № 4.
Шарц А. Поэт, рожденный Октябрем. № 10.
Шахов В. Во глубине России... № 3.
Шумилов Е. Зодчий Семен Дудин. № 1.
Юдин В. Завод на Алапаихе. № 1.

РУКОМЕСЛА

Васильев А. Картины на металле. № 9.
Галкин П., Тихая Р. Старых мастеров подаренье. № 8.
Рябов П. Музей над Обью. № 2.
Ябуров В. Скульптуры из корней. № 10.

СТРАНА ТОПОНИМИЯ

Дунаев Ю. Ельничная, Талица... № 2.
Иванищенко В., Курбалтунов Н., Непсердинов В. Что такое Хорогочи? № 5.
Матвеев А. «Скала, пробитая стрелой» и «Квартал-220». № 2.
Матвеев А. Когда говорят скалы. № 6.
Матвеев А. Не возводи напраслину. № 9.

Матвеев А. Кто она. Меря? № 11.
Ошивалов П. Нерга или Нярке? № 10.
Попов С. Молодежные имена в Арктике. № 10.
Попов В. Названо в честь медведя. № 12.
Шумилов Е. Имени полезных ископаемых... № 6.

НАУКА И ТЕХНИКА. НТ-77. НА ВСЕ РУКИ

Вышка-самостав. № 1.
Губарев В. Космическое соцветие. № 6.
Ефимова Т. Особое мнение. № 5.
Ермаков Н., Китаев Н. Невероятно? И все же! № 1.
Зотов В. На пороге звездного века. № 11.
Липатников Ю. Огонь века. № 3.
Липатников Ю. Сказы о смекалке. № 8.
Липатников Ю. Солнечная земля. № 12.
Маркуша А. Голубая рапсодия. № 3.
Нечаев А. Лежачие леса. № 7.
Панкратов В. Богатырь в Добрянке. № 3.
Транспорт сегодня и завтра. № 7.
Урванцев Б. Зачем нужен стандарт? № 9.
Финкельштейн Д. По следам веществ. № 4.
Чернов Ю. Игарская «мерзлотка». № 1.
Якубовский Э. На доске под парусом. № 2.
Яровой Ю. Экстра-сталь. № 10.
НТ-77. №№ 1, 3, 7.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА. ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ

Архипова Н. Земля одарит красотой. № 5.
Биленкин Д., Школенко Ю. Планета задает вопросы. № 7.
Богоявленский Л. На гусиной пажити. № 6.
Гурулев А. Разноцветный горизонт. № 7.
Демченко А. Олений парк. № 1.
Деменко М. Уголек. № 4.
Денисов В., Усольцев А. Чрезвычайная вода. № 7.
Зайцев Н. Столица морских пиратов. № 1.
Малышев Р. Ода старой ольхе. № 4.
Мешаев С. О жизни спеть. № 3.
Нагибин А. Земля пилота. № 3.
Николаев Н. Лупоглазый. № 4.
Поляков А. Гребенников. № 3.
Романовский С. Дятел. № 10.
Росляков Г. Рыба-прыгун. Шуба

для филина. Встреча с фрегатом. № 2.
Семченко Н. Дуэт. № 4.
Юровских В. Истоки. № 3.

ИЩУ И НАХОЖУ. МУЗЕЙ ОДНОГО ЭКСПОНАТА

Аппарат Юза № 5797. № 11.
Брянский В. Ледник... на Байкале. № 12.
Коровин А. Кто изобрел парту? № 9.
Мельцов В. Подарок пещеры тайн. № 3.
Петрин В., Стефанов В. Уральские писаницы. № 1.
Кожевников А. Как нашли «Лосиное ухо». № 4.
Слукин В. Редкая фотография. № 5.
Соколкин Э. Знамя ЧОНа. № 7.
Сурин Л. Памятник, которого нет. № 6.
Шарохин Н. Свидетели былого. № 2.

НА СЛЕДОПЫТСКОЙ ЛИНЕЙКЕ. СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

Великорусова Л. Судьба корабля. № 4.
Дробиз Б. Мальчик из Станьково. № 12.
Машнин В. И стал краеведом. № 4.
Меньшикова М. Вова, Коля, мама и бабушка Андреевы. № 5.
Широкова Н. Находит тот, кто ищет. № 3.
Следопытский телеграф. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12.
Кривошеин В. Корчагинцы десятой пятилетки. № 8.

НАШИ ИНТЕРВЬЮ. ЧИТАТЕЛЬ — РЕДАКЦИИ, РЕДАКЦИЯ — ЧИТАТЕЛЮ

Журкович Н. Кубик. № 7.
Климат улицы и планеты. № 9.
Подборка читательских откликов на журнал № 11—76 г. № 8.
Румянцев Л. По поводу «Кубика»... № 7.
Рябинин Б. Котенок в мусоропроводе. № 11.

РАССКАЗЫ О КНИГАХ

Головачев О. Золотые россыпи. № 7.
Костылев И. Слово о Рифее. № 1.
Никитин А. Сочинял Никита Попов... № 4.

Петров В. Русские самоцветы. № 1.
Петров М. Карельские берендей. № 10.
Походов А. Пермская Ленинина. № 9.
Румянцев Л. Любовь к земле. № 3.

РАЗНОЕ

Абайдуллина Э. Кинолетопись стройки. № 6.
Балашов В. Та самая Ивановка. № 7.
Гулин Г. Экскурсионное ориентирование — что это такое? № 3.
Иванов В. Рисует автор. № 6.
Каптиков Р. В седле по Алтаю. № 6.
Лившиц Д. Тагильские музы. № 12.
Липатников Ю. Пером жар-птицы... № 7.
Нагибин А. Художники Воркуты. № 2.
Назаров Е. Марафон по льду Волги. № 3.
Немиров Ю. Разин и Шукшин. № 9.
Нисковских Ю. Подарок Хасово Окозтто. № 1.
Рыбаков Б. Откуда пошли русские фамилии. № 4.
Харитонов В. Версты всадников. № 1.
Швец П. На дальнем пикете. № 3.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ

*Перед вами перечен
публикаций
«Уральского следопыта»
за 1977 год.*

Редакция обращается к вам с просьбой: напишите нам, какие повести, рассказы, очерки, статьи и заметки вам более всего запомнились в этом году. Какие разделы (рубрики) журнала вызвали наибольший интерес? Что бы вам еще хотелось увидеть в журнале?

Ваши ответы помогут нам в дальнейшем полнее учитывать читательские запросы.

**ЖДЕМ
ВАШИХ
ПИСЕМ!**

Наши призеры

Подводя итоги, редколлегия по традиции отмечает наиболее интересные на ее взгляд публикации.

В этом году памятными призами «Уральского следопыта» отмечены:

Повесть свердловского писателя Владислава Крапивина «В ночь большого прилива», опубликованная в этом номере;

Повесть ленинградского писателя Бориса Алмазова «Деревянное царство» (№№ 6 и 7), а также его прошлогодняя публикация «Самый красивый конь»;

Очерк курганского публициста Вячеслава Веселова «Соленые мили» (№ 6);

Историографические публикации москвича Александра Кузнецова «Знаки русской славы» и «Созвездие славы» (№№ 7 и 10);

Иллюстрации свердловского художника Николая Мооса к повестям «Седьмой патрон» (№№ 9,

Владислав Крапивин

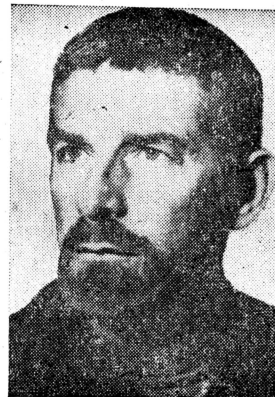

Борис Алмазов

Вячеслав Веселов

10, 11—1977 г.), «Евпатий Коловрат» (№№ 4, 5—1976 г.), а также его многолетнее участие в художественном оформлении журнала.

Александр Кузнецов

Николай Моос

Поздравляем
новых
лауреатов!

МАРС ДРОЖИТ ИЛИ...

Необычайно разнообразны ответы участников «викторины-77» на шестой вопрос второй группы. Тут и самостоятельные фантастические рассказы (далеко не всегда, правда, уложившиеся в обусловленные тридцать строк), и переводы зарубежной фантастики, и юморески, и пародии на маститых наших писателей-фантастов, и палиндромы (рассказы-«перевертыши»), и даже кроссворды, и... Впрочем, кое-что мы все-таки засекретим.

А Виталий Бригадир, наш читатель из Мурманска, свой рассказ... нарисовал!

МАРС
ДРОЖИТ

или

еще раз
о пользе
ФАНТАСТИКИ

В. Бригадир

МАРС ГИБНЕТ, ЕЩЕ НЕМНОГО И
МАРСИАНЕ ВЫМУТ ПОЛНОСТЬЮ
ПРИКАЗЫВАЮ ЗАХВАТИТЬ ЗЕМЛЮ
И ПРЕВРАТИТЬ ЕЁ ВО ВТОРОЙ
МАРС!!!

Я ПРЕДЛАГАЮ
СНАЧАЛА ПОС-
ЛАТЬ РАЗВЕДКУ!!
БЕЗ НЕЁ НИ
ШАГУ!!

СОГЛАСНА!

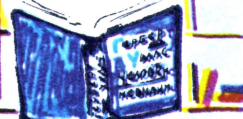
МЫ ДОЛЖНЫ
ВЫЖАТЬ ИЗ ЭТО-
ГО ХРАНИЛИЩА
ЗНАНИЙ ВСЮ
ПОЛЕЗНУЮ
ИНФОРМАЦИЮ!!!

О! ЭТО ЛЕТОПИСЬ
О ГЕРОИЧЕСКОМ
ПОХОДЕ НАШИХ
ПРЕДКОВ НА
ЗЕМЛЮ!!!

ЧЕЛОВЕК-
НЕВИДИМКА
ЭТОТ ПУСТЯК
УМЕЕТ И МЫ
ДЕЛАТЬ!!!

Хе-хе
ЧЕЛОВЕК ПРОХОДИТ
СКВОЗЬ СТЕНЫ —
УДИВИЛИ, А МЫ,
СПРИШИВАЕМСЯ,
КАК ПОПАЛИ
В ЭТУ
БИБЛИОТЕКУ!

В следующем номере нашего журнала публикуется **НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ** погоды

В наше время погоду предсказывают тысячи метеорологических станций. Они находятся всюду — на кораблях, в горах и пустынях, на льдинах Арктики и в глубине Антарктики, на искусственных спутниках Земли. Они оснащены автоматикой и компьютерами... Однако и теперь не утратили своей силы народные приметы. «Длинные сосульки — к долгой весне», «Ранняя роса

летом — к ведру», «Дым из трубы столбом — к холодам», «Когда черемуха цветет, всегда холод живет», «После большого грома — большой дождь»... Великую книгу природы, по крупицам собранную народом в течение многих веков, полезно знать и сегодня. Народный календарь собран инженером из Усть-Каменогорска Борисом Рыбаковым.